

"Школа гейш"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Алиса Лис

ШКОЛА ГЕЙШ

Это фэнтези. Мир и его реалии в данном произведении выдуманы и не имеют никакого отношения к реально существующим странам. Взяты только имена, некоторые понятия и названия.

Часть первая

МЕЖДУ БЕРКУТОМ И ТИГРОМ

Глава 1

ЛУЧШАЯ УЧЕНИЦА

Их подняли в шесть утра, вывели на улицу в одних коротеньких рубашках из тонкого полотна и велели построиться.

Мия переминалась с ноги на ногу в первом ряду вместе с другими выпускницами-майко, судьба которых окончить в этом году школу «Медовый лотос» и впервые в жизни познать мужчину. Она зябко поводила плечами, вслушиваясь в восторженный шепоток подруг. Всем хотелось посмотреть на нового директора, ради которого их выгнали, запретив даже одеться. Стоять на по-утреннему прохладном воздухе в рубашке, едва прикрывавшей ягодицы, было стыдно. От холода соски затвердели и чуть терлись о грубоватую ткань.

Тревожно стукнуло сердце. Сегодня случится что-то. Что-то, что изменит ее жизнь.

— Говорят, он настоящий красавчик. — Ичиго захихикала.

Все воспитанницы были взбудоражены до предела. Шептались, улыбались. Атмосфера возбуждения витала во дворе.

Нет, в «Медовом лотосе» были, конечно, мужчины. Старик Ихурэ, обучавший воспитанниц искусству массажа и разминавший натруженные после многочасовых занятий танцами мышцы. Или Нику — сын поварихи.

Но это были совсем другие мужчины. Знакомые. Привычные. Неинтересные. Не такие, как господин Акио Такухати — молодой мужчина, воин и маг из знатного рода.

— Летит! — пронеслось над головами.

Госпожа Оикава грозно сверкнула глазами на воспитанниц и ударила молоточком по гонгу, призывая к тишине. Густой медный звук поплыл по двору.

А потом тень заслонила солнце. Крылья забили по воздуху, от поднятого ими ветра волосы Мии взлетели вверх черным полотном.

И во двор опустилась гигантская птица фэнхун. По ярко-алому оперению пробегали волны, оранжевые и красные, как языки огня. В груди летуна за тонкой пленкой лишенной перьев полупрозрачной кожи бушевало пламя. Птица опустила крылья и устало закрыла глаза. Пламя чуть угасло и теперь пульсировало в ритме ударов сердца.

Будущие гейши выдохнули хором, а со спины птицы спрыгнул мужчина в дорогом шелковом кимоно и брюках-хакама.

На этот раз в слитном вздохе воспитанниц без труда можно было уловить восторг.

Новый директор был и вправду хорош собой: высокий, широкоплечий, подтянутый; длинные иссиня-черные волосы зачесаны в высокий хвост. Тонкие и немного порочные черты лица портила надменная складка у края губ. Ярко-синие глаза чуть светились, выдавая в мужчине мага. Он спрыгнул со спины гигантской птицы, с хищной грацией прошел по двору к выстроившимся девочкам.

Красивый...

Сердце Мии забилось чуть быстрее. Не от близости мужчины — от тревоги.

Слишком жадным и высокомерным был взгляд нового директора.

Она почувствовала себя слабой продрогшей добычей рядом с сильным и опасным хищником. Хотелось потянуть подол коротенькой рубашки ниже, скрыть себя, спрятать от этого изучающего взгляда.

Госпожа Оикава склонилась в традиционном приветствии. Она говорила и говорила — о школе, о том, как они все рады видеть нового директора. Он слушал, вглядываясь в лица выпускниц, пока не вернулся снова взглядом к Мне.

— Выйди, — приказал господин Такухати.

Кровь бросилась Мне в лицо. Одно дело стоять вот так, среди других воспитанниц. И совсем другое, когда тебя выталкивают вперед из строя.

Стыдно.

Она шагнула, ощущая на себе презрительный хозяйский взгляд. Наступила босой пяткой на камушек и ойкнула, поджав крохотные пальчики.

Мужчина оглядывал Мию изучающе, как товар на рынке. Мерил взглядом снизу вверх, от изящных ступней и стройных длинных ног перешел к бедрам. Их округлая женственность угадывалась даже под мешковатой рубашкой. Тонкая ткань натягивалась на вдохе, обрисовывая контур девичьей груди красивой формы и съжившиеся от холода соски.

Мия вспыхнула и скрестила руки, пытаясь закрыться. Ей всегда казалось, что выражение «лапачь взглядом» — просто поэтическое преувеличение. Но сейчас новый директор именно что лапачь ее без единого прикосновения, только взглядом.

— Мия Сайто — наша лучшая ученица, — представила ее госпожа Оикава.

— Лучшая, — господин Такухати скептически приподнял бровь, — надо проверить.

Он еще раз взглянул на Мию, задержав взгляд на двух одинаковых браслетах на запястьях — широких бронзовых полосах с клеймом школы, и велел:

— Чуть позже, в моем кабинете.

В одежде Мия почувствовала себя увереннее. Она выбрала самое простое кимоно из темно-синего шелка, без вышивки. Убрала волосы в намеренно скромную прическу сакко — тугой узел на затылке, как носят замужние дамы, и даже не стала украшать волосы цветами.

Но на душе все равно было беспокойно. Мия вспоминала высокомерный и жадный взгляд нового директора и боялась, что все ухищрения окажутся напрасны.

Она опустилась на колени у тонкой перегородки, затянутой расписной рисовой бумагой, звякнула в маленький колокольчик, дождалась отрывистого «входи» и отодвинула дверь.

Комната, которую Акио Такухати назвал своим кабинетом, еще недавно принадлежала госпоже Итико. Мия бывала здесь, как и все ученицы школы, — получая советы и наставления в искусстве доставлять наслаждение мужчине.

Школами гейш исконно заведуют женщины. Опытные гейши, сами в свое время прошедшие

этот путь от неумелой девочки, купленной за копейки у родителей, до распустившегося чудного цветка, улаждающего своим видом и ароматом мужские вечера.

Но на прошлой неделе «Медовый лотос» постигли сразу две утраты. Погиб маг, создававший обучающие иллюзии, а его супруга — госпожа Итико серьезно заболела и слегла. И никто не объяснил ученицам, почему новым директором прислали господина Такухати.

— Закрой дверь.

Акио Такухати успел снять верхнее кимоно и сейчас сидел в одних хакама и тонкой полотняной рубашке, даже не завязанной. Против воли Мия уставилась на его обнаженную грудь. Четко прорисованные мышцы притягивали взгляд, как и мощные, покрытые короткими черными волосами руки с широкими запястьями.

В этой комнате еще ощущался дух прежней хозяйки — еле заметный аромат лаванды от вышитых подушечек, статуя кошки с поднятой лапкой в углу, изящная чернильница на низеньком столике. Но новый директор, резкий, полный опасной силы, уже заполнил это пространство целиком. Он словно выпил одним присутствием весь воздух. Мие казалось, что она может ощущать его присутствие даже кожей.

Он поднялся с татами единым движением и подошел к ней с кривой ухмылкой.

— В утреннем наряде ты мне больше нравилась, лучшая ученица Мия Сайто.

— Простите, господин, — ответила Мия, опустив взгляд, — но меня учили, что гейша всегда должна улаждать взор и слух мужчины, являя собой образец изысканности и утонченности. Боюсь, мой утренний наряд никак не подходит для этого.

— Отчего же, — синие глаза сверкнули, по губам поползла масляная улыбка, — еще как подходил. Смотреть на тебя в нем было наслаждением.

Мия стояла все так же, потупив взгляд, пока он обходил ее по кругу, словно примериваясь, с какого бока цапнуть. Рядом с ним и без того миниатюрная Мия почувствовала себя совсем крохотной. Скрытая сила, которую источал этот мужчина каждым своим движением и даже просто присутствием, заставляла ее чувствовать себя слабой.

Он склонился к ее шее, вдыхая запах сандалового масла, а потом медленно, наслаждаясь каждым движением, вынул шпильки — одну за другой. Волосы упали на спину, подобно струям воды, плащом укутали тело, спустившись до земли. Мужчина восхищенно выдохнул.

— Значит, лучшая. — Его пальцы очертили ушко Мии, спустились ниже на шею. — Самое время переходить от теории к практике.

Она молчала, тяжело дыша и кусая губы, чтобы не закричать. Да, она знала, что рано или поздно достанется мужчине. Незнакомцу, который заплатит большую цену на аукционе, выкупая девственность девушки. Знала, что этот мужчина может оказаться неприятным или даже жестоким...

Но все это было в каком-то далеком «потом», призрачном будущем, которое может и не случиться. И это «потом» было судьбой, для которой Мию растили с восьми лет.

Школа обучала науке любви, но не поощряла бесстыдство. И сейчас целомудрие Мии и ее

гордость протестовали горячо и резко. Стать игрушкой господина Такухати, отдаться ему просто оттого, что он выбрал ее среди прочих выпускниц и пожелал взять, было унижительно.

В этот миг Мия поняла, почему директор прибыл так рано и отчего распорядился, чтобы их всех вывели к нему в таком непристойном виде. Директор с самого начала желал выбрать себе постельную утеху.

Да, он был красив, но внешняя красота словно подчеркивала безжалостность этого мужчины.

— Пожалуйста, прекратите, — резко сказала Мия. — Или будет больно.

Ее тонкая ладонь полностью утонула в его лапище. Он провел пальцем по запястью. Ухмыльнулся:

— Ты про браслеты? Не будет. Я все же маг, девочка.

Мия сглотнула. Браслеты на руках защищали собственность школы — учениц. От мужского внимания и собственных блудливых желаний. Стоило какому-то мужчине попробовать овладеть будущей гейшей против ее воли, как его ждал очень болезненный магический удар.

— Я не хочу, — сказала она, когда директор распустил пояс на ее кимоно.

— Захочешь! — самоуверенно отозвался он. — Тебе понравится.

— Я буду кричать, господин Такухати.

— Если только от страсти. — Он запустил руку в ее волосы, заставляя запрокинуть голову.

И тут же возмущенно отпрянул, когда вроде бы покорная девочка до крови прокусила ему губу при попытке поцеловать ее.

— Ах ты... — Дальше шло слово, значения которого Мия не знала.

Она была готова к насилию и понимала, что не сможет противостоять ему, но Акио Такухати не предпринял повторной попытки. Вместо этого он отошел к столику и налил себе сливового вина из темной пузатой бутылки.

— Хочешь? Нет? Ну и ладно. — Он отхлебнул и сверкнул белыми зубами. — Чего ты боишься? Думаешь, я не знаю об особых уроках, которые проводила Итико?

Мия залилась краской от этого напоминания.

— Это твоя судьба — ублажать мужчин, — жестко продолжал он. — Так что от тебя не убудет быть со мной поласковой сегодня, не так ли?

Она запахнула кимоно:

— Нет, господин Такухати. Я не буду с вами «поласковее».

— Почему?

— Не хочу. Вы можете взять меня силой, но по доброй воле я вам не отдамся.

— Отдашься тому, кто больше заплатит? — зло спросил он. — А ты знаешь, как все это

происходит, маленькая принцесса? Думаешь, все будет красиво, нежно, романтично? Или что тебя выберет сам сёгун?

— Я не наивна, господин Такухати. Но я не позволю опозорить себя. Майко, которая не сумела сохранить целомудрие до выпуска, никогда не станет гейшей. Только дешевой шлюхой.

— Какая разумная девочка, — издевательски протянул он и залпом допил вино. — Я не собирался забирать твое целомудрие. Есть много других способов. Тебя уже научили играть на флейте?

Наглая улыбка господина Такухати свидетельствовала лучше любых слов: под «флейтой» он имел в виду совсем не сякухати, на которой Мия и вправду любила играть.

Да как он смеет?!

— Нет! — Она отступила, ускользнув от жадных рук.

— Не учили? Какое упущение. Нужно будет исправить.

Уроки госпожи Итико включали в себя искусство минета. Ученицы обучались ему в мире грез, который создавал для них маг «Медового лотоса». Не познавшая прикосновений мужчины Мия умела многое. Она была лучшей во всем.

— Я не нуждаюсь в дополнительных уроках, господин Такухати.

Теперь на его лице появилась настоящая злость. Еще полчаса назад под этим яростным взглядом Мия пожелала бы забиться в угол, спрятаться. Однако сейчас она вдруг поняла, что ее страх перед этим мужчиной растворился. Мия выступила против него и смогла устоять.

Почему он не стал прибегать к силе? Почему ограничился словами?

Она чуть не задохнулась, когда поняла почему.

— Ты учишься в моей школе, — процедил директор. — Ты принадлежишь мне. Так что будь послушной шлюшкой — встань на колени и покажи, чему тебя научили.

Тут Мия чуть не рассмеялась:

— Школа принадлежит не вам — гильдии. И я принадлежу гильдии. А вы — вор и пытаетесь забрать то, что вам не принадлежит. — По тому, как изменилось лицо мужчины, она поняла, что попала в цель.

— Умная, да?

— Я недаром первая ученица, господин Такухати, — сказала Мия, пряча улыбку.

Он снова приблизился и вцепился в ее волосы, заставляя смотреть ему в лицо. Его взгляд давил, как пресс давит спелые сливы, но Мия не отвела глаз.

— И в чем же ты первая? — Его губы презрительно скривились.

— В музыке, чайной церемонии, каллиграфии, искусстве составлять хокку и икебаны... — ровным голосом перечисляла Мия. Горячее дыхание касалось ее губ, синие глаза светились магией, наполнявшей тело мужчины.

— ...сегодня будет состязание по танцам. И на нем я тоже стану первой.

Это прозвучало хвастливо, но пренебрежение, с которым господин Такухати слушал рассказ о ее успехах, разозлило Мию. Он словно показывал всем своим видом, что любое ее искусство и сама она — ничто перед его статусом, магической властью и знатным происхождением. Мия же себя ничем не считала.

— Станешь первой?

Она выдержала его взгляд:

— Стану.

Если на то будет милость Амэ-но удзумэ, но этому мужчине нельзя показывать сомнение, или он подомнет, сотрет, уничтожит Мию.

— Ты слишком уверена в себе для безродной девки. — Господин Такухати сощурился, а потом коварно улыбнулся. — Слушай, первая ученица, как насчет пари? Если ты победишь, я оставлю тебя в покое. Если проиграешь, покажешь мне все, чему тебя научила Итико.

Опасность! Где-то в его словах таилась ловушка. Но где?

Директор не судит состязания, это делают гейши-наставницы. И у него нет власти приказывать им судить нечестно. Почему же он тогда так уверен, что Мия проиграет? Она и вправду хороша в танцах, одна из лучших среди майко...

— Подумай, — все с той же улыбкой добавил господин Такухати, — сколько у меня возможностей испортить жизнь строптивой лучшей ученице, чтобы научить ее послушанию и скромности.

— Я согласна на пари, господин Такухати. Прошу, разрешите мне удалиться. Я должна подготовиться к состязанию.

Он выпустил ее волосы.

— Иди.

Только покинув комнату, Мия позволила себе бессильно сползти по стене. Ноги не держали, руки тряслись при одном воспоминании о случившемся.

Зачем она это сделала? Зачем согласилась на безумное пари?

Она вздохнула и начала медленно собирать волосы, чтобы уложить их заново в узел.

Теперь она не вправе проиграть!

С солнечными лучами во двор пришло тепло. Туман еще стоял над сопками, стелился меж сосен, но здание школы, низкое и приземистое, с чуть загнутыми вверх краями крыши, уже прогрелось. Солнечный свет рябил, отражался от водной глади маленького пруда с лотосами. Если бы не порывы пронзительного зимнего ветра, можно было бы поверить, что пришла весна. Но рано, пока рано.

Солнце гладило крыши маленьких домиков, где ночевали и жили наставницы и ученицы.

Мия медленно обула сандалии-гэта и вышла из здания. Прочие ученицы вместе с наставницами сейчас завтракали в столовой, но ей после разговора с директором кусок не лез в горло и не хотелось слушать чью-то веселую болтовню.

Нужно собраться! Первый урок — каллиграфия. Если у нее будут так дрожать руки, это сразу заметят.

Тихий клекот со стороны обычно пустующего загона для скотины заставил ее вздрогнуть. Птица фэнхун!

Фэнхуны вили гнезда в жерлах вулканов и питались живым пламенем, не давая силе земли вырваться на поверхность и уничтожить все живое. Наверное, Акио Такухати действительно могучий маг, если сумел укротить фэнхуна.

Волшебный летун сидел за оградой. Со сложенными крыльями он казался не таким уж большим — два дзё [Японская мера длины. Одно дзё равняется примерно трем метрам.] в длину. Пламя в его груди едва тлело.

Мия подошла ближе, рассматривая чудо-птицу. Кожистая пленка века чуть дрогнула, птица повернула голову и уставилась на Мию в упор.

«Чего ты хочешь?» — эта мысль не принадлежала Мие. Она была чужой, сказанной гортанным резким голосом. Только голос этот звучал у Мии в голове.

— Кто здесь? — Мия вздрогнула и оглянулась, но двор был пуст. Никого, кроме нее и птицы.

«Ты слышишь меня? — Теперь в голосе, которым говорил незнакомец, ощущалось удивление. — Ты маг?»

— Нет.

Мия еще раз обернулась. Никого. Только фэнхун все так же рассматривал ее в упор, слегка наклонив голову.

Она охнула от неожиданного прозрения и спросила у птицы:

— Это ты говоришь со мной? Ты умеешь говорить?!

«Мы все умеем. Только люди не умеют слушать. Никто, кроме магов». — Гигантская птица подошла ближе к краю ограды. Крылья волочились за ней. Вопреки ожиданиям, фэнхун не источал жара. Волны огня, гулявшие по перьям, светили, но не грели.

— Я не маг, — возразила Мия, — у меня глаза черные.

«Это потому, что твое пламя еще спит. Чем больше сила, тем труднее разбудить. Это мудро. Вы, люди, как птенцы. Никто не пустит птенца в самое жерло».

Хоть от птицы и не шел жар, Мие стало жарко.

— И как разбудить мое пламя? — жадно спросила она у фэнхуна.

Тот покачал головой. Совсем по-человечьи.

«Я не знаю, маленькая майко. Но я видел, что Акио Такухати положил на тебя глаз. Будь осторожна и не гневи его. Я знал немало людей, но не встречал никого более жестокого».

— Почему тогда ты служишь ему?

«Он наложил на меня путы. Сплел сеть из волос покойной ведьмы, вымочил ее в черных водах проклятого источника и поймал в силки, как перепелку. — В голосе фэнхуна слышалась тоска. — Я бы все отдал, чтобы вернуться домой, на склоны священной горы. Где-то там до сих пор живет моя семья, маленькая майко. Они не знают, что случилось со мной».

— Ох...

Сердце сжалось в груди. Мия с восьми лет не знала иной семьи, кроме школы, но она помнила свою мать — немолодую полную женщину с теплыми руками и лукавыми морщинками вокруг глаз. Мия бы все на свете отдала, чтобы вернуть ее. Обнять, уткнувшись в застиранное кимоно, положить голову ей на колени, испрашивая благословения.

— Есть ли способ тебя освободить?

«Это может сделать только маг, маленькая майко. Черная сеть всегда со мной, оплетает мои крылья. Но я благодарен тебе за сострадание».

В воздухе разнесся удар гонга, призывая учениц на первый урок.

«Иди, маленькая майко, — устало сказал фэнхун, — или опоздаешь. Если судьба однажды занесет тебя к подножию священной горы Адзаси, найди моих сородичей и расскажи им, что Хоно Рыжее Перо не погиб, но томится в неволе».

— Хоно Рыжее Перо, — тихо повторила она и поклонилась фэнхуну, как младший кланяется старшему. — Мое имя Мия, и если в моих силах помочь тебе, я помогу.

Глава 2

ТАНЕЦ СИРЕНЕВОГО ЖУРАВЛЯ

Из-за назначенного на вечер состязания отменили половину уроков, и уже к обеду выпускницы освободились. Младшие девочки должны были подойти позже, чтобы присутствовать на ежегодном сражении за звание Ивовой ветви в качестве зрительниц.

Звание было почетным. Гибкая ива — воплощение женственности, сути гейши. Податливая, но стойкая, она гнется, но не ломается и может больно хлестнуть в ответ.

Победительница получала подарок — серебряные шпильки-кандзаси с символом «Медового лотоса» и иероглифом собственного имени.

Кумико подошла, когда Мия уже завязывала пояс-оби на особом кимоно для танцев. Рукава-крылья расшиты изображением летящей сакуры, ткань обрисовывает тело мягкими складками, подол тянется по полу, стекает у ног лужицей сиреневого шелка.

Обернувшись, Мия поймала полный ревнивой обиды взгляд майко. Ичиги и Оки за ее спиной тоже смотрели недобро.

— Почему ты? — Голос Кумико дрожал от гнева. — Почему всегда ты, возмнившая о себе худародная девка?!

Отцом Кумико был самурай. Нищий и вконец спившийся, он продал дочь в школу, чтобы ему не пришлось кормить ее самому, но Кумико не уставала напоминать всем о своем благородном происхождении.

— Ты чем-то недовольна, Кумико-сан? — вежливо спросила Мия.

Их продали в школу в один день. Неприязнь между ней и Кумико зародилась с первого взгляда и дальше лишь крепла.

Мия, недавно пережившая смерть матери, замкнулась, не желая пускать хоть кого-то в свой наполненный тоской мирок, а Кумико была активна, весела и сразу стала лидером среди будущих гейш. Мия же оказалась в положении изгоя.

Она год провела изгоем. Одиночкой, лишенной тепла. Еда не имела вкуса, а мир — красок. И учеба казалась утомительной обязанностью. Тогда Мия была последней среди учениц, и гейши-наставницы даже спорили, стоит ли тратить на нее время и силы — ясно же, что в девочке нет задора и жизни. А коли так, ей никогда не стать хорошей гейшей.

А потом встреча с крохотным тогда еще Дайхиро заставила ее поверить, что в мире осталась радость. И Мия захотела жить. Захотела стать лучшей среди равных.

Она стала лучшей, но так и не стала своей.

Кумико не сразу почувствовала опасность от презираемой всеми серой мышки. Первый тревожный звоночек для дочери самурая прозвучал, когда Мия обогнала ее на состязании по каллиграфии.

Дальше — больше. Как ни старалась Кумико, Мия — замкнутая, задумчивая, отверженная сверстницами, упорно обходила ее во всем. Наставницы начали хвалить Мию и даже ставить в пример.

В довершение всего она вдруг расцвела, как распускается бутон цветка, превратившись в считанные месяцы из угловатой неуклюжей девчонки в изящную молодую девушку.

Этого самолюбивая дочь самурая уже не выдержала. Насмешки, тычки, подколки и мелкие пакости от нее и ее свиты стали постоянными спутниками жизни Мии, пока госпожа Итико не прекратила это, пригрозив, что отчислит Кумико.

Лишенная возможности делать гадости, Кумико не уставала их повторять. В лицо и за спиной.

— Знаю, это все из-за твоих волос, ведьма, — продолжала дочь самурая, словно не расслышав тонкой издевки, скрывавшейся в словах Мии. — Ты раскинула их так, что заслонила всех остальных.

— О чем ты?

Ученица зло сощурила глаза:

— Не делай вид, что не понимаешь. Почему господин Такухати вызвал тебя? Тебя, одну из всех нас!

Ичиги и Оки за ее спиной что-то добавили презрительное и ворчливое.

— Ты... ревнуешь? — изумилась Мия. И, увидев, как вспыхнула дочь самурая, поняла, что

попала в цель.

Как можно ревновать того, кого видела лишь однажды в жизни несколько минут?

— Мы видим тебя насквозь, маленькая дрянь. Ты хочешь окрутить господина Такухати, соблазнить его, чтобы стать его супругой, — выпалила Ичиго. Обычно смешливая и беспечная, она смотрела на Мию с настоящей ненавистью.

— Я клянусь памятью матери, — Мия приложила руку к сердцу, — что это последнее, чего я хочу. Акио Такухати не привлекает меня как мужчина, и если бы он и пожелал жениться на мне, я бы сделала все, чтобы избежать этого брака.

— Врешь! — фыркнула Оки.

По лицам девочек было видно, что они не верят ни единому слову Мии.

Да, наверное, трудно поверить в эти слова, если видела директора только несколько минут. Ведь он красив, из знатного рода и влиятелен. Не каждому выпадет несчастье узнать его жестокость.

— Грязная лживая дрянь, — громко произнесла Кумико. — Неужели ты думаешь, что мы такие дуры?

Спорить было глупо, но промолчать означало согласиться с обвинением.

— Я не лгу.

Дочь самурая коварно улыбнулась:

— Тогда докажи это.

— Как?

— Победительница получит награду из рук господина Такухати. Проиграй состязание. Дай шанс ему заметить другую майко.

Кумико говорила о себе. Она прекрасно танцевала и была главной соперницей Мии уже много лет.

Как объяснить им? Как рассказать об унижительных домогательствах в кабинете директора, не получив клейма лгуньи? А если Акио Такухати узнает, что она болтала об этом разговоре, он найдет способ превратить жизнь Мии в ад.

Но и согласиться с предложением Кумико невозможно.

А между тем госпожа Итико больше не в школе. И некому будет призвать к порядку шутниц, которые вздумают привязать волосы Мии к ножке столика, пока она спит, или засунуть скорпиона в складки кимоно.

— Амэ-но удзумэ негодна ложь, — сказала Мия. — Я буду честной в своем танце.

В зале не было мебели, лишь татами на полу. Угол занимали младшие девочки, невероятно

гордые оказанным доверием. Рядом с ними лежали цитры, флейты и барабаны. В другом углу на пятках сидели наставницы и танцовщицы, которым сегодня предстояло продемонстрировать свое искусство.

Акио Такухати возвышался над ними, как сосна над кленовой рощей. Прочие майко, да и наставницы нет-нет да и бросали на него восхищенные взгляды. В черном кимоно, расшитом серебряной нитью, с распущенными по плечам волосами директор источал ауру опасной притягательной силы.

Он повернулся, заметил замершую в дверях Мию, и по чувственным губам скользнула насмешливая улыбка.

— Проходи, лучшая ученица. Проходи и садись. — Он указал на место рядом с собой.

Мия предпочла бы сесть рядом с другими ученицами, но ослушаться приглашения, высказанного на глазах у всей школы, было нельзя. Она прошла через зал под ненавидящими взглядами будущих гейш и опустилась на татами рядом с директором.

Зачем он это делает? Неужели не понимает, что, выделяя ее среди прочих учениц, сеет в них зерна ненависти?

Довольный взгляд Акио Такухати сказал без слов — понимает.

Заплакали флейты, зазвенели струны, застучали барабаны. Состязание началось.

Мия следила за танцем учениц с тяжелым сердцем и желала им оступиться, неудачно повернуться или выронить веер.

Это были незнакомые, гадкие мысли. Раньше они никогда не посещали ее во время состязаний. Да, она любила побеждать, но лишь потому, что любила становиться лучшей среди лучших. И никогда не желала другим неудачи.

Акио Такухати сидел рядом, по правую руку, и ей казалось, что она чувствует жар, исходящий от его мускулистого мощного тела. Его властность и сила, наглость, с которой он добивался желаемого, чем-то притягивали, затрагивали тайные струны души юной майко. И это заставляло ее сопротивляться еще сильнее.

Когда пришел ее черед танцевать, Мия грациозно поднялась с татами, подхватив два веера. Скользящей походкой вышла в центр зала и замерла, ожидая музыку.

Взгляд Акио Такухати, казалось, прожигал сквозь одежду, оставляя отметины на коже.

Высоко и нервно всплакнула цитра. Мия двинулась, распустила веера и повернулась. Взмахнула рукавами-крыльями...

Каждое движение исполнено изящества и соблазна. Веера порхают, как крылья бабочки, чуть касаются тела, шлейф кимоно тянется по татами переливчатой шелковой волной.

Мия забыла о своем пари. Забыла все беды и заботы этого дня, растворяясь в танце, и даже забыла о взгляде Акио Такухати, что все так же неотступно следовал за ней.

Танец-соблазн, танец-обольщение. В нем Мия становилась то текучей водой, то гибкой ивой, то танцующим журавлем.

Музыка не прервалась, но по сигналу наставницы на татами навстречу танцовщице поднялась Кумико. В ярко-алом кимоно, расшитом звездами, она была диво как хороша. Кумико взмахнула своими веерами, и танец-соблазн превратился в танец-соперничество.

Дочь самурая хорошо танцевала. В ее движениях сквозили сдерживаемые приличиями порыв и страсть, и техника ее была почти безупречной. Но все портило излишнее самолюбование. Если танец Мии был молитвой во славу Амэ-но удзумэ — богини счастья и танца, то Кумико танцевала, чтобы показать себя, слишком уж наслаждаясь всеобщим вниманием и своим мастерством.

Кумико наступала, атаквала. Не желая творить танец вместе, она захватывала себе все большее пространство, вынуждая Мию или следовать за ней, или ломать рисунок танца.

И Мия подчинилась. Последовала за чужим танцем. Повторяя движения Кумико, смягчая и преображая их в своем танце, она скользила вокруг соперницы.

Вода принимает форму сосуда, но остается водой. Ива согнется под порывом ветра, но не станет спорить.

Звенели цитры, пели флейты. Два журавля — алый и сиреневый — танцевали на татами.

Состязание?

Нет, беседа.

Когда в воздухе затихли последние звуки музыки, майко восторженно выдохнули и захлопали, а Мия вздрогнула, приходя в себя. Поймала злой взгляд Кумико и восхищение на лице Акио Такухати. Увидев, что она на него смотрит, директор издевательски поклонился.

Судили наставницы недолго.

— Гейша подобна цветку, — заговорила госпожа Оикава, выйдя в центр зала. — Она грациозна, как ива, — сильная, но гибкая. Желанная для любого мужчины, но не принадлежащая ни одному из них полностью.

Наставница замолчала. В зале стало так тихо, что можно было слышать, как далеко за стенами в горах хрипло кричит ворон.

— Мия Сайто, — объявила гейша. — Она достойна зваться Ивовой ветвью.

Псы настигали. Они бежали по следу, почти не лая, стремительные и неотвратимые. Джин знал, что они не отстанут. Повязка пропиталась кровью — этот запах для собак как сигнал: «Сюда! Добыча здесь!»

Кружилась голова, накатывала темнота, и дорога норвила вывернуться из-под ног, как бывает, когда переберешь сливового вина.

Горы... впереди горы, нет людей. Это хорошо. Главная опасность не псы, а те, кто идет за ними по пятам. Но преследователи не найдут его, если Джин успел увести собак достаточно далеко. А со сворой он как-нибудь справится.

Эх, была бы катана...

Джин вылетел на каменистый, лишенный растительности участок. Впереди круто вверх уходила тропа, уводила в горы, подальше от людей. Пес залаял где-то совсем рядом, и Джин понял — всё. Время для бега закончилось. Пришло время битвы.

Он прислонился спиной к скале и вынул кинжал-танто из ножен. Из зарослей бамбука выскочил вожак своры, пес бойцовской породы — поджарый, темно-рыжий, с мощными челюстями и широкой грудью.

— Ну, давай, — сказал Джин. — Иди, сволочь!

Вожак приглашению не внял. Увидев, что добыча больше не убегает, он тоже притормозил. Обогнул Джина по дуге, подав отрывистым лаем сигнал прочим псам, и сел, свесив язык.

Джин взвесил нож в руках и метнул. Лезвие вошло точно в горло. Пес еще попытался укунить его на прощанье, но Джин был быстрее. Он успел вытереть лезвие о шкуру убитого врага и вернуться к скале, прежде чем из бамбуковой рожи показалась остальная свора.

Три... нет, четыре собаки.

И ни одного человека. Хорошо.

Он рассмеялся. От смеха заболело плечо. Там, где торчал обломок стрелы.

— По одному, с-с-собаки!

— И вот ты снова здесь, Мия Сайто. Второй визит за день. Понравилось в прошлый раз?

Она думала, господин Такухати будет в ярости из-за проигранного пари, но на лице директора поселилась странная улыбка. И во взгляде, которым он посмотрел на Мию, больше не было пренебрежения, но все так же читалось желание. И еще что-то, похожее на восхищение.

Мия все еще была в сиреневом кимоно, в котором победила на состязании. Выбеленное лицо и подкрашенные губы, волосы уложены в ритуальную прическу.

— Мне сказали, что я должна прийти сюда, чтобы получить кандзаси из ваших рук, — тихо сказала Мия, потупив взгляд.

Дар победительнице состязаний вручался при всех ученицах, но Акио Такухати лишил ее этого краткого мига торжества.

— Верно. — Он взял со столика шкатулку, повертел в руках, словно раздумывал — отдать Мие или вернуть на место.

Не вернул. Шагнул со шкатулкой в руках к Мие, разом сократив расстояние. И словно заполнил собой всю комнату — непредсказуемый, опасный.

— Ты хорошо танцевала, лучшая ученица. — Он протянул ей шкатулку. — Открой.

Мия взглянула на него с сомнением, но все же откинула крышку. Парные шпильки из серебра с навершием в форме ажурного веера. По навершиям шла гравировка в виде сплетенных иероглифов, означающих ее имя, и стилизованное изображение лотоса. Гравировка чуть светилась, а это означало, что ее сделали не ювелирными инструментами, но магией.

— Я сделал это для тебя, — подтвердил господин Такухати. — Заслужила. Этот танец стоил того, чтобы убить за него.

— Благодарю вас, господин Такухати. Это большая честь для меня.

— Благодарность на словах — это хорошо, но я предпочитаю дела.

Его голос упал до вкрадчивого шепота, и Мия отступила, уткнувшись спиной в бамбуковую стену. Сердце заколотилось часто-часто.

— Я выиграла спор, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал все так же почтительно и бесстрастно.

Он же обещал!

— Выиграла. — Акио склонился ближе. — Всего один поцелуй. В благодарность, лучшая ученица.

От него пахло соснами и грозой, жестокостью и силой.

— Нет! — Мия выскользнула, радуясь, что его руки заняты шкатулкой и он не может удержать ее. — Вы обещали.

— Ну ладно, как хочешь. — Он рассмеялся. — Не буду приставать к тебе, пока сама не попросишь. Возьми свой приз, лучшая ученица.

Мия до последнего ждала подвоха. Но директор только снова рассмеялся, когда она опасливо приблизилась, чтобы выхватить шкатулку из его рук. И когда Мия попросила разрешения удалиться, снисходительно кивнул.

— Иди. Но помни, — окликнул он Мию, когда она уже стояла на пороге, — я отпускаю тебя до первого серьезного проступка. До тех пор, пока ты и впрямь лучшая. Так что не нарушай правила. А если нарушаешь — не попадайся.

Мия сжала шкатулку так, что пальцы побелели. Она собиралась нарушить правила уже этим вечером. Как только покинет кабинет и переоденется.

— А что будет, если я нарушу правила и попадусь, господин Такухати?

Отчего-то ей показалась, что вся эта сцена была задумана директором ради вот этого финального, как будто между делом, предупреждения.

— Увидишь. — Обещание в его голосе совсем не понравилось Мие. — Я накажу тебя, лучшая ученица. Надеюсь, наказание тебе понравится.

Когда Акио Такухати вспоминал последний разговор с сёгуном, ему хотелось кого-нибудь убить.

— Я очень разочарован, — сказал сёгун, и его глаза вспыхнули алым светом. — Я дал тебе самураев и корабли. Ты потерял половину и не принес взамен ничего — ни пленников, ни новых земель.

Акио мог бы ответить, что у противника была втрое большая армия. Что самханцы сражались

на своей территории. Что среди них был наследный принц, который разбудил вулканы, и Акио с десятком других самых родовитых и сильных магов три дня, не зная сна и отдыха, сдерживал буйство стихии в огненном аду, пока войска отступали и садились на корабли. Что он потерял в этой битве двух из трех своих фэнхунов. И что когда его уносили на последний еще не отчаливший корабль — уносили потому, что идти сам он уже не мог, — его тело напоминало обгорелый кусок мяса, и лекарь сказал, что генерал не проживет дольше суток.

Прожил. Вцепился в дарованный шанс. Выл от боли, привязанный к койке, когда корабль болтало в страшном шторме — прощальный подарок самханцев вторгшимся захватчикам. Магов, способных остановить буйство стихии, среди войска не осталось — все полегли в битве.

Все, что запомнилось из того кошмарного возвращения домой, — боль и беспомощность. Все время, пока разбросанные бурей корабли искали друг друга, он валялся на койке, снова и снова пытаясь раздуть почти угасшую в борьбе с вулканом искру своего магического пламени.

Он знал, что выглядит плохо, не зря самураи, приходившие навестить генерала, отводили взгляд. Знал, но не подозревал, насколько, пока в ответ на прямой приказ ему не принесли зеркало. Акио осмотрел сочащееся сукровицей кровавое мясо, ухмыльнулся сожженными губами:

— Хор-рош, да! Все девки мои. — И вернулся к медитациям.

Он не привык сдаваться или жалеть себя.

И магия, почти вытравленная чужой, более мощной силой, откликнулась.

Род Такухати был древним. Силы его крови не достало бы, чтобы разбудить стихию, но вернуть себе прежний облик Акио сумел.

Он регенерировал; сначала медленно, почти незаметно, а потом все быстрее. Нарастала новая кожа — неприятно розового, поросячьего оттенка, она невыносимо чесалась.

На третий день после возвращения магии Акио встал. Не обращая внимания на причитания лекаря, покинул каюту и отправился инспектировать корабль.

Когда несколько недель спустя флот подходил к родному берегу, Акио мог показаться на людях, не боясь, что от него начнут шарахаться. Забота об оставшихся в живых воинах, дорога до столицы, ожидание аудиенции сёгуна дали время восстановиться окончательно. Сейчас, глядя на его невозмутимое красивое лицо, никто не смог бы предположить, как выглядел Акио всего лишь месяц назад.

Но рассказывать все это сёгуну было бессмысленно — тот знал и так. В окружении Акио постоянно присутствовали три человека, доносившие главнокомандующему о любом шаге слишком уж самостоятельного генерала. Три — и это только те, о ком Акио знал точно. Сколько еще шпионов находилось в самой армии, сказать было затруднительно.

И так же бессмысленно было напоминать, как генерал Такухати с самого начала противился авантуре с высадкой и быстрым захватом побережья. Как предупреждал сёгуна: слухи о смуте в соседней стране, вызванной не решенным до конца вопросом престолонаследия, слишком неопределенны, чтобы опираться на них.

Не важно! Если Шин Ясуката пожелал назначить виноватого, он не станет слушать голоса разума. Но виновным в поражении генерал Такухати себя не считал и сэппуку делать не

спешил. Напротив, всякий раз, когда Акио вспоминал, сколько воинов сумел вывести живыми из огненного ада, на его обычно бесстрастном лице мелькала тень довольной улыбки.

— Гейши? — переспросил Акио. — При чем тут гейши?

— Им нужен маг, а ты умеешь создавать иллюзии-генсо.

— Хотите, чтобы я подчинялся женщине?

Он даже тоном не выдал своего отношения к безумному предложению сёгуна. Военачальник из рода даймё в подчинении у жрицы любви — это слишком дико. Такого позора не стерпит ни один самурай.

— В «Медовом лотосе» сейчас нет директора, — лениво процедил сёгун. — Надеюсь, ты справишься с руководством пятью десятком девочек и женщин.

Акио проглотил оскорбление молча.

— Не делай такое лицо, это временная мера, — все так же лениво продолжал сёгун. — Слишком многие недовольны твоим позорным бегством. Если я просто верну тебя ко двору, многие решат, что слово сёгуна ничего не значит.

— Как долго? — спросил Акио.

— Не знаю. Я вызову тебя, когда потребуешься, а пока ступай.

Акио поклонился и вышел. В груди зрела холодная злая ненависть.

— Он пытался избавиться от тебя, потому что боится. — Отец зашелся кашлем и приник к стеклянной колбе, вдыхая курящийся внутри целебный дым. — Даже войском готов был пожертвовать, лишь бы ты не вернулся.

— Знаю.

— Ты моложе его на двенадцать лет, силен, тебя любит народ и уважают самураи. И ты сын даймё северной провинции. А у сёгуна до сих пор нет законного наследника.

— Знаю.

О том, что главнокомандующего хорошо бы сменить, отец говорил последние пятнадцать лет. Со дня переворота, когда заговорщики ворвались во дворец и вырезали императорскую семью вместе с домочадцами и слугами. Говорил не впрямую. Намеками, обиняками. Но честолюбивые планы даймё не были секретом ни для его родных, ни для сёгуна.

— Поезжай. Еще не время. Я сделаю все, чтобы тебя официально простили. Если получится, то уже на ханами.[Праздник любования цветами (япон.).] — Голос отца дребезжал перетянутой струной. Вновь ставшие черными, как у простолюдина, глаза говорили, что даймё недолго осталось. Маг редко переживает свою магию больше чем на год-два.

Потом, слушая главу гильдии — изысканную и надменную женщину без возраста, — Акио решил: что ж, пусть будет как будет. Так даже лучше.

Он просидит, сколько потребуется, в провинции, командуя полусотней женщин вместо

стотысячной армии. Не сопьется, не сойдет с ума от скуки, не забросит тренировки. Нет, он использует это время, чтобы отточить свои умения и разум, как самурай точит перед битвой катану. А для расслабления выберет себе девицу из майко. Посмазливее да посочнее. И она скрасит ему ожидание в глуши, пока в столице отец и сёгун играют в свои политические игры.

Акио заметил ее сразу, лишь стоило фэнхуну снизиться. Она стояла — в одной коротенькой полотняной рубашке, почти не скрывавшей соблазнительных очертаний девичьего тела. Шелковое полотно волос черней воронова крыла плескалось по ветру, лицо было задумчивым, а взгляд ясным и спокойным.

Тогда, захлестнутый волнами всеобщего восхищения, Акио даже не понял, что она — единственная из майко — не разделяет восторга подруг. Просто пожелал завладеть ею. Попробовать на вкус алые губы, намотать на руку волосы, порвать рубашку, чтобы увидеть скрытую за ней девичью наготу.

Женщин Акио втайне слегка презирал. Приличных — за безропотную покорность, продажных — за готовность дарить ласки в обмен на деньги.

Но девчонка оказалась с норовом, который куда больше пристал бы наследной принцессе, чем безродной сироте. Безродной, — он специально уточнил, когда она ушла.

Не желая тратить время на уламывание или соблазнение девки, он предложил пари. Что стоит магу чуть подправить чужой танец? Сбить с ритма, заставить ногу оскользнуться на татами.

Но когда она выпорхнула в зал яркой сиреновой бабочкой, когда затрепетали веера, хлестнули по воздуху рукава-крылья, он забыл обо всем. Не раз бывавший в «квартале ив и цветов» Акио никогда и нигде не видел столь совершенной красоты и грации. Любое выступление самой дорогой и известной гейши было бледным подобием танца Мии.

Прервать его стало бы преступлением против Красоты.

Он так и просидел, не отрывая от нее взгляда. И когда отзвенели и растаяли в воздухе последние звуки музыки, ударил в ладоши, нисколько не жалея об упущенном шансе.

Да, теперь он хотел ее стократ сильнее. И поклялся себе, что получит ее — маленькую горячку, танцующую, как сама богиня Амэ-но удзумэ. Хочет она того или нет, она станет его.

Глава 3

ВСТРЕЧА

Мия запахла глубже теплое, подбитое шерстью кимоно и оглянулась. Залитая закатными лучами школа молчала.

У Мии есть час. Потом с гор спустится вечер, принесет с собой зимние туманы. Ученицы разожгут жаровню в домике и начнут готовиться ко сну. Еще два часа при свете маленькой лампы, и расстелют матрасы-футоны. Если она не успеет вернуться к этому времени, ее отсутствие непременно заметят.

Раньше она всегда успевала.

Она разулась и привязала гэта к поясу. Поставила ногу на поперечную перекладину из бамбука, подтянулась. Бамбук был скользким, но Мия — цепкой и ловкой. В два рывка она

перемахнула через ограду, отделяющую изысканный и замкнутый мирок будущих гейш от большого мира — интересного и опасного.

Отвязала гэта и обулась, чтобы не бить ноги по острым скалам. И зашагала вверх по еле заметной тропке.

Школа «Медовый лотос» находилась в предгорьях, чуть в стороне от людских поселений. До ближайшей деревни был час пешего хода, но Мия сейчас направлялась совсем в другую сторону.

Она шла не более пяти минут, когда ее окликнул полный и приземистый человек в грубой монашеской одежде. Он был низенький, почти на голову ниже миниатюрной Мии. Под серой накидкой угадывался солидных размеров живот, свидетельствующий, что последователь Будды пренебрегает срединным путем в пользу чревоугодия. Тростниковая шляпа с широкими полями совсем скрывала лицо монаха.

— Куда ты спешишь на ночь глядя, о прекрасная юная дева, подобная необлетевшему цветку сакуры? И не хочешь ли пойти в храм, чтобы разделить со мной мое скромное подаяние? Сегодня крестьяне были щедры к бедному монаху. — Как бы подтверждая свои слова, он крепче обнял чашу для подаяний размером с хороший котел. Из чаши торчали неошипанные куриные ноги.

Мия остановилась, смерила монаха взглядом и прыснула:

— У тебя хвост торчит!

Из-под накидки и правда виднелся кончик толстого полосатого хвоста.

— Где?! Ах, ну как же это так! — Монах засуетился, пытаясь поправить накидку, но не желая при этом отпустить чашу, словно боялся, что стоит ее поставить, как почившая птица воскреснет, склюет рис и улетит.

Край накидки задрался еще больше, хвост взмыл вверх и распушился, как у почувшего соперника кота.

— Смешной ты! — Мия подошла и аккуратно одернула накидку, возвращая преступный хвост на законное место. — Монахи не едят вечером. И монахи не едят мяса.

— Ничего не знаю, — буркнул тануки. — Я — ем.

— Ты ешь все.

— Протестую! Я не ем, например, камни. И к древесине испытываю вполне понятную неприязнь. Вот, скажем, будь я жуком... но я не жук. — В голосе оборотня послышалась обида на такую вселенскую несправедливость. — Поэтому вынужден добывать себе пропитание в поте лица, уговаривая добрых людей поделиться со мной тем немногим, что имеют.

— А как же аскеза? Ты же монах.

— Будда проповедовал срединный путь, а значит, и умеренность в аскезе. Клянусь своим хвостом, я и так предавался ей почти три часа! Так что собираюсь воздать хвалу его учению посредством этой птицы.

В доказательство своих слов он все же поставил на землю котел, вынул из него за ноги птицу, оказавшуюся жилистым петухом, и взмахнул ею в воздухе. Несколько разноцветных перьев медленно опустились на тропинку.

— Кочет. — Мия сморщилась. — Старый и вонючий.

— Увы. — Тануки развел лапами. Петух в его ладони печально обвис, протянув к земле наполовину ощищенные крылья. — Добрые крестьяне оказались не так щедры, как мечталось скромному монаху. Но я все же не стану отвергать их подаяние.

— Где птицу спер? — Мия отобрала тушку у оборотня и опустила обратно в котел, к уже имевшемуся там рису и листьям нори.

— Недалеко. — Тануки чуть ослабил завязки и опустил шляпу на задривок, так, что взгляду Мии открылась его широкая усатая морда. — Там еще осталось. Я взял самого старого, ему все равно судьба была в суп. Буду есть и плакать, вспоминая свое милосердие. Не надо так на меня ммуриться, я не был в деревне. Где живу — не гажу.

— Дурачок! — Мия обняла оборотня, уткнулась носом в мохнатую макушку и вдохнула резкий звериный запах. — Тебя столько не было. Я волновалась.

— Да что со мной случится, девочка? — Голос тануки растроганно дрогнул. — Погулял, посмотрел мир. Нигде нет лучше места, чем наши родные горы. Ну-ну, не будем плакать и обниматься на дороге, Мия-сан. Пойдем-ка в храм. Надо успеть развести костер, пока совсем не стемнело. Я и вправду голоден, как сотня голодных демонов гаки.

Болезненно ныли и нарывали укусы на руках и ногах, а еще отчего-то стало жарко, несмотря на вечер и холодное дыхание зимы со стороны гор. В ушах звенело, словно сейчас лето и цикады завели свою несмолкаемую песню.

Лето... и правда, лето — жара, цикады...

Он покачнулся и оперся рукой о скалу. На сером камне остался темно-красный след.

Отдохнуть бы сейчас, после бега и боя. Закрывать глаза. Ненадолго.

«Нельзя! — Мысли ворочались в голове медленно, словно нехотя. — Найдут!»

Он сделал шаг. Еще шаг. Покачнулся и рухнул на колени, а после на четвереньки.

Взгляд уперся в стрелку дикого чеснока. Снова вяло шевельнулась в голове какая-то мысль. Почти бездумно Джин протянул руку...

Резкий запах ненадолго привел его в чувства. Следы! Пустят еще собак... Надо, чтобы не нашли... Хорошо, что горы — ветра да камень... чеснок...

Лезвие танто врезалось в резко пахнущую белую мякоть. Джин натирал соком чеснока ладони и ноги, чувствуя, как жжет кожу от сока там, где собачьи клыки оставили глубокие раны.

Теперь вверх.

Подъем он запомнил урывками. Большую часть времени Джин не шел — полз, преодолевая беспомощность, слабость и внезапно начавшийся жар. Позже жар перешел в озноб и стало еще

хуже. «Лихорадка», — поставил он сам себе диагноз, остановившись, чтобы снова натереть чесноком ладони. Вряд ли из-за укусов, прошло слишком мало времени. Скорее, стрела...

И снова все сливалось в тяжелый путь меж камней. Путь, который уже не имел смысла — не люди, так начавшаяся болезнь его прикончит.

Потом была удача — русло горного ручья. Почти пересохшего, но все же меж камней струилась вода.

Собаки... не найдут... не возьмут след...

Нога скользнула меж двух камней. Жутковатый хруст он услышал даже сквозь журчание ручья. И сразу от боли потемнело в глазах.

Джин пришел в себя от того, что вода заливалась в нос. Ощупал пострадавшую лодыжку. Малейшее прикосновение к ней отзывалось острой болью.

«Сломал», — понял Джин. Постанывая, вынул ногу из ловушки меж камней и пополз вперед, оскальзываясь на мокрых камнях.

Без мыслей, без надежды. Просто потому, что остановиться означало сдаться.

Когда русло вывело к стенам заброшенного храма, у Джина не осталось сил радоваться или удивляться. Он вообще уже не думал, только полз, повинуюсь не мыслям, но звериному инстинкту. Этот же инстинкт заставил его переползти порог.

Храм был покинут уже давно. Деревянная крыша частично сгнила, но каменные стены стояли крепко. Во внутреннем дворе бил родник. Прозрачные струи с журчанием стекали в огромную каменную чашу — при желании Джин мог бы поместиться в ней целиком. Стекавшая из чаши вода уходила по желобу, давая начало ручью.

Он почти успел проползти двор, прежде чем темное беспомыслие накрыло его окончательно.

— Не бывает невкусной птицы, бывают неумелые повара, — распинался тануки. — Дай мне три часа, и увидишь — я приготовлю ее так, что ты забудешь собственное имя, Мия-сан.

При желании оборотень вполне мог сожрать птицу сырой, даже не ощипав. Но Дайхиرو был гурманом.

— Не увижу, — фыркнула Мия. — Через два часа я должна быть в школе.

Оборотень насупился:

— Вот так всегда. Всегда, Мия-сан. Ну что за жизнь: вставай, когда скажут. То нельзя, это нельзя, за ворота не ходи, с тануки дружбу не води. Кушать только два раза в день. — Он укоризненно покачал головой: — Послушай мудрого Дайхира — перебирайся ко мне.

— В горы?

— Чем плохи горы? Ты была в этих ваших человеческих городах? Грязь, толкотня и шум. Воняет опять же. — Оборотень наморщил нос. — Да и в деревнях воняет, — совсем грустно закончил он.

— То-то ты уходишь туда каждый месяц.

— Ах, — картинно вздохнул тануки. — От доброты, сугубо от доброты моей страдаю, Мия-сан. В мире так много несчастных вдов и одиноких женщин, томящихся без мужской ласки. Разве могу я бросить бедняжек? Они снятся мне ночью. Зовут, протягивают руки, просят: «Где же ты, наш Дайхиро? Приди, утешь, утоли нашу страсть!» Вот я и иду...

Он почесал пузо.

В этот раз Мия смеяться не стала. Дайхиро и впрямь обладал необъяснимой привлекательностью для женщин. В каждой окрестной деревеньке у него было по вдовушке, всегда готовой принять, накормить и приласкать толстячка-монаха.

И наличие у этого монаха усов и хвоста их совершенно не смущало.

К заброшенному храму они вышли уже в сумерках. С гор дохнуло холодом, и Мия охватила себя за плечи, тщетно пытаясь согреться. Этот жест не укрылся от Дайхиро.

— Замерзла! — Тануки смешно засуетился. — Давай-давай быстрее внутрь. Сейчас разожжем костер, дровишки-то никуда не делись, я их много в прошлый раз натаскал...

— Ой! Что это?!

Черный, распластавшийся у ступеней силуэт она заметила, только когда чуть не наступила на него. И не сразу поняла, что это человек. В горах хватало духов, и не все они были дружелюбны, встречались лакомые до человечины. Потому жители деревень у подножия и не любили подниматься слишком высоко вверх, особенно в одиночку.

— А ну стой на месте, Мия-сан!

Тануки поставил на землю котел с едой и с неожиданной ловкостью подскочил к темневшему в сумерках телу.

— Человек. Живой, — объявил он, обнюхав находку. И тут же поправился: — Пока живой, к утру подохнет.

Мия склонилась над телом. От лежащего пахло остро чесноком, а еще потом и кровью. Когда она попыталась перевернуть его, рука наткнулась на что-то липкое.

— Мы должны помочь ему, Дайхиро.

— Зачем? — ворчливо спросил тануки. — Он пришел в наш дом, Мия-сан. Я его не приглашал. Ты приглашала? Нет, ну так пусть уходит, пока не погнали. Тоже нашел место, чтобы умирать. Я совершенно не хочу копать потом могилу. У меня от работы мозоли. — В доказательство своих слов он продемонстрировал маленькие ручки с гладкой, словно у ребенка, кожей.

— Ну, как хочешь. — Мия попробовала приподнять раненого. Он был страшно тяжелый.

— Ох, погубит тебя твоя доброта, Мия-сан, — заворчал тануки. И с силой, совершенно неожиданной для его неповоротливого толстого тельца, перевернул человека и потащил вверх по ступеням.

Вместе они внесли раненого в храм. Мия зажгла фонарь и бросилась разводить костер.

— Дайхиро, принеси воды! — скомандовала она.

— Воды ему еще, — заворчал оборотень. Но прихватил ведро и вышел на улицу.

Мия повернулась к раненому.

Он был худ, грязен и обряжен в замурзанные брюки-хаками и такое же грязное кимоно прямо на голое тело. Под одеждой виднелась повязка, сделанная из нижней рубашки. Бурая от крови, она присохла к телу. Из спины, чуть пониже левой ключицы, торчал обломок стрелы.

Из вещей у незнакомца был только нож-танто на поясе.

Она перевела взгляд на его руки, покрытые рваными ранами от звериных укусов, потом на лодыжку, согнутую под неестественным для человека углом.

Страшнее всего выглядела левая рука мужчины с запекшимися кровавыми пятнами на месте трех вырванных ногтей. По сравнению с ними синяки и следы плети на теле казались мелочью.

Тануки был прав. Откуда в горах израненный незнакомец с ножом? Кто он? На крестьянина не похож. Разбойник? Дезертир? Убийца?

Кто пытал его?

В дверь с шумом, отдуваясь, вломился тануки, волоча полное воды ведро и давешнюю чашу с неоципаным петухом.

— Вот! — объявил он, бухнув ведро перед Мией. — Вода. Хорошая ты душа, Мия-сан. Подбираешь всякую тварь.

— Не тебе жаловаться. Помоги мне!

Следующие полчаса она обмывала раны. Ножом, найденным у раненого, обрезала грязные тряпки и швырнула в огонь. Всю спину незнакомца занимала татуировка в виде атакующего тигра. Над левым глазом тигра торчало обломанное древко стрелы.

Мужчина глухо застонал, когда она попыталась выдернуть наконечник.

— Кровью истечет, — предупредил тануки. Он уже смирился с присутствием на своей территории чужака и помогал, чем умел, а больше суетился и сыпал жалобами, советами и шутками.

— Что же делать?

— Бинты нужны. Лекарства. А мне нужно поесть. А тебе — обратно в школу, пока не хватились.

Мия еще раз поглядела на раненого. После того как она смыла с его лица грязь и потеки, стало видно, что он молод. Наверное, его даже можно было назвать красивым, если бы не был таким измученным.

— Готовь ужин, Дайхиро. Бульон не пей, оставь для него. Я вернусь через пару часов.

— Но как же... — попробовал возразить тануки, однако Мия была уже за дверью.

Оборотень нахмурился, поворошил палкой костер.

— Эх, Мия-сан, упрямая девочка, доброта тебя погубит. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

Раньше Мия никогда не брала чужого.

Даже когда она нашла в горах Дайхиро — только что осиротевшего, совсем крохотного и неспособного о себе позаботиться. Тогда она таскала малышу свою еду. Тануки и в детстве был прожорлив, скромной порции риса, завернутой в лист нори, и куска рыбы ему никогда не хватало, и Мия собирала в лесу грибы и орехи, удила рыбу в озере чуть выше в горах.

Но сейчас грибами не обойтись. Нужны бинты, мази, целебные травы.

Она кусала пальцы от нетерпения, ожидая, пока девочки в домике заснут. Потом неслышно выбралась из-под одеяла, прихватив кимоно.

Одевалась она уже снаружи, дрожа от холода на зимнем ветру. Полная луна — солнце мертвых — заливала двор белыми лучами. Такими яркими, хоть читай в их свете.

Госпожа Оикава хранила лекарства в школе. За ширмой в комнате, где будущих гейш обучали массажу и основам акупунктуры.

Фонарь Мия зажигать не стала. С тихим шелестом отъехала в сторону бамбуковая дверь. Знакомая до последней трещинки на стене школа ночью казалась чужой. Пространство словно раздалось вглубь. Мия кралась в тених, прислушиваясь к каждому шороху. Сердце стучало часто-часто.

Что сказать, если ее сейчас здесь найдут? Как оправдаться? После заката ученицам запрещалось приходить в здание школы.

Некстати вспомнилась предвкушающая улыбка на лице нового директора, когда он обещал «наказать» Мию в случае оплошности.

Она без приключений добралась до комнаты. Запалила маленькую масляную лампу на низеньком столике. Поминутно прислушиваясь, отобрала все, что нужно для спасения раненого: бинты, едкий сок жгучевицы, молотую кровохлебку, травяные сборы для лечения лихорадки, заживляющие мази на целебном медвежьем жире.

Потом, когда она станет гейшей, она вернет все, что взяла, и много больше.

Обратно Мия кралась с еще большей опаской, ощущая себя презренной воровкой. Звук, донесшийся из танцевального зала, чуть не заставил ее выронить узелок с лекарствами.

Внутри кто-то был. Рисовая бумага на двери чуть светилась, как бывает, когда горит факел.

Проклиная себя за любопытство, Мия приникла к щели меж дверью и стеной...

Акио Такухати стоял в центре зала — полуобнаженный, подняв над головой катану. Колеблющиеся блики огня рисовали узор на его смуглом теле, гладили стальные мышцы. Собранные в высокий хвост на затылке волосы чуть разметались по широким плечам.

Стремительный, почти незаметный для человеческого глаза рывок, короткая песнь меча в воздухе, шелест входящего в ножны лезвия. И снова пауза.

Против воли Мия залюбовалась. Такухати в этот миг был красив не внешней красотой. Он был прекрасен, как Такэми-кадзэти-но О-ками — бог войны, воплощение идеи и духа меча.

Нужно было бежать, пока ее не обнаружили. В горах Мию ждали друг-оборотень и безымянный раненый, но она медлила, зачарованная мастерством и красотой движений самурая.

Снова напряглись четко прорисованные мышцы на спине, снова почти неуловимое глазу движение и шелест лезвия о ножны.

Акио повернулся. Сейчас его красивое лицо не портила гримаса самодовольного превосходства, оно было одухотворенным и даже счастливым, и Мия вдруг почувствовала стыд. Словно подглядывала за чем-то интимным, не предназначенным для чужих глаз.

Она отпрянула от щели и осторожно попятилась. Половица под ногой предательски скрипнула.

— Кто здесь? — раздался из-за двери резкий окрик директора.

Проклиная мысленно свое любопытство, Мия в два неслышных прыжка оказалась за ближайшей ширмой. В этом хозяйственном закутке хранились татами, ведра и веники из пальмовых листьев. Юркой змейкой Мия заползла под гору циновок, моля божественную Амаэрасу, чтобы директор ее здесь не заметил.

Дверь в зал отъехала в сторону, и на пол лег бледный прямоугольник света. Черный мужской силуэт с мечом в руках выделялся на нем, словно фигурка в театре теней.

Мия лежала под циновками, скорчившись и закусив губу, и слушала приближающиеся шаги. Все ближе, ближе...

От пыли на циновках засвербело в носу. Стук сердца отдавался в ушах.

— Показалось, — разочарованно буркнул Такухати над головой. Меч с шелестом вошел в ножны.

Он ушел, а Мия еще долго не могла успокоиться и уговорить себя вылезти.

Джин плыл в кипящем озере. Вода бурлила, обваривала кожу, и та покрывалась уродливыми белыми пузырями.

Волны озера окрасились красным, и Джин понял: это не вода, но кровь. Несущая огонь кровь поколений предков рода Хо-Ланг-И Аль Самхан. Кровь сменилась раскаленной лавой, и он увидел, что тонет в жерле вулкана...

...совсем как тогда, на обряде, когда он призвал, но не смог укротить демона.

Прохладные тонкие пальцы легли на лоб, помогая вынырнуть из полного огня и боли озера.

— Потерпи, — произнес нежный, как перезвон колокольчиков на ветру, голос. — Сейчас будет больно.

Джин хотел сказать, что и так больно, куда уж больнее, но вместо этого застонал. Левое плечо жгло огнем не только снаружи, но и внутри. Словно туда забралась огромная ядовитая многоножка и теперь копошилась, выгрызая себе логово.

— Ты неправильно делаешь, Мия-сан. — Второй голос был куда менее приятным — хриловатый, ворчливый и явственно мужской. — Это стрела с зазубринами, ее не выдернешь так просто, надо вырезать.

Влажная губка прошлась по лбу Джина.

— Потерпи, пожалуйста, — снова попросил нежный голос, и Джин подумал, что готов терпеть столько, сколько потребуется. Лишь бы она не уходила. Лишь бы снова положила ему на лоб прохладные пальцы — ее присутствие так верно отгоняет кошмары...

Боль резкая, потом облегчение от того, что ядовитая многоножка все же покинула его тело. Блаженство от прикосновений холодной влажной ткани...

— Не надо, Дайхиро. Я зашью.

— Точно справишься, Мия-сан?

— Точно.

Осторожные и нежные касания — тонкие пальчики втирают целебную мазь.

Он с трудом разлепил свинцовые веки, но не увидел ничего, кроме охапки пальмовых листьев. Их запах мешался с запахами лекарственных трав и вонючим дымом от костра.

Повернув голову — это почти невозможное усилие чуть не отправило его снова в беспамятство навстречу кипящему озеру, — он увидел ее.

Она была ослепительна. словно сама богиня Аматаэрасу спустилась на землю, чтобы сесть рядом с Джином и исцелить его раны.

Губы Джина дрогнули, произнося одно короткое слово.

Она улыбнулась нежно, чуть смущенно:

— Спи.

И он послушался, погружившись во тьму, где не было ни боли, ни огня.

Глава 4

ПОЦЕЛУЙ

Мия зевнула. После ночного бдения над раненым глаза закрывались сами собой. Вернуться бы сейчас в домик, расстелить futon да поспать пару часов. Но нельзя. Нужно идти на занятия, а потом бежать в горы. Дайхиро тяжело будет управиться с раненым в одиночку.

Она вздохнула, вспомнив нечеловеческую колдовскую зелень, глянувшую на нее из глаз незнакомца. И еле слышный шепот «красивая» — не почувдилось ли ей?

Маг, а значит, отпрыск знатного рода. Что он делает здесь, так далеко от столицы, на юге?

За стенами раздались голоса, ученицы просыпались, прихорашивались и выглядывали во двор. Вот-вот должен зазвонить утренний гонг, призывая всех к завтраку, а значит, не стоит медлить.

Она развязала пояс кимоно, оставила одежду на лавке и прошла в помещение купальни. В банные дни здесь былолюдно и шумно, над очагом кипел большой котел с горячей водой, в воздухе клубился пар, лилась вода и слышался женский смех. Сейчас баня пустовала.

Ежась от холода, она прошла к бочке, зачерпнула воду ковшиком. Та была прохладной, но все же не ледяной, как вода в купели у заброшенного храма.

Терпимо. Хватит, чтобы смыть с себя эту ночь и взбодриться.

Вытираясь на ходу куском ткани, Мия вернулась в предбанник и остолбенела.

Кимоно не было там, где она его оставила.

Она заозиралась. Обошла предбанник, заглянула под каждую лавку, хоть и без того прекрасно видела — кимоно под ними не было. Ни кимоно, ни нижней рубахи.

Сон слетел мгновенно. В надежде, что это всего лишь ее ошибка, последствие бессонной ночи, Мия вернулась в купальню, но там одежды тоже не было.

Все, что у нее оставалось, — кусок влажной ткани, которым Мия вытиралась после омовения. Его едва хватало, чтобы обернуть дважды вокруг тела. Показываться в таком виде во дворе, на глазах у наставниц и прочих учениц, было невыносимо.

Зябко ежась, Мия обняла себя за плечи и опустилась на лавку. Ничего, не страшно. Сейчас запоет гонг, и двор опустеет. Тогда она сможет добежать до домика и переодеться. Мелкая неприятность, не более.

От холода стало совсем неважно, и она запрыгала по комнате, пытаясь согреться. Хотелось верить, что неизвестный шутник, укравший кимоно Мии, не подсматривает сейчас за ней, покатываясь от хохота.

Прозвенел гонг. Выждав, пока двор окончательно опустеет, Мия завернулась во влажное полотно и юркнула наружу.

И не успела пробежать и пяти шагов, как налетела на Акио Такухати.

— Лучшая ученица! — Он с готовностью обнял свою добычу и ухмыльнулся. — Этот наряд нарушает традиции школы.

Кровь прилила к щекам. Под плотоядным взглядом Такухати Мия словно со стороны увидела: непристойно обнаженные плечи, руки, ноги. И влажное полотно облепляет тело, подчеркивая все изгибы и выпуклости.

— Да, господин Такухати. Простите, — пробормотала Мия, вынырнула из кольца его рук и попробовала обогнуть директора, но он каким-то неведомым путем снова оказался у нее на пути.

— Я не отпускал тебя. Где твоя одежда?

— Не знаю. Разрешите мне дойти до дома и одеться, — взмолилась она.

Стоять на открытом всем взглядам дворе в таком виде было невыносимо.

Он нахмурился и развязал пояс своего кимоно. Мия шархнула в сторону.

— Подойди! — Тон, которым был отдан приказ, заставил вспомнить слухи о военном прошлом Такухати. Мия опасливо шагнула вперед, и на плечи ей опустилась плотная ткань.

Сразу стало тепло, даже жарко. Не только от одежды. Мия вдохнула еле заметный терпкий запах, исходивший от кимоно. Оно пахло мускусом и здоровым сильным мужским телом. Против воли перед глазами встала подсмотренная вчера в зале картина.

— Пойдем, — все таким же не терпящим возражений голосом приказал Такухати. — И рассказывай, что случилось.

За минуту директор вытянул из нее все подробности происшествия.

Кимоно и нижняя рубашка Мии лежали на полу у входа в домик грязной тряпкой. Судя по внешнему виду, ими вымыли полы.

— Виновные будут наказаны.

Ярость в его голосе удивила Мию. Она покачала головой:

— Никто не сознается, господин Такухати. Майко скажут, что я сама, должно быть, испачкала свою одежду. И никто ничего не видел.

Она помнила, как это было шесть лет назад, пока директор Итико не положила конец травле. Но в способность Такухати прекратить женские дразги Мия не верила. Да и станет ли генерал разбираться в мелких обидах воспитанниц?

— Спасибо за помощь. Разрешите мне одеться? Я бы хотела успеть на завтрак.

Он кивнул:

— Одевайся. И пойдем в столовую. Я не оставлю это просто так.

— Что вы собираетесь делать?

Злая ухмылка искривила его губы.

— Пусть выбирают. Или виновные сознаются, или я накажу всех. Пять ударов по пяткам для начала.

— О нет! — Она представила эту картину и пришла в ужас.

Телесные наказания применялись в школе только за самые серьезные преступления. Воспитанниц не секли прутьями, чтобы не портить нежную кожу. Вместо этого практиковались удары бамбуковыми палками по пяткам. Мию наказывали лишь однажды, в детстве. Всего два удара, но она до сих пор помнила, как нестерпимо больно это было. Не только в момент наказания, но и после, когда каждый шаг напоминал о перенесенной экзекуции.

Если по вине Мии все девочки вынуждены будут пройти через такое, ее возненавидит вся школа. Мелкие пакости от Кумико покажутся невинными шутками. Ей будут плевать в еду, награждать тычками, ставить подножки, пачкать одежду, проливать тушь на задания по каллиграфии...

— Пожалуйста, не делайте этого!

— Я не потерплю подобного в моей школе. Одевайся!

Мия покачала головой:

— Пожалуйста, господин Такухати!

Неужели он не понимает, на что обречет ее это решение? Или это часть его плана — довести Мию до отчаяния, отдалить от всех прочих учениц? Чтобы она только в нем видела защиту и опору?

— Ты боишься, что будет хуже? — неожиданно мягко спросил директор. — Не волнуйся. Как только я объявлю о наказании, найдется кто-нибудь глазастый и не желающий страдать за чужие преступления. Вот увидишь, сразу после завтрака я буду знать все в подробностях. Кто крал, кто помогал, кто просто проходил мимо.

Возможно, он был прав, но Мия не желала привлекать к себе подобного внимания. Только славы любимицы директора ей не хватало.

Она склонилась в глубоком ритуальном поклоне:

— Я прошу вас, господин Такухати. Сделайте вид, что ничего не знаете об этом происшествии.

Он мотнул головой, словно собираясь отказать. Но окинул взглядом девушку, все так же кутавшуюся в короткий кусок ткани, и издевательски ухмыльнулся:

— Сделаю, если ты попросишь о поцелуе, лучшая ученица.

— Что? — Она растерялась. — Но вы же обещали...

— Я обещал не приставать к тебе, пока сама не попросишь.

Мия сглотнула, ощущая унижительную беспомощность и странное возбуждение. Она стояла почти обнаженной перед мужчиной, который видел в ней всего лишь игрушку для удовлетворения собственной похоти и даже не пытался скрыть это. Но что-то в глубине ее души сладко замирало от понимания, что она желанна для этого опасного человека.

— Ну? — Он склонился к ее уху и прошептал, обдав горячим дыханием: — Всего один поцелуй, лучшая ученица. Я остановлюсь, если ты не захочешь большего.

— Хорошо, — решила она.

Один поцелуй. Здесь. Пока никто не видит.

Синева его глаз могла поспорить с синевой летних небес. Запах грозы и мускуса, губы почти коснулись ее губ и прошептали:

— Попроси.

— Поцелуйте меня, — выдавила Мия.

И зажмурилась.

Он обнял ее, положил одну руку на худенькие лопатки, а вторую — на ягодицы, заставляя тесно прижаться к себе. И накрыл ее губы своими — по-хозяйски, уверенно и властно.

До этого мига Мия знала лишь иллюзорные поцелуи фантомов-генсо. Миражи творил школьный маг, в них будущие гейши постигали науку любви на практике. И технику поцелуя Мия освоила еще два года назад на самых первых уроках.

Но иллюзорные мужчины бесплотны. От них не пахнет так одуряюще мускусом и грозой, и чем-то очень мужским, от чего кружится голова и путаются мысли. У них нет таких жестких рук, вжимающих Мию в чужое сильное тело. И они не целуют так неторопливо, словно смакуя вкус ее губ, в их объятиях не хочется обмякнуть покорным трофеем в руках победителя.

От иллюзий в памяти не оставалось звуков, запахов, прикосновений. Ничего, кроме чистого знания.

По сравнению с поцелуем Такухати генсо были как скверный рисунок начинающего живописца рядом с настоящим пейзажем: горы, сосны и небо.

Он чуть надавил языком, заставляя Мию разомкнуть губы, и по-хозяйски вторгся в ее рот, пробуя на вкус, изучая. И она ответила, почти против воли ответила. Так, как учили в генсо: раскрываясь, лаская, принимая его.

Жесткая рука сжалась на ягодице. Жадно, почти до боли, и это привело Мию в чувство.

— Хватит! — Она отпрянула, тщетно пытаясь вырваться из стальных объятий. — Я не хочу больше!

— Хорошо. — Он с неохотой разомкнул руки. Синее магическое пламя в глазах медленно гасло. — Я держу слово.

Она бессильно опустила руки и отступила, тяжело дыша. Позабытая ткань предательски скользнула на пол, открывая девичью наготу.

Такухати хрипло выдохнул и качнулся вперед, пожирая ее взглядом. Неумелая попытка прикрыться руками ничуть его не смутила. Заглядывавшее в окно солнце позолотило бледную кожу, заставив ее светиться мягким перламутровым светом. Вскинутые руки словно совсем не являлись преградой для жадного взгляда мужчины. Мия чувствовала этот взгляд, как ощущают прикосновения. Он скользил сверху вниз — высокая грудь, тонкая талия, пленительная линия бедер, сведенные вместе округлые коленки...

— Прекратите так смотреть.

— Ни за что.

Мия гневно фыркнула, сдернула с головы повязанный для купания платок, и волосы черным водопадом ринулись вниз, охраняя ее стыдливость.

Повисла напряженная тишина.

— Ми-и-ия, — произнес он нараспев, словно пробовал ее имя на вкус. Так же, как до того пробовал губы. — Знаешь, о чем я думаю, когда вижу эти волосы распущенными, Мия?

— Уйдите. Пожалуйста. Я благодарна вам за помощь, но сейчас мне нужно одеться и

подготовиться к занятиям.

Он еще мгновение помедлил, словно хотел что-то сказать, но потом резко развернулся и вышел.

Мия без сил рухнула на циновку.

— Молчишь? — Человек с глазами мертвой рыбы ухватил Джина за волосы и поднес к его лицу сияющее малиновым жаром острие нагретой иглы. — Быть может, мне стоит воткнуть это тебе в глаз? Или еще куда-нибудь? — Игла переместилась к низу живота, нацелившись в пах.

Джин улыбнулся разбитыми губами.

— Не стоит этого делать, — мягко сказал он. — После подобного увечья у тебя не будет резонно отпускать меня живым, ведь я вылечусь и отомщу. А у меня не будет надежды выжить, поэтому я точно ничего не скажу.

Дипломатия не так уж сильно отличается от боя. И там и там, чтобы одолеть противника, нужно мыслить как он, понять его, стать им...

Джин чувствовал страх и растерянность человека с рыбьими глазами, его нежелание докладывать сёгуну о произошедшем. Одно дело — просто признаться, что проморгали лазутчика, и совсем другое — предоставить сломленного и готового говорить шпиона.

Понимал, но не сочувствовал. Сочувствию мешали боль в избитом теле и окровавленных пальцах и желание вогнать эту иглу рыбоглазому в шею.

Очень затруднительно быть милым, когда висишь обнаженным, распятым на цепях и тебе только что вырвали второй ноготь. Очень сложно не перейти к угрозам, а вслед за ними к мольбам. Джин держался из последних сил.

Рыбоглазый убрал иглу. Джин почувствовал, как щипцы захватывают ноготь на указательном пальце, и приготовился к боли. Перед глазами разворачивался огненный, в черных прожилках вихрь.

— Что ты сделал со святыней, собачий сын? — свистящим шепотом спросил человек с глазами мертвой рыбы.

— Я не помню, — выдохнул Джин, балансируя на краю кипящего безумия.

— Придется освежить твою память.

Жутковатый хруст, боль, хлестнувшая по нервам, крик, который невозможно и не нужно сдерживать.

Падение в бездну, полную рыжего огня, было коротким и нестрашным.

— Он приходил в себя?

Тануки отрицательно покачал головой:

— Спит как мертвый. Я уже и на охоту успел сходить. — Оборотень с гордостью продемонстрировал Мие десяток освеженных тушек крыс, насаженных на палочку. — Будешь?

— Я поужинала.

Она опустилась на охапку сухих пальмовых листьев. Незнакомец лежал рядом. Прошлой ночью при свете костра он показался ей старше. Сейчас, когда косые лучи солнца заливали храм сквозь окна и прорехи в крыше, Мия смогла его как следует разглядеть.

Не больше двадцати пяти — двадцати семи лет, трудно сказать точнее, слишком измучен лишениями и болезнью. Необычное лицо. Тонкий нос с горбинкой, резкие скулы, высокий лоб. Красиво очерченные губы и мужественный подбородок. Когда Мия смыла с него кровь, стало видно — незнакомец очень красив, несмотря на немного чуждые черты.

Грязные, криво и коротко стриженные волосы мужчины в свете солнца чуть отливали рыжим.

Его тело все еще было горячим, как нагретые в очаге камни, а на щеках цвел лихорадочный румянец, но что-то во внешнем виде раненого подсказывало: кризис миновал. Он будет жить.

— Ты менял повязки?

— Когда бы я успел, Мия-сан? — вознегодовал тануки. — У меня и без того куча дел!

— Каких дел?

— Ну как же, — начал загибать пальчики оборотень, — за дровами сходить. За водой. Поесть. Поспать опять же. Ты меня всю ночь гоняла.

Мия фыркнула и потянулась срезать бинты. Но стоило ей склониться с ножом в руке над раненым, как глаза мужчины распахнулись. Он перехватил ее за запястье и дернул на себя, больно выворачивая руку и вынуждая разжать пальцы. Танто выпал и покатился по половицам, Мия жалобно вскрикнула.

Ее обдало запахами болезни, пота и лекарственных трав. Сияющие слепящей изумрудной зеленью глаза оказались прямо напротив ее глаз. Мия завозилась, пытаясь вырваться, но он, несмотря на раны и лихорадку, был силен.

— Кто ты, ёкай тебя побери? — резко выдохнул мужчина.

И тут же застонал от боли. Внешне неповоротливый тануки в одно мгновение отшвырнул насаженных на палочку крыс, подскочил к нему и ловко пнул по раненому плечу.

— А ну отпусти ее, отродье скорпиона и мокрицы, — потребовал оборотень, приставив к горлу раненого нож, куда больше похожий на здоровенный тесак.

Мужчина выдохнул и разжал руки. Мия отпрянула от него, растирая запястье.

— Вот! — провозгласил тануки и еще раз пнул раненого, вызвав новый стон. — Вот она — человеческая неблагодарность. Ты его подобрала, выходила, а он при первой же возможности на тебя набрасывается с целями несправедливыми. У-у-у, бандитская рожа! — С этими словами он собрался еще раз пнуть мужчину, но тот в последний момент ловко увернулся, перекатился и подобрал танто.

Перехватив нож жестом опытного воина, он приподнялся в низкой боевой стойке, вытянув искалеченную ногу, и взглянул на оборотня исподлобья, через падающие на глаза спутанные пряди волос.

— Прекратите! — Мия вскочила, готовая при необходимости броситься разнимать мужчин. — Пожалуйста, — обратилась она к раненому, — не дергайся. У тебя снова рана открылась.

Это было правдой. Повязка медленно пропитывалась кровью.

— А ты, Дайхиро, прекращай воевать.

— Кто вы? — повторил мужчина. Присмотрелся к оборотню, и глаза его изумленно расширились. — Ёкай!

— Сам ты ёкай, — обиделся тануки. — И дурак к тому же. Мия-сан над тобой ночь не спала — лечила, зашивала, а ты ей руки крутишь. Правильно я сказал — надо было выбросить тебя сразу.

— Мы не враги, — тихо добавила Мия.

Лицо незнакомца прояснилось, словно он что-то вспомнил. Он уставился на Мию с таким видом, будто она на его глазах обернулась белым журавлем и вот-вот улетит.

— Ты?! — потрясенно выдохнул мужчина.

— Меня зовут Мия.

Глава 5

САМХАНСКИЙ ТИГР

Перевязку и обработку раны он перенес без звука, несмотря на то, что разошедшийся шов пришлось накладывать заново. Только хмыкнул, когда Мия посетовала, что татуировка не будет прежней — края порванной кожи не получалось соединить ровно, сколько она ни старалась.

— Ты видишь тигра?

— Да, — она помедлила, — его трудно не заметить.

— А, ну да, — он засмеялся вполне искренне, — будет кривой на один глаз.

— Лежи смирно, — попросила Мия, втирая мазь тигру в морду. Выбитый на спине зверь и впрямь словно окривел на один глаз, приобрел вид разбойничий и вдвойне опасный.

Он послушно прекратил смеяться. Но болтать не прекратил:

— Ми-я. Красивое имя. Что оно означает?

— «Тихая, как храм». А на древнем хакинабу — «строптивая, непокорная».

— В тихом храме водятся ёкай. — Мужчина покосился на тануки, который все еще дулся в углу, распушив усы и хвост.

— А твое имя?

— Джин.

— Просто Джин?

— Джин Хо.

«Хо» означало «тигр» на самханском.

— У тебя поэтому тигр на спине?

— И поэтому тоже.

Мия нахмурилась. Необычные черты лица, волосы, отливающие рыжим, теперь еще и имя...

— Ты не с Благословенных островов?

— Я — самханец.

— Встань, пожалуйста.

Мужчина послушно приподнялся, помогая ей наложить повязку. Закатное солнце поцеловало его в плечо, подчеркнув красивый рельеф мышц под гладкой, бронзовой от загара кожей.

В отличие от того же Акио Такухати, Джин не подавлял. В нем не было высокомерия и гнетущей властности директора. Но все же самханец сумел за считанные мгновения перехватить лидерство. Он забрал его у Мии так спокойно, с таким пониманием своего права распоряжаться и уверенностью в себе, что она и не подумала сопротивляться.

— Итак, я обязан тебе... вам, — поправился он, снова покосившись на недовольно заворчавшего тануки, — жизнью. Я должен сказать спасибо.

— Сказал уже, — не удержался оборотень. — Хороша благодарность, чтобы тебя в аду за нее демоны за пятки покусали.

— И извиниться, — невозмутимо кивнул мужчина в ответ на отповедь. — Простите меня, Мия-сан и уважаемый Дайхиро. В моем бреде рядом не было друзей. Только враги.

Улыбка красила его и без того привлекательное лицо. В глубине зеленых глаз блеснули золотистые искры, и Мия отчего-то смутилась и опустила взгляд.

Он нежно взял девушку за запястье, поцеловал красные следы, оставленные его пальцами.

Тануки возмущенно зашипел:

— Вместо того чтобы руки распускать, лучше бы полечил девочку, вояка хренов.

— Не могу.

— Ври больше, — распушил усы тануки. — Кого ты надеешься обмануть с такими глазками?

— Ты прав, я — маг. Но не могу пользоваться своей силой.

— Почему? — спросила Мия, забирая у него руку. Он не стал удерживать.

— Я проклят, — просто ответил мужчина.

— Вот эти подойдут. — Он отобрал пару бамбуковых палок из запаса дров.

Мия зевнула. Глаза неудержимо слипались. Ей нужно было возвращаться, но так не хотелось покидать храм сейчас, когда горит костер и желтые тени пляшут в пыльных углах.

— Помочь?

— Не откажусь, — отозвался мужчина, сосредоточенно ощупывая сломанную ногу. — Подержи шину, пока буду бинтовать.

Лодыжка выглядела плохо, отекая и распухая. Под кожей вокруг перелома разливалась болезненная краснота.

Мия села рядом, перехватила бамбуковые палки. Руки Джина мелькали над ними. Сноровка, с какой он фиксировал шину, свидетельствовала, что мужчина делает это отнюдь не в первый раз.

Надо было расспросить раненого, кто он и как сюда попал, но мысли разбежались. И слишком хотелось спать.

Бинтов не хватило, поэтому Джин, не раздумывая и не советуясь ни с кем из присутствующих, одним махом отхватил подол у своего кимоно, превратив его в пародию на куртку-хаори.

Тануки схватился за голову:

— Дурак, ой дурак! Зачем хорошую вещь испортил? Спросил бы сперва у мудрого Дайхино, где достать старые тряпки. Но нет, ты же у нас быстрый, Джин Хо. Чуть что — сразу ножиком махать.

Вместо того чтобы оскорбиться на пренебрежительный тон или возмутиться, что благородный танто назвали простым ножиком, Джин сверкнул улыбкой.

— Точно дурак, — весело согласился он. — Не хотел затруднять уважаемого Дайхино. Думаю, я и так доставил вам достаточно неприятностей.

— И не говори, — проворчал оборотень, все еще дувшийся на нового знакомца за «ёкая», а पुще того за нападение на Мию. — Одни проблемы от тебя...

— Долго будет заживать? — спросила Мия, бросив в сторону тануки укоризненный взгляд.

— Долго, — вздохнул мужчина. — Недели три-четыре.

Обычному человеку с таким переломом пришлось бы ждать не меньше трех месяцев, но Джин был магом. Высокородженным, из древнего клана — не мерцавшие, но сиявшие колдовским светом глаза не давали возможности ошибиться.

Все знают, что благословленные Аматаэрасу отпрыски знатных фамилий не только способны повелевать стихиями, но и выздоравливают куда быстрее простых людей, чьи глаза не отмечены магическим пламенем. А еще их не берут болезни, и, говорят, даже если отрубить им

какую-то часть тела, они способны отрастить ее заново...

Джин затащил последний узел, полюбовался на свою работу.

— На мне всегда все долго заживает, — признался он. — Помню, в детстве мы с братом как-то забрались на склад с фейерверками. Отец любил устраивать их по праздникам. Забрались и выкрали один, чтобы запалить самовольно. Мелкие были, глупые, но шептуньи. Как все мальчишки... — Он замолчал.

— И что случилось?

— Подождли. Полыхнуло так, что я потом три месяца не видел ничего, кроме этой вспышки. — Он вздохнул и одернул на место хакама, скрывая забинтованную ногу. — Думал, так и останусь на всю жизнь слепым. А мой брат различал контуры предметов уже через две недели.

Мия снова зевнула. Как же хочется спать! Веки налились свинцовой тяжестью — не поднять. Голова все клонится и клонится вниз...

Потрескивали дрова. От костра и от мужского тела рядом шло тепло, а за стенами сырая зимняя тьма. И встать совсем нет сил...

— Это из-за проклятия? — спросила она сонным голосом.

Он кивнул.

— Тебя проклинали в детстве?

— Еще до рождения. — Он приобнял девушку за плечи, вынуждая положить голову к нему на плечо, и Мия почему-то не стала протестовать. С ним было уютно. И не страшно.

— В детстве я постоянно болел, простужался или ломал себе чего-нибудь, но все равно лез куда нельзя. Как с тем фейерверком...

— Тебя обижали? — тихо спросила Мия.

Дети жестоки. Если его братья владели своими силами, Джин вряд ли избежал участи изгоя и мишени для издевок.

— Попробуй, — рассмеялся он весело, словно воспоминание об этом его искренне забавляло. — Но я научился быстро бегать, прятаться и не доводить дело до драки. А если уж дошло, сразу бить так, чтобы противник не встал.

Его голос отдалялся, и стены заброшенного храма чуть плыли перед глазами. Так спокойно, тепло и сонно... Мия закрыла глаза, доверчиво уткнулась в подставленное плечо.

— В чем-то я даже благодарен проклятию. Мои братья и другие высокородные зависят от своего дара. Все, что я знаю и умею, я выучил сам, и этого не отобрать. Если на меня надеть блокаторы, я не стану беспомощным, как другие маги... Мия, ты спишь?

Ответом на его слова был чуть слышный звук дыхания.

Джин поймал взгляд тануки и покачал головой, шепнув одними губами: «Не буди». И опустил девушку на охапку пальмовых листьев, послужившую ему ложем прошлой ночью.

Она пробормотала что-то обиженно и неразборчиво, а когда он лег рядом, защищая ее от тянущего снаружи холодного ветра, снова положила голову на плечо и обняла его за шею. Джин улыбнулся, стер еле заметное пятнышко грязи с ее щеки, вытянулся на листьях и заснул, проигнорировав неодобрительный взгляд оборотня.

«Ой, не к добру все это». — Дайхиро сморщил нос. Разбудить бы молодого нахала да надавать оплеух. А Мию отправить в школу — заметят ведь, что ее нет, обязательно заметят.

Он вспомнил, какой измученный был вид у девушки, и еще раз сердито покачал головой. Совсем не бережет себя, глупая.

Дайхиро еще раз смерил подозрительным взглядом подобранного Мией незнакомца. Вроде и не врет, чутье на ложь у оборотня было отменным. Не врет, но недоговаривает. А ну как начнет ночью руки распускать?

Но девочке надо выспаться.

Тануки подбросил в костер дровишек, кряхтя поднялся, махнул лапой, закрутился на одном месте, словно веретено, все ускоряясь и ускоряясь. Развевались по воздуху монашеские одежды, мелькали так быстро, что сливались в единое серое пятно, и уже не различить, кто там. Тануки? Человек?

Движения чуть замедлились, серое пятно превратилось в хрупкую девушку в простом темно-синем кимоно. Густые длинные волосы уложены в традиционную для майко прическу, большие глаза смотрят на мир доверчиво и любопытно. Девушка хихикнула и выскочила во двор.

Когда она проходила мимо купели с водой, надкушенная луна выглянула из-за тучи полюбоваться на это диво. В темной глади вод отразился толстенький монах. Девушка погрозила луне кулаком, и монах в купели, приподняв мохнатую лапку, повторил за ней этот жест. Ночное светило мигнуло и вновь спряталось, словно уstraшилось.

— Ну, Мия, должок за тобой будет, — пробурчала девушка себе под нос ворчливым мужским голосом и начала спускаться по горной тропинке.

В маленьком домике, где жили восемь старших учениц, было темно и тихо. Свернувшись под шерстяными одеялами, посапывали во сне майко. Четыре бледных полосы лунного света пробивались сквозь щели в ставнях.

Одна из учениц открыла глаза. Повела носом, принюхиваясь, неслышно встала и прокралась к двери. Двор встретил ее особой зимней тишиной и промозглым ветром, от которого девушка поежилась. В лунных лучах одежда на ней зашевелилась, из коротенькой сорочки превращаясь в темно-синее кимоно.

Все так же крадучись, перебегая из тени в тень, она подобралась к забору, когда за спиной девушки раздался насмешливый мужской голос:

— Что, не спится, лучшая ученица?

Девушка подпрыгнула на месте, смешно по-звериному пискнула и обернулась к мужчине.

— Нарушаешь правила. — Строгость его слов смягчал покровительственный и даже

заботливый тон. — А ведь я обещал наказать тебя за подобное, помнишь?

— Нет, — тенором буркнула девушка и попятилась.

Глаза мужчины сузились:

— Что у тебя с голосом, лучшая ученица?

Девушка что-то промычала и попыталась улизнуть, но мужчина был быстрее. В одно мгновение она оказалась зажата в углу. Он нависал над ней, рассматривая свою добычу со снисходительной усмешкой.

— Так что ты делаешь во дворе ночью, Мия? — Мужчина чуть наклонился, принялся, и его глаза изумленно расширились. — Чем от тебя пахнет?

Его огромные ладони играючи удерживали тонкие запястья девушки. Он с улыбкой смотрел, как она дергается, безуспешно пытаясь вырваться из захвата. Но развлечение не было долгим.

— Пусти меня, бестолочь. Что же ты не спишь-то, когда все нормальные люди давно дрыхнут, похотливый козел, чтоб у тебя отросток отсох и отвалился! — неестественным фальцетом, переходящим в приятный мужской тенор, выдала несчастная жертва. — А не отсохнет сам, так я помогу. Клянусь Буддой, прямо сейчас и оторву, если не отпустишь немедленно!

И прежде чем изумленный мужчина нашелся что ответить, ловко вывернулась из объятий, упала на четвереньки и скрылась в тенях, махнув на прощанье полосатым хвостом.

Акио Такухати покачал головой вслед убегающему тануки и неслышно рассмеялся. Несмотря на глупую роль, которую ему довелось сыграть, ситуация показалась опальному генералу донельзя забавной.

Он слишком много времени провел в армии. Забыл о повадках ёкаев. А здесь — глушь, горы. Самое место для нечисти.

Акио вынул из ножен танто и уколол палец. Капля крови упала на землю, та полыхнула синим. Синим же на мгновение вспыхнули стены.

Защиту маг поставил на школу еще вечером первого дня. Не потому, что реально чего-то опасался, по привычке.

Теперь тануки не сможет покинуть школу. А утром Акио соберет всех воспитанниц и наставниц, прочешет каждое здание и найдет его.

Такухати ничего не имел против оборотней. Но тануки известны своим похотливым нравом. Такой твари нечего делать среди женщин, за которых он, Акио, отвечает.

Мысль о том, что оборотня привечает кто-то из девочек, заставила директора выругаться. Счастье тануки, если его любовница — одна из наставниц. Единственным существом, за которым Такухати признавал право тискать учениц, был он сам.

— Шкуру сдеру, — негромко пообещал Акио. И отправился в зал для ежевечерней тренировки.

Госпожа Оикава уже два часа как ворочалась на футоне, тщетно пытаясь заснуть.

Истомившееся по ласке тело требовало любви, а неутомная фантазия рисовала картины из бурного прошлого гейши.

Увы, век жрицы любви краток. А ведь она не так уж стара, всего сорок пять. И до сих пор хороша собой. Но разве способны утонченность и опыт конкурировать на равных со свежестью и невинностью?

Новые личики появлялись в «квартале ив и цветов» ежегодно. Еще вчера ты блистала, лучшая из лучших, а сегодня о тебе никто не помнит, и мужчины не присылают больше приглашений с просьбой украсить их вечер изысканной беседой и танцами.

А снизить цену или принимать приглашения богатых купцов не позволит гильдия. Гейша не проститутка, она не может стоять дешево или быть доступной для каждого.

Она снова повернулась на жестком футоне и чуть не заплакала от разочарования. Ох, как же хочется любви! Это все новый директор, будь он неладен. Гейша закрыла глаза, представляя себе Акио Такухати. Широкие плечи, мощный торс, узкая талия и пронзительная синева глаз высородного самурая. Как сладко стонать под таким мужчиной! Сожмет в объятиях, все косточки зануют...

Скрипнули половицы, и госпожа Оикава поняла, что она больше не одна в комнате.

— Кто здесь? — Гейша села и нащупала фонарь.

— Ой, ну вот только этого не надо, — раздраженно откликнулся из темноты мужской голос. — Что за привычка — чуть что, жечь масло, как будто ему нельзя найти другого применения.

— Вы кто? — Голос был незнакомым. Ворчливым и забавным. И перед мысленным взором госпожи Оикавы отчего-то возник толстенький монах в сером одеянии. — Я сейчас закричу, — предупредила госпожа Оикава, совершенно не испытывая желания выполнять угрозу.

— Не надо, — попросил незнакомец и опустился рядом на футон. — Я же так, мимо пробежал только. Увидел, какая красавица томится одна, и подумал — дай зайду. Прогонит так прогонит. — Шаловливая рука опустилась на талию госпожи Оикавы, притянула гейшу поближе к горячему мужскому телу.

— Здесь школа, сюда нельзя мужчинам.

— Да я и не мужчина, — хихикнул скрытый тьмой незнакомец, усаживая ее к себе на колени. Уткнувшись в попку госпожи Оикавы возбужденная плоть живо оспорила это утверждение. — Так, сон хороший. Ты спи, красавица, я тебе приятное присню.

— А, ну если сон, тогда можно, — согласилась гейша.

Она чуть откинулась назад, позволяя сильным рукам стиснуть ее грудь, вдохнула острый и странный запах незнакомца и застонала.

— Знаешь, о чем я думаю, когда вижу эти волосы распущенными, Мия?

Она не смогла ответить, притиснутая к стене горячим мужским телом. Он просунул свое колено меж ее сжатых ног, язык по-хозяйски вторгся в ее рот. Жесткие, в мозолях от каганы руки смяли ягодицы, залезли под сорочку, уверенно и властно, погладили живот, накрыли

грудь. Мия чуть выгнулась и всхлипнула от возбуждения, а Такухати рассмеялся:

— Ты ведь хочешь меня, лучшая ученица.

— Нет!

— Хочешь, маленькая лгунья.

— Не хочу! — Она замотала головой, вырываясь из кольца горячих рук. — Пустите!

Образ мужчины смазался, оплыл, как свеча. Объятия стали нежнее — уже не хватка хищника, но поддержка и опора. Глаза налились зеленью, волосы укоротились и полыхнули рыжим пламенем. Теперь он не тискал и не сжимал ее с грубой силой, но гладил сквозь тонкую ткань сорочки. Шаловливые пальцы выписывали круги и спирали на нежной коже.

И поцелуй был тягучим и сладким, как мед диких пчел.

— Мия! — восхищенно выдохнул Джин. — Мия, Мия, просыпайся же ты, глупая девчонка! Просыпайся немедленно!

— А? — Она открыла глаза и вскочила, вся еще во власти непристойного сна. Щеки полыхали, поднять взгляд на стоявшего рядом Дайхиро было стыдно.

А на Джина, который сидел рядом, обнимая Мию за плечи, и того стыднее в сотни раз.

Придавленная смущением к полу, Мия уставилась на костер. За ночь тот почти прогорел, но угли все еще грели, защищали от промозглых утренних туманов. Сквозь дыры в крыше синело предраассветное небо.

Приснится же такое. Боги, как неловко-то... Хорошо, что никто не властен подсмотреть чужой сон.

— Что я здесь делаю?

— Слушать надо старого Дайхиро, — фыркнул оборотень. — И спать больше, а не сидеть ночами над всякими. — Он выразительно покосился на Джина.

— Ты заснула, — мягко сказал самханец. — Мы решили не будить тебя.

— Ты спал рядом? — Зря она думала, что покраснеть еще гуще невозможно.

Вмятина на ложе из пальмовых листьев и само присутствие Джина рядом подсказывали — спал. И не просто рядом, а разве что не в обнимку.

— Я не мог позволить тебе замерзнуть после того, как ты меня выходила, — невинным тоном отозвался Джин. — И не буду врать, рядом с тобой ночью гораздо теплее и приятнее, чем одному.

— Ах ты... — Она высвободилась из его объятий, вскочила и с возмущением уставилась на самханца. Смеющиеся глаза мужчины подсказывали — ругаться с ним бесполезно, поэтому Мия напустилась на тануки: — Ты почему меня не разбудил?

— Потому что дурак, — сердито буркнул оборотень. — Хотел дать тебе выспаться. Еще и пошел прикрывать. Воистину ни одно доброе дело не останется безнаказанным. Давай-давай,

собирайся! Бегом в школу!

На сердце немного отлегло. Если другие ученицы видели, как Мия ложится спать, скандала и наказания от Такухати не последует.

— Чуть не попался этому вашему, — все так же ворчливо продолжал тануки, за руку утаскивая ее к выходу. — Если бы не одна добрая женщина, показавшая, где у вас погреб, остался бы от старого Дайхино только хвост тебе на память. И так полночи нору копал.

Только выйдя из храма навстречу поднимавшемуся над горами солнцу, Мия обратила внимание, что от оборотня пахнет погребом, а шерсть вся перепачкана во влажной земле.

— Тебя видел директор Такухати?

— И не только видел. — Оборотень хихикнул. — Обещал шкуру снять, если еще раз встретит.

В голосе тануки прозвучала не совсем понятная для Мии гордость.

Глава 6

УРОКИ ГОСПОДИНА ТАКУХАТИ

Она еле успела проскользнуть в домик. Снять кимоно и нырнуть под одеяло — уже нет. Пришлось сделать вид, что Мия только что встала.

Прическа после ночи на пальмовых листьях растрепалась, а в волосы забились сухие листья. Мия распустила их и теперь задумчиво водила гребнем, сидя у бронзового зеркала.

— Опять на все утро зеркало заняла, — слышался из-за спины ворчливый голос Кумико.

Мия покорно сдвинулась, предлагая майко разделить с ней зеркало. Кумико пихнула ее локтем, плюхнулась рядом и начала зачарованно разглядывать свой носик в поисках несуществующих прыщиков.

Свои волосы дочь самурая, как и прочие майко, на ночь укладывала в сложные прически, а чтобы они не помялись, клала под шею деревянный брусок.

Несмотря на утро, выглядела Кумико неважно. Обычно фарфорово-бледная кожа чуть пошла пятнами. Переела мандаринов?

Мия потянулась к шкатулке со шпильками кандзаси. Вчера она побоялась потерять их в лесу, поэтому оставила в домике перед вылазкой.

Шкатулка была пуста.

Мия вскочила. Зачем-то осмотрела все свои немногочисленные вещи. Перетряхнула уже свернутый футон. Другие майко одевались, делая вид, что не замечают ее поисков. Кумико недовольно кривилась и разглядывала свое отражение в зеркале.

— Кумико, ты не брала мои кандзаси?

Дочь самурая фыркнула:

— Вот еще! Как будто кому-то нужны твои уродливые шпильки.

Ичиги громко хихикнула.

Будь это обычные шпильки, Мия махнула бы на них рукой. Но серебряные кандзаси, полученные за победу в состязании, были первой вещью, которую она по-настоящему могла назвать своей за долгие годы. И не просто вещью. Они являлись символом ее триумфа. Изящное серебряное кружево, светящиеся магическим светом иероглифы...

Она даже надеть их ни разу не успела.

— Пожалуйста, отдай, — сказала она, стараясь говорить доброжелательно и спокойно.

— У меня их нет. Сама небось потеряла. Следи лучше за своими вещами, разиня.

«Давай, докажи, что это я их взяла», — говорила ее издевательская улыбка.

Ответить Мия не успела. Со двора раздался сигнал гонга, призывающий всех учениц немедленно выйти на улицу.

Такухати медленно обходил выстроившихся учениц, вглядываясь в лицо каждой. Девочки краснели, бледнели, опускали глаза и вспоминали свои недавние оплошности. Пристальный взгляд директора пугал не на шутку.

Мия тоже попыталась уставиться в землю, но Такухати не дал ей этого сделать. Двумя пальцами коснулся ее подбородка, вынуждая поднять голову и взглянуть ему в лицо. Губы Мии шевельнулись, беззвучно спрашивая: «Что вам нужно?»

Он раздраженно дернул плечом и обернулся к наставницам:

— Здесь все?

— Все, господин директор, — закивала госпожа Оикава.

— Значит, он где-то прячется.

«Дайхиро! — внезапно осенило Мию. — Он ищет тануки».

На душе стало спокойно. Дайхиро сейчас отсыпается в старом храме. Или ловит рыбку в водах горного озера. Или отмывается от земли в горячем источнике. Потом вылезет на берег, будет ворчать и жаловаться на холод.

Мия мысленно поклялась, что не позволит другу подойти к школе на полет стрелы. Не хватало еще, чтобы оборотень стал пленником этого безжалостного человека, подобно фэнхуну.

— Нам надо... — произнес директор, но резкий стук в ворота прервал его на полуслове.

— Это еще кто?

На лицах наставниц читалось не меньшее недоумение. Школа находилась в стороне от дорог и человеческого жилья. Ежедневная подвода с припасами подъехала полчаса назад, и больше наставницы никого не ожидали.

Такухати откинул тяжелый засов на воротах и уставился на стоявший за ними отряд недобрым взглядом.

— Ну?

— Именем и властью сёгуна, — подал голос глава отряда — невысокий и коренастый самурай с простецким лицом. — Я должен осмотреть школу и всех находящихся в ней людей.

Акио Такухати встал, словно бы случайно перегородив проход. Руки сложены на груди, полуприкрытые глаза изучают пришельцев с ленивым превосходством сытого хищника.

— Почему я узнаю об этом распоряжении сейчас и от вас? — процедил он. — Ты уверен, лейтенант, что, если я свяжусь с сёгуном, он подтвердит твои слова?

Поза и тон директора говорили лучше любых слов, что он скорее уничтожит отряд, чем выполнит распоряжение.

Низенький лейтенант слегка побледнел.

— Генерал Такухати? — выдавил он потрясенно.

— Именно. Итак, еще раз, лейтенант: кто в действительности отдал приказ? Что вы ищете?

Самурай сглотнул. Обернулся на воинов за своей спиной, снова посмотрел на директора и выдавил:

— Приказ наместника провинции, генерал. Ищем самханского шпиона. Последний раз его видели в горах недалеко отсюда. Прошу, разрешите нам обыскать школу. Это в ваших же интересах. Шпион очень опасен — он убил пятерых самураев, а у вас тут женщины, дети...

— Ты сомневаешься в моей способности защитить женщин и детей от одного самханца, лейтенант? — В ленивом голосе Такухати прорезались нехорошие нотки.

— Нет... — Самурай совсем поник.

Мия поймала взгляд низенького лейтенанта и почувствовала, как полыхнули уши.

Шпион! Вот кто он такой, этот Джин Хо. Самханец со следами пыток на теле и веселыми шутками. Она ведь даже не выпросила толком, кто он и откуда! Ничего не узнала о человеке, которому спасла жизнь.

Зато пообниматься с ним успела. Даже во сне приснился.

Боги, стыдно-то как!

Шпион!

Ей казалось, что каждый во дворе если не знает, то догадывается о ее роли во всей этой истории.

— На стенах защита. Ни один чужак не войдет на территорию школы и не сумеет ее покинуть, — бескомпромиссным тоном отрезал Такухати. — Думаю, присутствие солдат здесь неуместно, лейтенант.

По лицу самурая было видно, что он категорически не согласен со словами директора, но спорить вояка поостерегся.

— Дозвольте нам хотя бы побеседовать с майко. Возможно, они что-то видели или слышали.

— Кто-нибудь что-нибудь слышал? — равнодушно спросил Такухати, обращаясь то ли к воспитанницам, то ли к силуэтам горных вершин над головой.

Мия уже открыла рот, чтобы заявить о своей находке, но тут же осеклась.

Как объяснить свое присутствие в заброшенном храме? Воровство лекарств? Дружбу с тануки?!

— Нет? Неудивительно. Как я уже говорил, лейтенант, на школе стоит магическая защита, а моим подопечным запрещено покидать эти стены. Желаю заместнику успехов в поимке его шпиона. — В напутственных словах, с которыми Такухати закрывал ворота, слышалась неприкрытая насмешка.

Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что атмосфера в комнате для медитаций не отличается от обычной. Майко сидели на коленях, обратившись лицом к госпоже Оикаве в ожидании начала урока.

Однако стоило чуть присмотреться, и можно было заметить нервное возбуждение, которое овладело девушками. Оно выражалось в смешках, переглядываниях, предвкушающих улыбках.

Все были в сборе. Чтобы начать очередное занятие по искусству любви, не хватало лишь мага. Оттого лица будущих гейш и сияли таким опасливым восторгом.

Иллюзии генсо. Самая сложная и деликатная часть обучения. Святая святых, без которой невозможно было бы сохранить невинность воспитанниц и обучить их искусству любви.

Иллюзии в школах творили маги. Как правило, самураи из захудалых родов. Их глаза лишь иногда отблескивали колдовским цветом, а силы разбавленной крови еле-еле хватало, чтобы создать и удержать тонкую ткань миража.

Таким был муж госпожи Итико — немолодой, хромой и очень спокойный мужчина.

Мия вздохнула и поежилась. В отличие от других девочек, она не ощущала ни малейшего воодушевления при мысли, что Акио Такухати примет участие в уроке. Напротив, ее даже слегка колотило от страха и смешанного с ним стыда.

Она вспомнила давешний сон и спрятала лицо в ладонях. Неужели ее вправду привлекает этот жестокий и самодовольный человек? Нет, должно быть, этот сон — просто искаженное воспоминание о поцелуе...

Первый настоящий поцелуй Мии.

Такухати вошел стремительно, за мгновение до того, как прозвенел гонг, возвещая начало урока. Опустился на татами, с усмешкой оглядел воспитанниц, задерживая взгляд на каждом лице. Майко покраснели и опускали глаза.

Госпожа Оикава положила в курильницу травы, и по комнате поплыл густой тревожный запах. Само собой вспыхнуло пламя внутри большого фонаря в центре зала, закружилась подставка с

вырезанными силуэтами бумажных кукол, тени поползли по стенам — все быстрее, быстрее. Шевелились, подкрадывались, кривлялись...

И комната зарябила. Пошла волнами, как взбаламученная озерная гладь.

Мия моргнула. Она и другие ученицы находились на берегу моря. В воздухе пахло солью, солнце светило по-весеннему, ласкало, но не жгло, и легкий бриз чуть теребил рукава кимоно. Где-то вдалеке перекрикивались чайки.

Иллюзия была полной. Абсолютной. Звуки. Запахи. Сыпучий песок под ладонями и нежное прикосновение ветра.

Вот что значит высокорожденный.

— Господин Такухати, — наставница нахмурилась и за неимением рядом директора укоризненно посмотрела в голубые небеса, — я прошу вас вернуть нас в зал для медитаций. Здесь обстановка не располагает к обучению. И предоставьте нам учебное пособие, будьте так добры.

Над головой раздался смешок, и весеннее море сменилось знакомыми стенами. Только теперь рядом с госпожой Оикавой был расстелен футон, на котором лежал обнаженный фантом — привлекательный и безликий.

Впервые в жизни Мия задумалась, насколько ощущает, видит и контролирует маг создаваемые им иллюзии. Ведь если Акио Такухати сейчас незримо присутствует на уроке, значит...

От этой мысли стало жарко настолько, что она мгновенно взмокла.

А госпожа Оикава прямо-таки разливалась. Наставница была в ударе, глаза блестели особенно ярко, и говорила она о любимом деле с неподдельным наслаждением.

— ...сливаясь, мужчина и женщина обмениваются энергиями инь и ян, обретая жизненную энергию ци. Мужчина берет, обладает, женщина отдается...

Все это уже рассказывали столько раз, что Мия давно выучила слова наизусть и могла бы повторить урок вместо наставницы. К сожалению, теория мало походила на практику, которая следовала за ней.

— ...но бывает, что в женщине преобладает энергия ян, а мужчина устал. Тогда возможен обмен ролями. Женщина ведет, а мужчина следует, подчиняется. Женщина сверху, а мужчина снизу.

Про это уже говорили в прошлый раз, но сегодня наставница не ограничилась теорией и картинками. Госпожа Оикава ловко оседлала лежащий рядом фантом и показала несколько основных поз, громко обозначая название каждой. Мия почти не слушала. Ей казалось, она кожей ощущает чужой насмешливый взгляд.

Ей никогда не казалось, что в уроках «искусства тайных покоев» есть что-то постыдное. Все относились к этому просто, как к части обучения. Подготовка гейши включала в себя знания, как ублажить мужчину, так же как переход из майко в гейши лежал через аукцион, на котором знатный мужчина выкупал девушку, чтобы лишить ее невинности. Это было... естественно. Часть жизни Мии.

Ей показалось, что над ухом раздался тихий смех, и она еле сдержалась, чтобы не вскочить и не закричать: «Прекратите!»

— Все понятно? — Ученицы согласно закивали. — Тогда тренируйтесь.

И Мия осталась в зале одна.

Исчезли не только другие майко и наставница, но и фантом. Мия повертела головой, неуверенно поднялась. Что это значит? Практикой ученицы всегда занимались в одиночестве, но как она будет тренироваться без... без этой штуки?

Называть хотя бы в мыслях фантомов «мужчинами» у нее не получалось. В них было что-то одновременно пугающее и безопасное. Бездумный взгляд, равнодушная покорность, свойственная скорее чему-то неживому. Стесняться подобных существ было глупо. Все равно что стесняться стола или картины на стене.

— Что-то ищешь, лучшая ученица? — раздался насмешливый голос из-за спины.

Мия медленно повернулась.

Он стоял полуобнаженным, в брюках-хакама. Совсем как тогда, когда она подглядывала за его тренировкой. Только темные волосы распущены и лежат по плечам. Она взглянула на себя и обнаружила, что на ней снова только влажный кусок ткани.

«Это все ненастоящее, — напомнила себе она. — Все иллюзия!»

Полотно липло к телу, реальное до невозможности. И Акио Такухати тоже был реальным до невозможности — настойчивый, опасный.

— Что вы здесь делаете? И где мой...

Какой глупый, неуместный вопрос. Неужели не ясно, что он делает здесь? Но мысли путаются, дыхание сбивается, где-то в животе крутит от жутковатого и захватывающего предчувствия, и ей уже не до умных вопросов. Лишь бы хоть что-то сказать.

— Я за него. — Он в два шага оказался рядом. — Скажи еще, что ты недовольна, лучшая ученица.

— Я не хочу, так нельзя, — обреченно прошептала Мия. Что сейчас ни скажи, его не остановишь.

— Тсс... Со мной тебе точно будет лучше, чем с этими куклами.

Она могла вырваться. Хотя бы попробовать избежать прикосновений. Но отчего-то не стала этого делать.

В этот раз он целовал ее не так жадно. Неторопливо, медленно, зная, что впереди достаточно времени. И так же медленно стянул с нее кусок ткани и заставил опуститься рядом с собой на футон.

— Это подло. Вы обещали!

Он ласково провел пальцем по ее щеке.

— И что здесь подлого, лучшая ученица? Маг все равно присутствует в тех иллюзиях, которые создает.

Ее глаза расширились:

— Нет!

— Да. Не знала?

Она зажмурилась и покачала головой. С закрытыми глазами было не так стыдно.

Странный вкус иллюзорного поцелуя — похожий и не похожий на настоящий. Страх и возбуждение бурлили в крови. Не спорить? Отдаться ему? Все это иллюзия, почти фантазия. В фантазии возможно и не такое...

Руки опустились на ее грудь, захватывая, сминая. Мия попыталась расслабиться, покоряясь грубоватой ласке.

Прикосновения были реальны... почти реальны. Он чуть сжал пальцами горошинку соска, перекатывая ее между пальцами, жадный рот накрыл второй сосок. Мия всхлипнула от короткой судороги удовольствия, пронзившей ее тело.

Совсем не похоже на обычные занятия. Там Мия сама решала, что и как нужно делать. Не была безвольной игрушкой в мужских руках.

— Не надо, — простонала она.

— Почему не надо? Тебе же нравится, я вижу.

Пальцы второй руки спустились на низ живота, чуть надавили, погладили. Мия запищала и начала вырываться.

Все это было слишком, слишком настоящим. Настоящим и... приятным.

— У нас урок! — выкрикнула она звенящим от слез голосом.

Такухати остановился.

— Вот я тебя и учу.

Мия снова дернулась, выскользнула из объятий. Вскочила и отпрыгнула.

— Я должна сама. А это... это как насилие.

По его красивому лицу пробежала тень раздражения, а потом он кивнул:

— Хорошо. Сама так сама. Иди сюда, лучшая ученица.

Она подкралась, как дикий зверек, готовый в любую минуту сорваться, но Такухати не сделал в этот раз попытки схватить ее. Он все так же сидел, привалившись к стене, полуприкрыв веки.

Мия опустилась рядом на колени, протянула руки к завязкам хакама, ощущая себя пугливой ланью у водооя. Такухати напоминал ей сидящего в засаде хищника. Притворился, что дремлет, а сам выжидает...

Когда она распустила завязки, он ухмыльнулся:

— Видишь, я не вмешиваюсь.

Она снова зажмурилась от стыда и опустилась сверху к нему на бедра, ощущая рядом горячее мужское тело, литые мышцы, чувствуя прикосновение возбужденной плоти к своему самому чувствительному местечку. По телу прошла дрожь, на мгновение она почти пожалела, что он послушался ее и прекратил свои домогательства. Насколько проще, когда ничего не решаешь сама.

— Так и будешь сидеть? — раздался над ухом хриплый голос.

Мия ощутила его дыхание на своих губах и открыла глаза. Он был рядом. До невозможности близко, до невозможности настоящий. Глаза чуть потемнели от расширенных зрачков, губы почти касались ее губ.

Нужно было что-то делать. Или вскакивать, убежать. Или действительно...

Она уже делала это. Много раз. Он — такая же иллюзия, как безмолвные фантомы.

Нет.

Не такая же.

— Это все нереально. Как сон, — упрямо сказала Мия, приподнимаясь и опускаясь на напряженный стержень движением, показанным госпожой Оикавой.

И все было так же, как всегда во время иллюзорного секса с фантомом. Вверх-вниз, вверх-вниз. Просто физическое упражнение.

Власть генсо ограничена опытом того, для кого маг создает иллюзию. Мия была девственницей, не знавшей мужчин. Она лишь могла предполагать, на что это похоже.

Ее предположения были не слишком-то убедительны.

А вот Акио девственником не был. Мия следила за тем, как меняется его лицо, как сползает самоуверенная гримаса. На виске мужчины часто и нервно билась жилка. Он чуть откинулся, опираясь на стену, и пожирал взглядом девушку, наслаждаясь ее движениями и видом ее обнаженного тела. Дыхание Акио участилось, глаза стали пьяными, по лицу пробежала короткая судорога удовольствия. Он чуть двигал бедрами ей навстречу, словно хотел заставить двигаться быстрее, но поза девушки давала ей возможность контролировать скорость.

И Мия вдруг в полной мере осознала все, о чем говорила сегодня госпожа Оикава. Обмен энергией, возможность распоряжаться, вести, направлять. Она задвигалась энергичнее, наслаждаясь своей внезапной властью над этим сильным мужчиной, положила руки ему на плечи и сама поцеловала.

— Ми-и-ия, — простонал он, сжимая ее ягодицы.

Реальность вокруг дернулась, пошла трещинами, грозя осыпаться. И Мия довольно рассмеялась:

— Что, трудно держать иллюзию, господин Такухати? — спросила она насмешливо. И чуть

сжала мышцы внизу живота, как учила на своих уроках госпожа Итико.

— Ведьма-а-а, — прорычал он, еле сдерживаясь.

— Вы сами этого хотели, не так ли?

Она видела, как он борется, пытаясь удержать иллюзорное пространство, усмирить собственное тело. А ведь ему сейчас приходилось творить похожие иллюзии для еще семерых майко.

Акио выдохнул сквозь зубы и немного расслабился. Реальность покачнулась в последний раз, но устояла.

Вверх-вниз.

Мия замедлилась. Снова сжала мышцы внизу живота и усмехнулась, услышав ответный стон. О, с живым мужчиной это делать было куда интереснее, чем с безропотным фантомом. Особенно с таким мужчиной — жестоким, самоуверенным, опасным. Впервые за их недолгое общение она почувствовала себя уверенно в присутствии Акио Такухати, и ей это очень понравилось.

Она представила, как сейчас доведет его до извержения, и директору придется спешно бежать и менять испачканные хакама, и едва удержалась, чтобы не расхохотаться. Что-то подсказывало: насмешки над собой Акио Такухати не стерпит.

Вместо этого она снова поцеловала его, игриво прикусила нижнюю губу, осмелела настолько, что сама вторглась языком в его рот, дразнясь и лаская.

Мия и вправду была хорошей ученицей.

От внезапно обретенной власти закружилась голова. Как же сладко было сознавать, что сейчас она, Мия, главная и единственная для него, центр его мира. Что в ее силах подарить ему невообразимое наслаждение.

Это было все равно что дразнить хищника — страшно и безумно возбуждающе. Казалось, его тоже заворожила эта игра. Он мог прервать ее в любой момент, но не двигался, позволяя женщине властвовать над собой. Чуть заныли соски, сейчас ей уже хотелось его ласки и прикосновений, но она побоялась сказать об этом. Сейчас Мия, наверное, согласилась бы даже на большее. Она почти жалела о своей неопытности, невозможности ощутить все до конца.

Синие глаза темны, как море во время бури, в них можно утонуть. Горячее дыхание обжигает, а от иллюзорных рук, тискающих ягодицы, кажется, непременно должны остаться настоящие синяки. Хмельное ощущение собственной безнаказанности, и его стон «Ми-и-ия», от которого так сладко сжимается все внутри.

Невозможно не откликнуться, когда мужчина смотрит на тебя с такой страстью, когда вы оба обнажены, открыты друг другу, и не важно, что все это иллюзия...

Звон гонга разрушил морок, вышвырнул ее, возбужденную, задыхающуюся, с горящим лицом и шальными пьяными глазами, на татами. Мия поймала безумный взгляд Такухати и впервые испугалась — не перешла ли она границу? Стоило госпоже Оикаве объявить об окончании урока, она вскочила и покинула комнату в числе первых.

Мысль о том, чтобы остаться наедине с Такухати, пугала до икоты.

Он выругался сквозь зубы и снова попробовал сосредоточиться на письме.

Безуспешно.

Стоило прикрыть глаза, как перед мысленным взором вставало изящное, словно резная статуэтка нэцкэ, обнаженное тело. Упругая грудь, так удобно ложившаяся в его ладонь, дерзко торчащие соски. Мягкий живот с трогательной ямкой, стройные девичьи бедра на его бедрах. Волнительный контраст ее бледной и его смуглой кожи...

И память о том, какая она тугая, жаркая, влажная.

Иллюзия. Фантазия, разделенная на двоих, помноженная на воспоминание о теле маленькой майко, вкусе ее губ.

Дурак. Устраивать такие уроки — только растравливать свое вожделение. Никому еще не удавалось насытиться, мечтая об ужине.

Память о том, что случилось пару часов назад, сводила с ума. Акио Такухати всегда гордился тем, что он хозяин своего разума и тела. Железная самодисциплина, постоянные тренировки, неустанный самоконтроль. И где это все сейчас? Сидит, вперившись в пространство, как идиот. Как мальчишка, впервые дорвавшийся до женского тела.

Хуже, чем мальчишка. Когда Акио в четырнадцать лет впервые познал женщину, то наутро не вспомнил даже ее имени. Она была шлюхой. Очень дорогой, но шлюхой.

Совсем как дразняще-невинная, доступная, развратная, запретная Мия.

Ми-я — имя, как перезвон колокольчика на ветру.

Он снова выругался, чувствуя, как возвращается болезненное возбуждение. Не думать! Не вспоминать о ее теле. О том, как она сама целовала его. Неуверенно, осторожно и в то же время нахально. Как вздрагивала грудь, мелькали перед глазами бледно-розовые конусы сосков, как сладко она сжималась...

Он позволил ей действовать, раздираемый двумя противоположными желаниями. Швырнуть наглую девчонку на фuton и взять так, как нравилось ему. И не вмешиваться, отдав ей полностью контроль.

Там, в иллюзии, Акио почувствовал — стоит ему проявить свою власть, показать силу, и Мия замкнется. Начнет кричать, вырваться, будет кривиться и показывать, как он ей противен.

И можно было бы наплевать на ее желания, но как сладко было ощущать ее любопытство, робость, возбуждение. Нет, сам бы он не прервал эту игру. Слишком хороша была маленькая майко в своем дерзком порыве.

Развратная лгунья. Она делала это добровольно! И она хотела его.

Надо было распустить ей волосы в генсо... черные, шелковистые, такие длинные, что Мия могла бы ходить, завернувшись только в них вместо одежды.

Запустить в них руку, намотать на кулак, потянуть горячку вниз, поставить на колени. И пусть

покажет, чему ее научили наставницы.

Он представил, как раскрываются алые, чуть припухлые губы, принимая его, как, лаская, скользит язычок по возбужденной плоти, как она смотрит снизу вверх с покорностью и обожанием...

Ведьма! Лиса!

Такухати зарычал и отшвырнул кисточку для туши. По рисовой бумаге расплзлись некрасивые пятна.

Найти женщину... достаточно найти женщину, тогда это наваждение прекратится. Он попробовал представить другую. Вспомнить лицо гейши, с которой провел последний вечер в столице перед тем, как отправиться в «Медовый лотос», но перед глазами стояла только она.

Дурь какая-то. Одержимость.

Генерал рывком встал, схватил катану. Двухчасовая тренировка, холодные обливания и женщина. Этого хватит, чтобы прогнать морок.

Глава 7

ЛЕГЕНДА О СЕРДЦЕ МОРЯ

Джин и тануки играли в го.

Мия остановилась в дверях храма, не зная, что сказать. Сегодня самханцу было явно лучше. Похоже, он даже дополз до водяной купели во дворе и искупался. В еще влажных волосах блестели капельки, струи воды сползали, оставляли на гладкой коже влажные дорожки. Мужчина был только в набедренной повязке, выстиранное кимоно и хакама остались сушиться во дворе.

Дайхиро сердито спрятал ладони в рукава.

— Пас. Снова пас. Ну что за безобразие! Почему опять «пас»? — спросил он, потрясая лапками в негодовании. — Уверен, ты жульничаешь, хитрый самханский жук!

— Жульничаю в го? Разве это возможно?

— Вот и я думал, что нет. — Тануки оживился. — Давай меняться: я тебе новое кимоно, а ты расскажешь, как это делаешь!

Джин сверкнул белозубой улыбкой:

— А кимоно в соседней деревне сопрешь?

— Позаимствую, — поправил его тануки. — И не в соседней. Где живу — не гажу.

Самханец развел руками:

— Хорошая сделка, уважаемый Дайхиро. Но, увы, никакого секрета нет. Я просто хорошо играю. Могу научить...

— Дайхиро! — перебила его Мия. — Нам нужно поговорить.

Она поднималась в храм с тяжелым сердцем и всю дорогу так и эдак крутила в мыслях предстоящий разговор. Еще и воспоминание об уроке с Такухати вносило дополнительный сумбур. Мысли то и дело сбивались на случившееся в зале. Перед глазами вставало мужественное, искаженное страстью лицо, вспоминался вкус поцелуев и хмельное ощущение власти над опасным хищником. Тем более дразнящее, что он вручил эту власть Мие добровольно и мог отобрать в любой момент.

Она тряхнула головой. Боги, опять? Даже сейчас, в разговоре с самханцем.

Что Такухати сделал с ней?

Дайхиро мгновенно подобрался, реагируя на тон:

— Что-то случилось, Мия-сан?

Рука мужчины потянулась к ножу.

— У меня тот же вопрос.

— Случилось. Подойди, пожалуйста, Дайхиро. Нет-нет, Джин! Ты — сиди.

Только когда оборотень оказался рядом с ней у двери, Мия облегченно выдохнула. Она помнила, каким смертоносно быстрым умеет быть самханец. Но со сломанной ногой Джин не успеет до них добраться.

Тануки встревоженно заглянул ей в лицо:

— В чем дело?

— Он — шпион и убийца, — кивнув в сторону самханца, сказала Мия. — Его ищут войска наместника.

— Ого! — присвистнул тануки. — И что мы будем делать?

— Мия, послушай...

— Мы уйдем. И позовем стражу.

Она не смотрела на Джина. Лгун! Предатель!

Шпион.

— А я говорил, что надо его выбросить. Нечего подбирать всякую пакость. — Тануки с тоской покосился на оставленный у костра тесак, а потом укоризненно — на Мию. — Могла намекнуть. Я бы ножик прихватил.

Самханец поднялся, тяжело опираясь на бамбуковый посох.

— Все не так просто, Мия. Пожалуйста, выслушай меня!

Она попятилась.

— Пойдем, Дайхиро.

— Стой!

Он был быстрым. Даже со сломанной ногой слишком быстрым. Но Мия успела бы уйти, если бы не камень, некстати подвернувшийся под ногу маленькому монаху...

Жалобный крик тануки остановил ее уже у ворот. Она обернулась. И поняла, что никуда не уйдет.

Тануки лежал на ступенях храма, а самханец сидел на нем сверху, удерживая оборотня в болевом захвате.

— Беги, Мия-сан, — выкрикнул Дайхиро.

Мия беспомощно оглянулась по сторонам. У нее не было даже ножа. Ни ножа, ни палки — ничего. Да и поможет ли нож против воина?

Вот она, расплата за глупость. За неуместное желание помочь первому встречному.

— Беги! — Оборотень извернулся и впился зубами в держащую его руку. Мужчина поморщился, но не выпустил пленника.

— Выслушай меня, — повторил самханец. — Я не враг.

— Отпусти его.

— Отпущу, если выслушаешь.

Она кивнула и обреченно пошла навстречу лазутчику, не отводя взгляда.

Тануки, словно поняв бесполезность сопротивления, разжал зубы.

— Беги, дурочка!

Мия подошла и встала рядом. По предплечью Джина сбежали красные капли.

Ей не хотелось слушать вранье шпиона. В этот момент Мия почти ненавидела его. За ложь. За угрозу Дайхиро. За собственный глупый и стыдный сон. Будь у нее нож, она бы, наверное, ударила самханца.

— Отпусти. Я выслушаю тебя.

Он, поморщившись, слез с распростертого тела.

— Давай вернемся в храм, Мия, — его голос звучал мягко, — я расскажу, почему я здесь. Расскажу тебе все... все, что смогу. Если после этого ты решишь, что мое место в темнице наместника — пусть будет так.

Охая и ругаясь, рядом поднялся Дайхиро. Выразительно кивнул на ворота, но Мия покачала головой.

Не уйти.

Даже со сломанной ногой Джин был слишком сильным и быстрым.

Самханец посмотрел на нее в упор:

— Клянусь честью своего рода и своим посмертием, что говорю правду. Я не причиню вреда тебе или твоему другу. И я не сделал ничего плохого.

— Ты шпион!

— Я не желаю зла твоей стране. Скорее наоборот. То, что я сделал, спасет тысячи жизней.

— Ты убил пятерых самураев.

— Я защищался.

— Ты шпион, — чуть не плача, повторила Мия.

Дайхиро дернул ее за рукав:

— Слушай, Мия-сан, может, и правда, выслушаем его? Раз уж тратили время, лечили, выхаживали.

Когда он успел стать таким благожелательным к самханцу? Неужели всего из-за нескольких проигранных партий в го?

А впрочем, что ему? Дайхиро — ёкай, пусть и друг Мии. Оборотни вне политики и человеческих дрызг.

Что же делать? Как поступить?

— Я не прошу многого. Только выслушай. Давай вернемся в храм.

Она медленно поднялась по ступеням. Тануки шел за ней, самханец ковылял последним, тяжело опираясь на посох. Такой обманчиво беспомощный и смертельно опасный.

Они вошли внутрь, и Джин сел у костра. Мия осталась стоять.

— Рассказывай.

— Садись.

— Нет!

— Сядь, пожалуйста, Мия. Я поклялся.

— Я тебе не верю!

— Я могу как-то это изменить?

— Поклянись на крови, — предложил тануки.

Глаза самханца расширились, но он кивнул и потянулся к танто. Лезвие вспороло кожу на предплечье, рисуя иероглиф «гири», и мужчина повторил слова клятвы.

Надрез полыхнул алым, на мгновение в комнате сгустились тени, запахло грозой...

А потом все исчезло.

Джин кивнул на подстилку из пальмовых листьев:

— Садись, Мия. Выслушай меня.

Если бы не Дайхиро, послушно опустившийся рядом с самханцем, Мия не решилась бы послушаться.

— Я думала, ты проклят, — сказала она, усаживаясь на самый краешек подстилки.

— Клятвам это не помеха.

— Рассказывай. Кто ты, Джин Хо? И зачем ты пришел в мою страну?

Он вздохнул:

— Пожалуйста, не перебивай. Я начну издалека. Ты ведь знаешь, что власть сёгуна не всегда была абсолютной? Изначально в Оясиме властвовал божественный император, потомок повелителя драконов. Сила Уми но Ками позволяет призывать и укрощать водных драконов...

— При чем здесь это?

Самханец укоризненно покачал головой:

— Я же просил не перебивать. В последние сто лет власть династии Риндзин слабела. Черета слабых, развратных или просто неспособных к управлению правителей отдала власть сёгуну. Последний император Сатоши Риндзин пытался переломить эту ситуацию, за что и поплатился. Пятнадцать лет назад произошел заговор, который оборвал династию навсегда.

Мия сердито стукнула себя кулаком по коленке. Он что — издевается над ней? Зачем пересказывать то, что знают даже дети?

Впрочем, о гибели императорской семьи известно было немного. Ходили самые дикие слухи. Говорили даже, что заговорщики использовали демона, чтобы справиться с повелителем драконов.

Еще поговаривали, и именно на это сейчас намекали слова Джина, что главным организатором был сам сёгун. Но о таком шептались совсем уж тайно, с оглядкой. Верховный правитель Благословенных островов не отличался терпимостью к подобным слухам.

— Последний Риндзин был так слаб, что едва мог призвать одного или двух драконов. Но легенды говорят о том, что раньше члены императорской семьи могли управлять сотнями драконов. Все ручьи и реки Оясимы, в каждой живет водный дух, и все покорны воле императора. Так же, как сила семьи Аль Самхан взывает к огненной крови земли.

— И что? — спросила Мия. — К чему все это?

Он подпер голову рукой, побарабанил пальцами по щеке.

— Я хочу, чтобы ты молчала о том, что я сейчас скажу, Мия. Это не тайна. Но и не те вещи, в которых разбирается любой крестьянин. Нет-нет, не надо клятвы! Просто не рассказывай первому встречному. Не надо.

— Я не болтлива, — обиженно сказала Мия.

Против воли рассказ самханца увлек ее. Он был похож на древнюю легенду — из тех, что мать рассказывала Мие перед сном. Сказания о богах, героях и чудовищах.

Но какое отношение ко всему этому имеет шпион и убийца Джин Хо?

— В императорской семье Аль Самхан существует артефакт, позволяющий раскрыть подлинную силу крови. В определенном возрасте все дети императора проходят инициацию и получают власть над огнем и вулканами. В семье Риндзин тоже был похожий артефакт под названием Сердце моря, но более трехсот лет назад молодой император Котохи-то не смог укротить призванных драконов, и цунами снесло половину острова Рю-Госо, уничтожило столицу со всей семьей императора. Поток воды смыл Сердце моря, и сила оказалась утерянной для поколений правителей. Это положило начало пятидесяти годам войны.

Джин задумчиво пошевелил палкой угли в костре.

— Знаешь, — продолжал самханец, — я всегда ощущал симпатию к народу Оясимы. Мне виделось что-то общее между его историей и моей. Благословенные острова лишились магии, но сумели отстоять независимость за счет одной личной доблести. На материке Оясиму не только боятся, но и уважают.

— Я тоже истории сочинять люблю, — буркнул тануки. — Только попроще. Про распутную вдову и тануки, например. Кстати, я ее даже не сочинял почти. Так, приукрасил слегка...

— Я уже заканчиваю, — отозвался Джин. — Не так давно до Самхана дошли слухи, что рыбаки южной провинции выловили гигантскую рыбу. В ее желудке было обнаружено Сердце моря. Сам по себе артефакт бесполезен и даже опасен. Лишь носитель королевской крови сможет не только призвать, но и удержать водных драконов. Но прабабка нынешнего сёгуна была из семьи Риндзин. — Самханец вздохнул. — Ваш сёгун одержим властью и идеей завоевания. За время правления он четырежды снаряжал походы на материк. Он решил пройти посвящение...

Мороз пробежал по коже. Мия хорошо помнила легенды о гигантском цунами, за несколько часов уничтожившем все живое на богатом острове. Столицу потом так и не отстроили. Перенесли на север. А Рю-Госо до сих пор оставался пользующимся дурной славой захолустьем.

— Откуда ты можешь знать, что решил сёгун? — спросила она, пытаясь защититься от этого знания.

— У Самхана есть свои люди при дворе сёгуна. А я, в силу положения моей семьи, имею доступ к их докладам. Доли крови Риндзин в жилах сёгуна недостаточно, чтобы повелевать стихией. Повторится то, что случилось триста лет назад. И волны затронут наши восточные побережья. — Он посмотрел на нее в упор. — Я не хочу этого.

— Поэтому тебя направили сюда?

— Можно сказать и так.

— И что? Что ты сделал? Почему тебя ищут самураи наместника?

— Я уничтожил Сердце моря.

Она растерялась:

— Как?

— Я не помню.

...в храме пахло сандалом. Запах истекал из курильниц вместе с белесым дымом, вился по помещению. Гибкие струи дыма извивались в дрожащем свете свечей, как щупальца огромного спрута, гладили Джина по лицу. Он прошел сквозь переплетения света и тени навстречу мягкому пурпурному сиянию, истекавшему от камня в драгоценной оправе.

...и рыжий, в черных полосках, демон подошел вместе с ним...

Джин не собирался уничтожить реликвию. Он вообще не верил, что это возможно — уничтожить артефакт такой силы. Джин протянул руку, чтобы взять камень. Капли крови из рассеченной ладони упали на ограненную поверхность...

Вспышка. Руку кольнуло холодом.

Потом был только оранжево-черный вихрь, боль и пламя.

Джин открыл глаза после вечности, проведенной среди огня и тьмы, чтобы обнаружить себя на полу у разбитого оклада. Курильницы погасли, искрящийся всеми оттенками пурпура камень исчез.

Лишь тогда он понял, где ошибся. Но было поздно.

А потом был звук шагов, гулко разнесшийся по пустому пространству. И крик: «Хватай вора!»

Отрывистые голоса из-за стены прервали рассказ самханца. Джин вздрогнул.

— Солдаты... — На его лице появилась упрямая обреченность. Ладонь сжала рукоять танто. — Вам лучше уйти.

Мия вскочила.

— Что ты будешь делать?

— То, что должен. Уходите, я попробую их задержать.

Мия замерла. Вот и все. Сейчас можно сбежать. Пусть самханец сам разбирается с воинами наместника. Со сломанной ногой и одним лишь ножом ему не выстоять против десятка самураев. И тут не будет вины Мии. Ей не потребуются ничего решать. Джин знал, на что шел, когда проник в храм, чтобы уничтожить святыню ее народа.

Но это было неправильно. Нечестно. Несправедливо.

Он же говорил правду. Она сама видела, как самханец клялся на крови. То, что он сделал, спасло жизни десятков тысяч людей. И жизнь Мии. И Дайхиро...

Но что она может сделать, если вот-вот в храм ворвутся самураи?

Отвлечь их? Но как?

— Погоди воевать, калека, — фыркнул тануки.

Оборотень просеменил к бамбуковой стене за алтарем, нажал что-то, дернул вбок деревянную панель, открывая темный проем.

— А ну, полезай сюда, — скомандовал он. — И ты, Мия-сан.

Самханец не стал тратить время на споры. Дернул Мию за руку, увлекая за собой в узкую дыру.

Внутри было тесно. Невероятно тесно, пахло сырым камнем и плесенью.

Руки мужчины обхватили ее за талию, легли на спину. Скрипнула панель, отсекая их от остального храма, и Мия осталась в темноте, зажатая меж каменной стеной и горячим мужским телом.

— Ай, здравствуйте, господа самураи! — раздался из-за стены жизнерадостный голос тануки. — Давненько ко мне не заглядывали такие благородные воины. Люди совсем забыли храм и старого Дайхиро. Что за времена, что за нравы? Никому уже нет дела до духов гор, никто не приходит испросить удачи. Стоит ли удивляться, что народец живет так бедно и какой год неурожай? Духи, знаете ли, тоже любят внимание, а как иначе. Вот, помнится, в мое время...

— Кто ты такой? — Мия узнала голос низенького лейтенанта. Сейчас в нем не было подобострастия, как в разговоре с Такухати. Только подозрительность. — Нам сказали, что храм давно заброшен.

— Да! Да! — возопил тануки, и Мия улыбнулась, представив, как он в возмущении потрясает лапами, сетуя на вселенскую несправедливость. — Зброшен, господа самураи! В совершеннейшем запустении! Вы только посмотрите на это безобразие. Не крыша — сплошные дыры. А знаете, когда я в последний раз получал подношения? Почти месяц назад! Ну что за мерзкий, жадный народец пошел нынче в деревнях, ну как тут не разгневаться духам, вы мне скажите!

Горячее дыхание Джина обжигало шею. В узкой и тесной нише, где когда-то хранились курильницы и циновки, едва доставало места для одного. Мия обхватила мужчину за плечи, прижимаясь к нему. Только бы Дайхиро сумел отвлечь солдат! Только бы задурил им головы!

— ...мы ищем самханского шпиона, — доносились голоса из-за тонкой панели. — Ты не видел его, монах?

— Шпио-о-она? — Дайхиро очень убедительно испугался. — Ужас какой! Самый настоящий шпион? Здесь, в моем храме, господа самураи?

От Джина пахло лекарственной мазью, костром и еще почему-то морской солью. Прядь волос пощекотала шею Мии. Он сжал ее в объятиях чуть крепче, и Мия подумала, что ему, наверное, больно стоять. Она уткнулась носом в обнаженное плечо. От вынужденных объятий, от странной близости или просто от того, что он такой горячий и сильный, ей стало жарко. По коже пробежала возбужденная дрожь.

Тишина. Голоса за тонкой стенкой, хриплое дыхание над ухом, почти обнаженное тело, в

которое нужно вжиматься, легкое прикосновение губ к ее шее.

— ... Ай, не рассказывайте такие ужасы на ночь глядя! Неужели самханцы совсем потеряли стыд и взялись обкрадывать богов? О, какое возмутительное коварство!

Она не удержалась и нервно фыркнула. Еле слышный шепот — тсс! — коснулся уха вместе с опаляющим дыханием. От страха или чего-то иного, чему она сама не решилась бы дать названия, сладко и жутковато ныло внизу живота.

Почему? Почему это так невозможно приятно — стоять с ним в тесном объятии, когда лишь тонкий слой подгнившего дерева и болтовня оборотня защищают их от солдат наместника?

— Это сушилось во дворе, лейтенант.

— Ай, это просто моя старая одежда. Она нужна вам, господа самураи? Неужели воины сёгуна настолько обеднели, что станут отбирать у бедного отшельника его обноски?

Голоса удалялись и приближались. Тануки суетился. Прыгал по храму, возмущался, требовал немедленно найти и арестовать шпиона, а заодно призвать здешних крестьян к порядку, чтобы вспомнили страх и стыд и начали снова баловать горных духов подношениями «как раньше».

Он тараторил, балаболит, ныл, жаловался на тяжелый год, бескормицу, неурожай, боли в пояснице, неуважение молодежи, засуху летом и дожди осенью. Он не давал вставить солдатам и слова, на каждый простой отрывистый вопрос раздражаясь бесконечным потоком слов, вспоминал, как славно было в «его время», и клячил жертвоприношения.

Не раз наблюдавшая за тем, как ловко оборотень дурит головы поселянам, Мия утыкалась в плечо Джина, сдерживая нервное хихиканье.

Близость теснее объятий любовников. Сильные руки, стискивающие ее тело, гладкая горячая кожа под щекой, жаркий стыд и странная слабость в ногах...

Ей хотелось, чтобы это прекратилось. И чтобы никогда не заканчивалось.

— Я все понял, монах. — Судя по голосу, лейтенант был недалеко от убийства. — Если вдруг услышишь или увидишь что-то подозрительное, немедленно дай знать нам.

Оборотень не преминул воспользоваться оказией и немедленно пожаловался на подозрительную старуху, живущую в деревне на отшибе. Не иначе как ведьма. Не менее подозрителен в его глазах был деревенский кузнец. Также последние три года ночами высоко в горах что-то подозрительно выло. И особенно подозрительным был новый директор школы гейш — где это видано, чтобы мужчина и самурай заправлял в таком заведении?

Лейтенант совсем поскучнел, голоса отдалились так, что Мия едва разбирала половину слов. Солдаты покинули храм.

Еще почти десять томительных минут они стояли обнявшись и переводя дух. Ладони Джина осторожно и нежно погладили ее спину. Мия выдохнула и прижалась еще теснее, хотя сейчас в этом не было надобности. Но облегчение от миновавшей опасности словно зажгло в крови опасную эйфорию. Ей хотелось... чего-то странного. Чтобы он был смелее. Чтобы положил ладонь на поясницу или чуть ниже. Чтобы сделал что-то, обозначив свои намерения и желания.

Если они у него были.

Но он молчал. Только тяжелое дыхание над ухом и нежные, ласкающие прикосновения.

— Больно стоять? — спросила она еле слышным шепотом.

И тут же пожалела об этом, потому что его руки замерли.

— Нормально, — хриплый шепот над ухом. — Поставить провинившегося ученика в «цаплю» было любимым развлечением сэнсэя. Я долго могу простоять на одной ноге.

— А ты...

— Шесть лет в монастыре Шонг Сан. Не скажу, что так уж хорошо познал путь ноги-и-кулака, но кое-что умею.

Мия восхищенно выдохнула. О боевом мастерстве монахов горного монастыря Шонг Сан ходили легенды, в которые почти невозможно было поверить. Говорили, что прошедший послушание в нем мог выйти один против сотни и один против тысячи.

Затрещала, заскрипела и сдвинулась панель. Потянуло свежим воздухом.

— Уф, ушли наконец, — буркнул тануки. — Вылезайте.

Самханец стиснул Мию на прощанье, перед тем как разжать объятия и выбраться из тайника.

Свет от костра ослепил привыкшие к тьме глаза. Моргая и хватаясь за протянутую руку, она выбралась на волю, ощущая какое-то смутное сожаление от того, что все закончилось.

После тесного и затхлого закутка храм казался огромным. И холодным. Мия зябко поежилась.

Оборотень сунул самханцу еще влажную одежду:

— Забирай свои обноски, шпион. Чуть не попались.

— Ага. — Джин неспешно оделся. Казалось, ему вовсе не было дела до ночного промозглого воздуха, задувавшего в щели. Повернулся к Мие, ласково провел рукой по ее волосам.

— Что?

— У тебя паутина.

Она почувствовала, что краснеет под его спокойным теплым взглядом.

— Спасибо.

— Тебе спасибо.

— За что?

— За то, что поверила. И не выдала.

Тануки демонстративно откашлялся.

— Да-да! И тебе спасибо, уважаемый Дайхиро. Если бы не твоя хитрость, нам бы не удалось от

них так просто отделаться.

Оборотень приосанился.

— Я только одного понять не могу, — продолжал самханец. — Ладно дырявая крыша, разбитый алтарь. Но кострище посреди храма! Как его можно было не заметить?

Тануки победно распушил усы:

— Ну, знаешь ли, шпион... Я все-таки ёкай!

Глава 8

МАЛЕНЬКИЙ ХАНАМИ

Мия еле высидела на занятиях. За эти семь лет заброшенный храм успел стать для нее почти родным домом, но никогда раньше ее не тянуло туда с такой силой. В крови словно вскипали пузырьки, заполненные восторженным ожиданием чего-то хорошего, что вот-вот должно случиться. Она постоянно отвлекалась, за что получила несколько заслуженных замечаний от наставниц, но даже это совершенно не испортило ее замечательного настроения.

Она забежала в домик, только чтобы переодеться. Разулась у входа, как всегда, прошла к своей циновке, на ходу развязывая пояс оби. И, вскрикнув от внезапной боли, запрыгала на одной ноге.

В пятку будто укусил кто.

Мия поджала ногу и выдернула из ступни длинный и тонкий шип. На конце ранки набухла капля крови.

Откуда в доме шипы каламуса?

Она перевела взгляд на свою циновку и вздрогнула. Вся поверхность татами была утыкана такими же шипами. Не меньше двух десятков.

— Кумико, — негромко, но очень решительно начала Мия, — это нужно прекратить!

Дочь самурая вместе с подружками Ичиги и Оки сейчас сидела в углу за низеньким столиком. Услышав свое имя, она подняла голову, с готовностью отрываясь от упражнений по каллиграфии.

— Что прекратить?

— Это, — Мия кивнула на циновку. — И верни мои кандзаси.

Майко дружно засмеялись.

— Ну, так прекращай. Откуда мне знать, зачем ты утыкала свое татами шипами? Может, спать на них собираешься. И не брала я твои кандзаси. Убирай вещи на место, растеряха.

Это не прекратится само собой. Нужно сделать что-то, чтобы раз и навсегда дать понять дочери самурая: Мия не даст себя в обиду.

Она пересекла домик быстрыми шагами и швырнула вытащенный из ступни шип на стол.

Несколько кровавых пятнышек впитались в бумагу темно-красными кляксами.

— Ах ты... — Кумико вскочила.

— Отдай. Мои. Кандзаси, — четко повторила Мия.

Она очень давно дралась в последний раз. В детстве. За что и была наказана бамбуковой палкой и долгой нотацией госпожи Итико на тему, какое поведение пристало, а какое не пристало женщине и гейше.

После Мия никогда больше не пыталась решать конфликт силой. Но сейчас ее так трясло от ярости, что она готова была забыть уроки прошлого.

Глаза Кумико гневно сузились.

— Ты забываешься, худородная тварь, — прошипела она. — Напомнить, где твое место?

В прическе майко блеснуло серебро, и Мия даже опешила на мгновение.

Вот так — внаглую? Не просто украсть, но и воткнуть в волосы на виду у всех чужой призм?

Она протянула руку, чтобы выдернуть шпильку, но пальцы скользнули по серебряному наперстию в форме веера, промахнулись и ухватили волосы.

— Ах ты, гадина! — взвизгнула дочь самурая. И тоже вцепилась в волосы Мии.

Драка вышла безобразной, но недолгой. Уже минуту спустя Мия лежала на животе, придавленная чужим весом. Сверху на ней сидели Ичиги и Оки, удерживая руки и не давая подняться. А Кумико, присев рядом на корточках, тянула за волосы вверх.

Она дернула со всей силы, так что у Мии даже слезы выступили, и потребовала:

— Проси прощения.

Мия молчала. С разбитой губы на пол капали красные капли.

— Давай, проси прощения. Ты же первая начала.

Она слизнула кровь и в упор посмотрела на Кумико.

— Ты просто завистливая дура, — громко и очень отчетливо сказала Мия.

Обычно хорошенькое личико майко исказилось, еле заметные ранее багровые пятна проступили отчетливей на фарфоровой коже. Сейчас она была непривлекательна и даже страшна.

— А ты — ведьма, — прошипела Кумико. — Воруешь чужие волосы, да?

В первую минуту Мия не поняла, о чем она. Лишь когда босая ступня надавила ей на пальцы, она осознала, что сжимает в ладони длинные черные пряди. Как и когда она умудрилась выдернуть их у Кумико, вспомнить не получалось.

— Волосы ведьмы растут, когда она ворует чужие. Я слышала, если отрезать их ведьме, ее сила

уйдет. Вот и проверим.

С этими словами Кумико взяла ножницы.

Мия смотрела на нее снизу вверх и не верила. Одно дело — мелкие подлянки и гадости. Но если сейчас Кумико отрежет ей волосы, это не удастся скрыть. И молчать о том, кто виноват, Мия не будет.

— Кумико-сэмпай, не надо! — пискнула Ичиго.

Дочь самурая поднесла ножницы к затылку Мии.

— Не надо! — Тяжесть, давившая на руки, исчезла — это Оки вскочила с ее спины. Мия завозилась, пытаясь скинуть и Ичиго. Ударилась локтем об ножку столика и зашипела от боли. По спине разлилось что-то теплое.

— Ой, — громко сказала Ичиго. Кумико с ножницами отступила, а Мия поняла, что ее никто больше не удерживает. Она села и почувствовала, как по спине что-то потекло. Протянув руку, пощупала это «что-то». Слишком жидкое. Не кровь.

Пальцы были вымазаны в туши. Пустая баночка валялась под столиком — почти все содержимое вылилось Мие за шиворот, когда во время борьбы она задела столик. Тушь медленно стекала по спине, впитывалась в одежду, и Мия с тоской подумала, что вряд ли удастся отстирать нижнюю рубаху. Да и кимоно, скорее всего, испорчено.

— Убирайся! — взвизгнула Кумико. Красные пятна на коже дочери самурая не спешили гаснуть. — Еще раз увижу здесь тебя, ведьма, и можешь распрощаться с волосами.

Мия рада была послушаться.

Самханец сидел у костра в новом кимоно — не иначе как оборотень выполнил давешнее обещание. Самого Дайхиро нигде не было видно, а перед Джином лежала охалка сухого тростника. Мелькали сильные пальцы, переплетая волокна.

Мия даже остановилась от удивления. В рассказах самханца не раз между делом проскальзывало, что он родом из знатной семьи, да и колдовские глаза не давали возможности усомниться — маги такой силы рождались только в наиболее древних и родовитых кланах.

И вот самурай, равный по знатности даймё, плетет циновку, как простой крестьянин? Диво дивное! Расскажешь кому — лгуньей назовут.

Джин доплел ряд до конца и поднял голову, приветствуя ее улыбкой. И нахмурился, стоило ему увидеть лицо Мии.

— Кто тебя ударил? — сквозь зубы спросил самханец.

— Сиди, — попросила Мия. Но он поднялся, опираясь на посох, доковылял до нее, коснулся разбитой губы.

— Кто? — повторил он таким тоном, что Мие стало страшно за Кумико.

Она рассказала, и самханец помрачнел:

— С женщинами не воюю.

— И не надо. — Неужели он и вправду собирался идти и мстить кому-то за разбитую губу Мии? Смешно! Его же везде ищут.

— Могу научить давать сдачи. Но лучшая война — та, которая не началась. Помиришься с ней. Вам еще жить рядом.

Мия фыркнула. Помиришься с Кумико? Видел бы он ее!

Но спорить не стала. Вместо этого спросила:

— А это долго? Учиться?

— Смотря чему. Чтобы стать из послушника монахом Шонг Сана, нужно десять лет ежедневных тренировок. Но это только начало пути.

Она улыбнулась:

— У нас нет столько времени.

— Жаль. — Джин притворно вздохнул. — Придется обучить тебя нескольким простым приемам. Против воина не поможет, но с девчонками справишься. Думаю, недели хватит.

— Так быстро? — недоверчиво спросила Мия.

— Тут нет ничего сложного. Вот смотри. Например, тебя схватили и зафиксировали руки. — Он обнял ее и свел запястья за спиной, заставляя чуть выгнуться ему навстречу.

Мия задергалась и поняла, что не в силах избавиться от захвата, хоть самханец и не стискивал пальцев, чтобы не оставить синяков на нежной коже.

Джин улыбнулся, склонился над ее запрокинутым лицом и голосом искусителя предложил:

— Не надо вырываться. Лучше дай мне пинка.

— Не хочу. Ты же упадешь.

Он засмеялся, как будто она сказала что-то очень смешное.

— Хорошо. Тогда откинь голову назад, а потом ударь. Цель в лицо, бей лбом или верхней частью черепа.

Он высвободил одну руку, продолжая удерживать второй рукой тонкие запястья Мии, и нежно провел пальцем, очерчивая ее лоб.

— Но это больно...

— Противнику будет гораздо больнее. Если повезет, сломаешь ему нос.

Мия помотала головой:

— Не надо! Я не хочу делать те... кому-то больно.

— Ну, как хочешь. — Он со вздохом выпустил ее.

Она стояла все так же, запрокинув голову, смотрела на него снизу вверх. Джин улыбался одними глазами. Глаза у него изумрудно-зеленые, и в них пляшут золотые искорки, как солнце в летней листве. От того, как мужчина смотрел на Мию, сердце то замирало, то начинало колотиться с утроенной силой.

Ей вдруг стало стыдно, что она разглядывает его так откровенно. Она отвернулась и попросила:

— Посмотри, я сильно испачкалась?

Пальцы мягко прошли по коже. Стало щекотно и безумно приятно. Еле ощутимый ветерок погладил шею.

— Так не видно, — хрипло сказал Джин. — Нужно снимать кимоно.

Мия бросила на него испуганный взгляд через плечо. Но самханец не собирался распускать руки. Кажется, он имел в виду только то, что сказал.

— Тушь с кожи смывается мылом и горячей водой. Если поскрести как следует. Отстирать одежду труднее, но можно попробовать. Мыло у меня есть, Дайхиро принес еще вчера. А вот для горячей воды придется собрать побольше дров.

— Не надо.

— Так и будешь ходить с черной спиной?

— Не надо дров. Тут выше в горах есть горячие источники.

Он присвистнул:

— И ты молчала? Пойдем туда сейчас же!

— У тебя же нога сломана.

— Да хоть обе! Ради горячей воды я и не на такой подвиг готов.

Она не собиралась идти на источник с самханцем, но как-то само собой получилось, что они вышли вместе. Джин опирался на самодельный костыль и довольно резво скакал меж камней, еще и умудряясь при этом развлекать ее легкомысленной болтовней. Если бы Мия сама не помогала бинтовать его ногу всего несколько дней назад, она бы заподозрила в нем симулянта.

— Почему ты сам стираешь свою одежду? — задала она терзавший ее вопрос.

— А что мне — грязным ходить? Что-то не вижу здесь толпы слуг.

— И тебя это не унижает?

Самханец искренне рассмеялся:

— Не вижу ничего унижительного в том, что способен сам о себе позаботиться.

Мия невесть отчего покраснела. Ей, как и всем майко, было запрещено заниматься любой черной работой. Ручки гейши должны быть белыми и нежными, как у ребенка.

— Откуда ты все это умеешь?

— Что — все?

— Плести татами. И... просто все.

Мужчина пожал плечами:

— В монастырях прислуги нет. И там совсем по-другому относятся к понятиям чести и бесчестия. Пожалуй, более правильно. Хотя я еще до Шонг Сана совершенно не умел правильно надувать щеки, как положено именитому отпрыску. Мачеха вечно по этому поводу жаловалась на меня отцу.

— А как ты попал в монастырь?

— О, это было не слишком-то просто. Даже с влиянием моей семьи. Пришлось неделю мокнуть под дождем у ворот вместе с другими кандидатами, а послушники выглядывали из-за ворот, швырялись объедками и оскорблениями. — Он мечтательно улыбнулся, словно воспоминание об этом доставляло ему искреннее удовольствие. — Чтобы тебя приняли в ученики, ты должен доказать, что это не случайная блажь. Что действительно хочешь этого. Я был совсем котенок — десять лет. Но уже упрямый, как сотня демонов. И знал, что второго шанса не будет. И так, если бы не мачеха, отец никогда бы не согласился отпустить меня.

— Ты сам хотел туда? — Мия растерялась.

— Конечно. В Шонг Сане нет места тем, кто не знает, чего хочет.

— Но зачем?

— Я проклят, Мия, — спокойно напомнил Джин. — Я знал, что никогда не смогу сравниться с братьями, даже если буду изучать фехтование и военное дело, как одержимый. Отбери у воина катану, он не многое сможет. Мои братья, пока на них нет блокаторов — сами по себе оружие. Я тоже хотел стать таким...

— И получилось?

— Отчасти.

— А почему ты там не остался?

— Люди меняются. В монастыре я понял сразу несколько вещей. Во-первых, что кэмпо — это путь длиной в жизнь, какой бы долгой она ни была. Шонг Сан — это не просто обучение боевым искусствам. Это — духовная практика. Путь к просветлению... один из путей. Понимаешь?

— Нет, — честно призналась Мия. — Ой. Уже пришли...

Они вышли к укрытой среди скал и деревьев ровной площадке. Над каменной чашей с соленой водой стоял пар, вода в природном бассейне слегка бурлила — на дне бил горячий ключ.

— Красиво! — восхитился Джин. — Что это?

В сумерках вода слегка светилась голубым. Сияние исходило от мелких голубых цветков,

плававших по поверхности. В глубине ярко-синими искорками зрели еще не всплывшие, чтобы распуститься, бутоны.

— Искроцветы. У вас они не растут?

Он покачал головой.

Здесь, в защищенной от пронизывающих зимних ветров расщелине, уже была весна. Ноги утопали в молодых травах, воздух упоительно пах цветами. С дерева сорвался бледно-розовый лепесток и, кружась в воздухе, медленно опустился на воду.

— Сакура! Это же сакура, Мия?

— Да, — прошептала она.

Он улыбнулся:

— Маленький ханами.

Мия не в первый раз была здесь, но сейчас красота спрятанного в горах источника показалась ей новой, незнакомой. Сумерки все меняли, воровали контуры и краски. Только бледно-голубое сияние воды, нежный запах сакуры и теплый ветерок от источника.

Они прошли и встали у воды. Усыпанная бледно-розовыми цветами ветка опустилась на плечо Мии, она взяла ее в руку и осторожно приложилась губами к закрывшемуся на ночь бутону.

— Я никогда не была здесь во время цветения. Летом все не так.

— А как?

— Искроцвет гаснет, но над водой летают светлячки.

Они еще помолчали, наблюдая, как искроцветы медленно выписывают круги по бурлящей воде, а навстречу им с веток слетают лепестки. А потом Джин тяжело вздохнул.

— У нас дело, — неохотно напомнил он. — Тебе нужно будет вернуться в школу не позже чем через полтора часа.

Мия кивнула, потянулась к поясу, а потом вдруг покосилась на Джина и вспыхнула.

— Отвернись! — потребовала она.

— Ой, да ладно, — хмыкнул самханец. — Чего я не видел?

Но отвернулся.

Она торопливо сняла кимоно. В тусклом свете искроцветов невозможно было различить, запачкалось ли оно, но огромное черное пятно на нижней рубашке наводило на мысль, что стирки не избежать. Мия расстроено вздохнула и скользнула в воду.

Теплая, чуть солоноватая вода приняла ее в объятия. Пузырьки нежно пощекотали кожу и рассыпались в воде сотней сияющих искорок. Искроцвет засиял ярче. Вода вокруг тела Мии словно вспыхнула голубым пламенем. Сияние разгоралось и снова гасло, отзываясь на мельчайшее движение. Когда Мия провела рукой по водной глади, за каждым из ее пальцев

остался медленно затухающий след.

— Как красиво! — Она вскинула голову. — Смотри, Джин, я могу рисовать на воде!

И тут же отвела взгляд, потому что самханец уже разделся и явно собирался к ней присоединиться.

Вода взбурлила и вспыхнула, когда мужчина погрузился в нее с головой. Он вынырнул, шумно отфыркиваясь. Мия шарахнулась и прижалась к краю купели.

— Зачем... мы так не договаривались.

Он усмехнулся:

— Сама ты не отмоешься. Иди сюда. Не бойся меня, Мия. Я клялся не причинять тебе зла, помнишь?

Мия кивнула и нерешительно шагнула ему навстречу. Казалось, пузырьки из горячего источника неведомым образом переместились под кожу и теперь щекотали ее изнутри. И еще тревожно и сладко крутило в животе.

Мокрые пряди падали Джину на лоб. С них срывались опалесцирующие капли и скатывались по шее, по сильным плечам, как маленькие жемчужины. Мия заглянула в его удивительные колдовские глаза и замерла. Он тоже замер. Стоял рядом и смотрел на нее с непонятной улыбкой. Капля воды оставила влажную дорожку на его щеке, как от слезы, и Мие вдруг захотелось стереть ее.

Ласковые объятия воды, одуряющий запах цветов, весеннее тепло в воздухе и серебристо-голубое сияние искроцвета... Все вокруг наполнилось древней особой магией, для которой не существовало сословных различий или придуманных людьми преград между мужчиной и женщиной.

Тяжелые руки Джина легли на плечи, заставляя развернуться. Его ладони по жесткости могли поспорить с древесной доской, и Мия некстати вспомнила истории о том, что монахи Шонг Сана умеют пробивать такие доски голой рукой. Она чувствовала тепло его тела рядом. Если бы Джин сейчас догадался сам обнять ее! Вот так — сзади. Но просить о подобном было стыдно.

— Стой спокойно, — шепнул он ей, почти касаясь губами затылка. — Я тебя просто помою.

От его бережных и нежных прикосновений пузырьки внутри ее тела ускорили свой бег. Ладони гладили спину Мии, скользили по влажной, слегка светящейся в темноте коже, ласкали выступающие позвонки и чуть торчащие лопатки. Мия вздрагивала от этих прикосновений и еле сдерживалась, чтобы не выгнуться и не замурлыкать. Небо зажгло над головой крупные звезды, выглянула и вновь спряталась толстая луна. Единственными звуками, разносившимися над источником, были плеск воды и дыхание Джина.

Жесткие пальцы медленно огладили плечо, едва касаясь бархатистой кожи, прочертили линию вдоль вены до впадинки на локтевом сгибе. Мия едва не застонала от этой дразнящей ласки.

Пальцы наткнулись на браслет и замерли.

— Что это? — хмуро спросил Джин. — Не просто украшение, ведь так? Я чувствую магию.

— Обереги целомудрия. И маяки. — Она поразилась тому, как низко, с непривычной хрипотцой, прозвучал ее голос. Спина там, где самханец касался ее раньше, горела. Сладко пульсировало внизу живота, чуть ныли соски. Ее тело желало объятий, прикосновений, поцелуев, и это пугало. Но стократ больше пугала мысль, что Джин может догадаться об этих желаниях.

Мия плеснула себе в лицо, сожалея, что не может охладить воду в источнике. Сейчас бы в ледяную купель. Такую, как во дворе храма. Да с головой.

— Расскажи про них! — Пальцы мужчины чуть сжались на браслете.

Она рассказала, стараясь не поворачиваться к нему лицом. О том, как мать умерла, когда Мие было восемь, а староста деревни, чтобы не кормить лишний рот, продал ее в школу гейш. Все равно мать была приبلудной, родом не из деревни. И о браслетах, которые призваны сохранить невинность майко до совершеннолетия, когда на аукционе девушку купит богатый самурай. Деньги, уплаченные за нее, пойдут гильдии для возмещения расходов на воспитание. Позже, когда Мия станет гейшей, она будет отдавать одну пятую дохода гильдии, взамен получив покровительство и обещание сытой старости.

Рассказ прогнал скопившееся в воздухе напряжение, уничтожил таинственную магию места. К его концу Мия успокоилась, ее голос снова звучал мелодично и нежно, и тянущая боль в животе совсем улеглась.

— ...а маяк позволяет найти меня, где бы я ни была, — закончила она. — Я же собственность гильдии.

— И, конечно, его не снимешь так просто?

Она поразилась, каким злым был голос самханца.

— Не снимешь. Нужен маг...

Он тихо выругался и отрывисто скомандовал:

— Одевайся. Осталось не так много времени. Нужно вернуть тебя в школу.

Спускались они медленно. Ночные горы были опасны и здоровому, а факел в руках Мии почти не освещал путь.

Всю дорогу самханец был неразговорчив, отвечал коротко и зло, а больше молчал.

— Я провожу тебя, — заявил он непререкаемым тоном, когда они подошли к развилке.

— Тебе нельзя, тебя ищут...

— Не спорь со мной, Мия.

Последняя часть пути прошла в тягостном молчании. На подходе к школе Джин потушил факел. Перелезая через ограду, она спиной ощущала его полный гнева взгляд.

От этого было больно. Мия не понимала, на что он злится — все же было так хорошо.

Она всхлипнула, сердито смахнула слезы и пошла в домик. Торопливо разделась в темноте и

долго еще ворочалась на футоне, не в силах заснуть.

Глава 9

ШПИЛЬКИ

Сквозь сон Мия слышала утренний гонг, слышала, как собираются, переговариваясь, девочки, но не стала подниматься.

Она не хотела есть. И пуще того не хотела видеть лица других майко.

«Десять минут. Пусть уйдут — тогда встану», — подумала она, снова ныряя в объятия сна.

И проснулась от резкой боли, когда кто-то дернул ее за волосы.

Мия раскрыла глаза, заморгала и вскрикнула от ужаса. В первое мгновение она даже не поняла, что нависшее над ней искаженное и страшное лицо принадлежит Кумико.

Щелкнули ножницы над ухом.

— Ведьма! — прошипела дочь самурая. — Сними свое проклятие, или я отрежу твои волосы.

— Ты совсем с ума сошла?! — Мия схватила ее за руку, безуспешно пытаясь разжать цепкие пальцы. — Кумико, что у тебя с лицом?

Кожу ученицы покрывали красные пятна. Если вчера они походили на сыпь от мандаринов, то сегодня скорее уж наводили на мысль о болезни — вздутые, багровые.

— Сними проклятие, ведьма, — прорыдала Кумико.

Снова в опасной близости от уха щелкнули ножницы. Мия вскинула руку, защищаясь то ли от атаки, то ли от жуткого вида майко, и нечаянно задела костяшками пальцев по лицу.

— Ах, дерешься! Вот тебе!

Зажатые в кулаке Кумико ножницы сыграли роль кастета. Щека взорвалась болью и сразу онемела. Мия взвизгнула, бестолково отмахиваясь от атаки. Противница набросила ей на лицо одеяло, ослепив, и резко дернула за волосы вверх. Мия кричала, вырывалась и била вслепую кулаками. Жутковато клацали ножницы, голове становилось легко и почти не больно...

— Ведьма! Я тебе покажу, как насылать проклятия...

— Пусти!

— ...специально патлы отрастила...

Мия прекратила вырываться. Чуть откинула голову назад и резко рванулась вперед, на звук всхлипов.

Это было больно! Все равно как приложиться с размаху головой о стенку. Но жалобный крик, переходящий в рыдания, подсказал, что удар достиг цели.

Тяжелое тело перестало давить сверху, стукнула дверь, отъезжая вбок. Мия села и наконец скинула одеяло.

Она была одна в комнате. Пол покрывали кровавые пятна — неужели она, Мия, расквасила Кумико нос, как советовал Джин?

В раскрытом дверном проеме виднелся двор и кусочек неба.

Что-то скользнуло по ее плечу. Мия машинально вскинула руку, ловя это «что-то», и вздрогнула.

В ее руках лежали свитые в толстый жгут пряди волос.

Очень хорошо знакомых волос.

Она вскочила, ощупывая ставшую такой непривычно легкой голову, и пряди потекли на пол вокруг нее черными блестящими змеями.

— Нет! — выкрикнула Мия. — Нет, нет!

Еще не в силах поверить до конца, она подошла к зеркалу, посмотрела в него и расплакалась.

«Волосы — это просто волосы, — твердила себе Мия. — Отрастут».

Но стоило вспомнить о своей утрате, как ей снова неудержимо хотелось плакать. Без привычной тяжести голова казалась пугающе невесомой. Зеркало отражало страшилище с криво обрезанными, торчащими в разные стороны вихрами. Да еще едва поджившая губа и под глазом наливаются синяк — ну чисто мальчишка-сорванец.

Давя всхлипы, Мия скатала футон. Собрала обрезанные пряди. Может, получится сделать из них парик? Не ходить же ей в таком смешном и жалком виде.

Она оделась и вышла, плохо представляя, к кому обратиться со своей бедой. И почти сразу же наткнулась на госпожу Оикаву.

— Ми-я? — Рот у наставницы округлился, а лицо вытянулось. — О боги! Что с тобой случилось, девочка?!

Диковатый вид Мии привлек и других наставниц, а вслед за ними учениц. Мия переминалась с ноги на ногу под их любопытными взглядами и старалась рассказать все поскорее. Она уже не хотела, чтобы наказали Кумико. Лишь бы все это прекратилось и ее оставили в покое!

— Что здесь происходит? — Резкий мужской голос заставил ее вздрогнуть. Она вскинула голову и увидела, как лицо директора каменеет в маске ярости.

— Кто это сделал? — Голос Такухати звучал очень спокойно, но стоявшие рядом ученицы вздрогнули и попятились. Мие и самой захотелось забиться куда-нибудь в темный угол, лишь бы не видеть, как колкий синий лед в его глазах наливается опасным магическим сиянием.

Госпожа Оикава побледнела. Кумико была ее любимицей.

— Я не знаю, что на нее нашло, господин Такухати. Кумико — хорошая девочка. Послушная, вежливая. И за ней никогда раньше не замечали подобного...

— Конечно, — тяжело сказал директор. — Найти мне эту хорошую и послушную. Быстро!

Он подошел и встал рядом с Мией. Потянул за подбородок вверх, заставляя смотреть ему в глаза. Кончиками пальцев огладил щеку, и Мия почувствовала, как пульсирующая боль под глазом затухает. Пальцы Такухати переместились на ее нижнюю губу. Прикосновения были аккуратными, но не нежными, скорее деловыми. Так мог бы действовать медик, перевязывая рану.

В первый миг его злость испугала Мию, но сейчас страх отступил. Она почувствовала, что эта ярость предназначалась не ей.

— Вот к чему приводит молчание, лучшая ученица, — прошептал он, почти не разжимая губ. И тут же, повысив голос, обернулся к наставницам: — Ну? Где она?!

— Она заперлась в купальне, — тихо сказала одна из младших девочек.

Такухати нехорошо улыбнулся:

— Заперлась? Сейчас достанем.

Он быстрыми шагами пересек двор. Несмотря на трепет, который внушал директор в своем нынешнем состоянии, за ним потянулась толпа учениц и наставниц.

Мию слегка мутило от волнения и излишнего внимания окружающих. Младшие ученицы пялились на нее так, словно у Мии выросли рога или что похуже. Смотрели и перешептывались. Но сбежать сейчас было бы трусостью.

Процессия остановилась у дверей в помещение купальни.

— Кумико, выходи! — крикнула госпожа Оикава.

Ответа не последовало. Выстроившиеся полукругом женщины переглянулись.

— Ну же, девочка! Ты знаешь, почему мы все здесь!

Снова ни звука.

Такухати скривился и выплюнул короткое:

— Открой дверь!

«Или очень пожалеешь», — слышалось в его голосе.

Стук поднятого засова показался непривычно громким. Дверь отъехала в сторону. В проеме показалась Кумико.

От ее вида Мию продрал мороз по коже. Она была похожа на привидение-юрэй, неуспокоенный дух, одержимый жаждой мести. Бледно-желтое кимоно без пояса висело на майко бесформенной тряпкой. Бурые пятна крови на рукавах только добавляли жути. Распущенные черные волосы полностью прикрывали лицо. С каким-то потусторонним ужасом Мия заметила на затылке Кумико несколько глубоких залысин.

— Подойди, — приказал Такухати. Кумико всхлипнула, но послушалась.

Медленными шажками она приблизилась к директору и встала рядом с ним.

— Покажи лицо.

Она отчаянно замотала головой и снова всхлипнула.

— Откинь. Волосы. Быстро! — Рычащему приказу в голосе директора невозможно было противостоять. Кумико подняла руки, чтобы откинуть волосы.

Единый вздох ужаса и отвращения пронесся над толпой во дворе. Уродливые красные пятна, похожие на струпья, покрывавшие еще недавно миловидное лицо девушки, складывались в иероглиф «вор».

Кумико залилась слезами и бессильно уронила руки. Из разжатой ладони выпали серебряные шпильки кандзаси.

— Можно?

— Входи, лучшая ученица.

Он стоял у раскрытого окна и ловил ладонью дождевые капли. Где-то в небесах сердито рычал и ворочался небесный дракон. В комнате пахло свежестью. Ветер ворвался в оконный проем, взметнул под потолок и разнес по комнате листы рисовой бумаги. Тревожно зазвенели подвешенные у окна колокольчики.

— Дверь закрой. Сквозит.

Мия спешно задвинула створку и бросилась собирать разлетевшиеся бумаги.

— Оставь, — скомандовал Такухати. — Иди сюда.

Она подошла и встала рядом с ним. Гроза была уже на исходе, с неба не лило, а лишь изредка капало. Крупные серые капли падали совсем близко, и Мия подавила неуместное желание высунуться и подставить лицо дождю.

— Зима, — со странным смешком сказал генерал. — Это у вас называют зимой. Скажи, лучшая ученица, ты хоть раз видела снег?

Мия кивнула. Она видела снег. В горах, например.

— У нас, на Эссо, зимой каждый день снег. Заваливает двери, и крестьянам приходится выбираться через крышу, чтобы покинуть дом. Снег тает, потом опять замерзает и превращается в лед. Синий лед.

— Почему синий? — шепотом спросила Мия. — Лед же обычно белый.

Странное настроение Такухати и неуместная откровенность испугали ее.

Он не ответил. Стоял и смотрел в окно. Туда, где покатые спины гор терялись в тяжелых тучах. Глаза самурая светились огнем. Синим, как лед, о котором он только что вспоминал.

— Собери бумаги, — скомандовал он так резко, словно устыдился своей внезапной откровенности.

Мия бросилась выполнять приказ с тайным облегчением. Среди чистых листов бумаги ей попало несколько исписанных. Глаза выхватили случайную фразу: «Даймё совсем плох. Боюсь, что он не доживет до ханами».

— Клади их на стол. — Такухати резко задвинул окно, отгораживаясь от сырости и непогоды, и зажег фонарь. Пламя подсветило стены желтыми бликами. Сразу стало уютно.

— Покажи лицо. — Он подвел Мию поближе к фонарю.

— Со мной все хорошо, — попыталась возразить Мия.

— Это мне решать. — Такухати осмотрел ее щеку на свету и неохотно кивнул. — Да, хорошо.

— Я... Можно спросить?

— Попробуй.

— Кумико... что с ней будет? — выпалила Мия.

Такухати скривился:

— Я как раз составлял письмо главе гильдии. В нынешнем виде она — обуза. И порченный товар.

— Это же ваше заклятие.

— Мое, — не стал отрицать директор. — Маленький подарок за танец. Я всегда отмечаю так свои вещи. Слышала поговорку: «Не воруй у самурая»?

— Значит, вы можете снять его.

— Могу. Но не стану.

— Почему?

— Она — воровка. Мне нравится, когда сразу видно, с кем имеешь дело.

— Это жестоко.

Он удивленно приподнял бровь и взглянул на нее так, словно видел первый раз в жизни. А потом дернул за выбившуюся из-под парика прядку.

— А это не жестоко, лучшая ученица? И я еще помню шутку с кимоно. Подлость и глупость наказуемы. А ты — слишком жалостливая девочка.

Мия вздохнула, услышав в его голосе насмешку.

«Сама виновата», — сказали о Кумико наставницы. «Сама виновата», — эхом согласились бывшие подружки дочери самурая.

В один день прежняя душа компании стала отверженной. На нее старались даже не смотреть лишний раз, словно от взгляда можно было заразиться. И дело было не в наполовину облысевшем черепе или жутких пятнах по лицу. Казалось, клеймо «вор» теперь красовалось на самой судьбе майко.

Кумико третий день лежала на футоне в углу домика, отвернув к стенке ставшее безобразным лицо, и молчала. Она не вставала и не появлялась в столовой, лишь иногда Мия против воли замечала, как содрогаются ее плечи в безмолвных рыданиях.

Остальные девочки делали вид, что ничего особенного не происходит. Что никакой Кумико в домике нет, а может, и не было никогда. Все они были подчеркнуто вежливы и ласковы с Мией. И надо бы радоваться, но...

Но Мия помнила, каково это — быть отверженным. У нее хотя бы был Дайхиро. И цель — стать лучшей из лучших. У Кумико не было ничего. Ни друзей, ни красоты, ни будущего.

Мия не собиралась жалеть Кумико. Окружающие просто не оставили ей выбора.

— Она — собственность гильдии. — Мия попробовала возвать к уже проверенному аргументу, но Такухати только усмехнулся.

— Гейша-воровка — пятно на репутации гильдии. А она к тому же еще и дура. Тебе достаточно было подойти ко мне или наставнице, и все бы вскрылось. Никогда не оставляй таких людей за спиной, Мия. Способный на подлость способен и предать.

Мие показалось, что последние слова он произнес, обращаясь больше к себе, чем к ней.

— Пожалуйста... каждый заслуживает второй шанс.

— Нет. И это не обсуждается. Я выкину ее за порог, как только получу подтверждение от гильдии. — Директор окинул ее оценивающим взглядом. — Сними парик.

— Зачем?

— Ах, Мия, Мия. Когда ты научишься выполнять приказы? Сними парик, я сказал.

Она закусила губу и послушалась. Даже думать не хотелось, какой жалкий у нее сейчас вид. Вкривь и вкось обрезанные пряди, да еще и смятые под париком.

Жесткая пятерня погрузилась в ее волосы. Мия ойкнула, трепыхнулась.

— Стой спокойно! — прикрикнул мужчина.

Пальцы надавили на виски, поднялись к затылку, спустились к шее. Такухати сощурил глаза, словно что-то прикидывая.

— Можно попробовать, — объявил он. — Но лучше сидя.

— Сидя?

Он опустил на татами и потянул ее за собой. Мия попыталась вырваться, потеряла равновесие и плюхнулась прямо к нему на колени.

— Что вы делаете? Ай!

— То, что нужно. Помолчи. Не отвлекай меня.

Его ставшие внезапно обжигающе горячими пальцы скользили по ее голове. Надавливали, массировали, ерошили короткие волоски на макушке. Это было не столько неприятно, сколько

странно. От движений волосы встали дыбом, начали потрескивать и искриться. Мия снова ойкнула и заерзала у него на коленях.

— Я же велел не дергаться, — с раздражением сказал директор.

Она послушно съежилась, догадываясь, что и зачем он делает. Казалось, под кожу забралось множество мелких насекомых и сейчас они там шевелятся и копошатся.

Некоторые маги умели исцелять не только себя, но и других. Но это было тяжело и доступно только отпрыскам самых древних фамилий. Исцеляя, самурай отдает свои силы, часть себя. А знатные господа редко и неохотно делятся с простолюдинами. И ладно еще мелочь — синяк или разбитая губа. Но волосы...

Все равно ведь отрастут.

Последние слова Мия сказала вслух. Такухати чуть обнял ее, прижимая к себе, и ухмыльнулся над ухом.

— Мне нравятся твои волосы, лучшая ученица.

Она чуть не вскрикнула, ощущая, как зашевелились, защекотали шею и поползли вниз стремительно растущие пряди. На голове словно сжимался и пульсировал горячий обруч. В комнате неприятно пахло паленым.

— На сегодня достаточно, — скомандовал Такухати. — Продолжим завтра, когда наберешься сил.

Собрал ладонью рассыпавшиеся пряди. Совсем короткие, чуть ниже плеч. Мие показалось, что его губы как будто невзначай коснулись мочки ее уха. Она обернулась, поймала взгляд директора и вдруг, вспомнив все, что было между ними в генсо, покраснела.

На лице мужчины появилась блудливая усмешка:

— Да, я тоже помню наш урок, лучшая ученица.

Он сжал девушку в объятиях чуть сильнее, вжимая в свое тело, и она даже сквозь слой ткани ягодицами ощутила его возбуждение. В синих глазах загорелся голодный огонек.

Раньше она, наверное, начала бы вырываться. Но сейчас Мия знала: Такухати — человек слова. Она по-прежнему не чувствовала себя с ним уверенно, не знала до конца, чего ожидать от него. Но она больше не боялась. Слово что-то внутри маленькой майко подсказывало: этот жестокий и сильный мужчина не причинит ей вреда.

— Спасибо.

— «Спасибо» в карман не положишь. Не хочешь поцеловать меня в качестве благодарности?

— Хочу, — тихо сказала Мия, удивив не только его, но и себя.

Она положила руки ему на плечи. Почти так же, как было в генсо. Приблизилась и нежно коснулась обветренных губ своими губами. Неуверенно, робко. Так же робко она скользнула язычком внутрь. Поцелуй-приветствие, поцелуй-знакомство. В нем была не столько страсть, сколько любопытство. Мия изучала этого диковинного хищного зверя — мужчину.

Он не двигался, уступив ей инициативу. Лишь когда Мия подалась назад, чтобы прервать поцелуй, стиснул так, что стало почти больно, и поцеловал — с напором, страстью, воспаляя и обжигая. Возбужденная плоть толкнулась в ее бедра, где-то внизу живота сладко заняло.

Мия отстранилась, прерывая поцелуй, и мужчина позволил ей это сделать. Ласково провел пальцем по припухшей нижней губе, огладил отросшие пряди.

— Завтра в это же время, Мия. И ешь больше мяса и рыбы. Съедай все, что тебе дадут в столовой, чтобы без капризов, как сегодня утром.

— А? — Мия захлопала глазами.

Сегодня в столовой ей и вправду выдали на завтрак огромный кусок запеченной рыбы, а не рис с маринованным дайконом и нори, как другим ученицам. Такое демонстративное подчеркивание статуса «любимицы» показалось ей неприятным и даже оскорбительным, но она не решилась отказаться, чтобы не привлечь к себе излишнего внимания. Поковыряла рыбу, оставив на столе больше половины.

— Когда я что-то приказываю — не спорь. Просто делай. Мне нравятся твои волосы, — повторил он, пропуская пряди сквозь пальцы. — Так что ешь больше мяса.

Стальные объятия разжались. Мия еще мгновение сидела, глядя в синий магический лед его глаз, потом вскочила, поклонилась и выскочила за дверь, забыв парик на столе.

Глава 10

КАК ПОДСКАЗЫВАЕТ СЕРДЦЕ

— Думаешь, он прав? — тихо спросила Мия.

Вечер выдался на удивление теплым, и они сидели на разбитых ступеньках, греясь в лучах закатного солнца.

— В чем именно? — спросил Джин, не отрывая взгляда от наполовину обтесанной заготовки из рога оленя. Нож аккуратно касался кости, срезая все лишнее. Мия уже спрашивала, что именно он мастерит, но самханец только хитро усмехнулся и пообещал: «Увидишь».

— Насчет предательства... и Кумико.

Джин отложил свою работу.

— Я думаю, что в общении с людьми никогда не бывает единственно верного рецепта, — спокойно сказал он. — Но если человек искренне раскаялся, милосердно будет дать ему второй шанс.

— То есть — надо простить?

Он пожал плечами:

— Простить — это надо тебе, а не ей.

— Я не понимаю.

— Не страшно. Я и сам не всегда понимаю. Это надо чувствовать. — Он сверкнул белозубой улыбкой. — Делай так, как подсказывает сердце.

— Спасибо.

Джин не вернулся к работе. Сидел в закатных лучах рядом, совсем близко, и смотрел на Мию. Порыв ветра взъерошил ей волосы, пощекотал шею, заставив вспомнить о забытом в школе парике. Мия вдруг отчаянно застеснялась своего нелепого вида. Надо было закутать голову, прежде чем идти сюда. Хоть чем-то. Хоть тряпкой.

И зачем он только пялится?

— Не смотри на меня так!

— А как мне на тебя смотреть? — с теплой улыбкой спросил Джин. — Ты похожа на встрепанного воробушка.

— Все так ужасно? — У нее задрожали губы. Отчего-то в школе она не переживала так остро из-за потерянной красоты. А сейчас, под взглядом самханца, вдруг стало обидно до слез.

— Не ужасно. Хочется укрыть, накормить и обогреть.

— Он обещал, что вырастит их снова.

Глаза мужчины сузились. Показалось — в них мелькнула злость, но ответил он сдержанно:

— Акио Такухати? Да, этот может.

У Мии дыхание перехватило от внезапной догадки.

Они оба знатной крови. И почти одного возраста. Самхан — ближайший сосед Оясимы, а до войны были годы мира. Столетия бок о бок сплели так много нитей между материком и островами. Родственные, торговые, культурные связи...

— Вы знакомы?

— Ледяной беркут с Эссо? — Джин странно усмехнулся. — Мы встречались несколько раз. И я слышал о нем. Опасный противник.

От напоминания о войне, разделившей их страны, Мия загрустила. Ей не хотелось думать о том, что Джин — враг.

— Как получилось, что такой человек гниет здесь? — продолжал самханец. — С этой работой справится любой маг с проблесками дара в крови.

— Не знаю... — Мия закусила губу, вспоминая нечаянно подслушанный разговор двух наставниц. Нет же ничего страшного, если она расскажет об этом Джину?

Доверие должно быть полным.

— Я слышала, — решила она, — что это ссылка. За поражение в последней войне.

Джин присвистнул и рассмеялся:

— Он выстоял против двух носителей крови Аль Самхан, выжил и сумел вывести армию. Я видел план сражения. Ни один самурай не должен был уйти из той долины, Мия. Если бы такой человек был в моем подчинении, я не стал бы пинать его, как нагадившего щенка. Ваш сёгун — идиот. Разве что... — Он умолк и задумался.

— Что?

— А, не важно! — Самханец вскочил, почти не опираясь на посох. Вопреки его прогнозам, сломанная нога заживала на глазах.

— Вставай, — велел он.

— Зачем? — Мия поднялась.

— Буду учить тебя драться.

Она помялась:

— А это точно нужно?

— Абсолютно, — непререкаемым тоном заявил самханец. — Чтобы в следующий раз ты сумела набить личико любой истеричной дурочке. Так, смотри. Я буду хватать тебя и объяснять, куда бить. А ты бей — не стесняйся. Торжественно клянусь, что побреюсь налысо, если сумеешь хоть раз меня достать.

Мия рассмеялась:

— Налысо?

— Ну да, — он подмигнул, — я шесть лет бритым проходил, мне не привыкать. Готова?

Это было непросто. Совсем непросто. Джин заламывал ей руку, сжимал запястья в стальном захвате. Снова и снова терпеливо объяснял, почему, куда и как нужно бить противника.

— Не надо хватать его за ладонь. И рукой дергать тоже не надо. Возьми за большой палец и потяни. Вот так. Ну, давай, пробуй...

Мия пробовала. Морщилась, слушая деловитые пояснения, как именно можно покалечить человека, применяя тот или иной прием, и повторяла, повторяла снова и снова.

Достать Джина у нее не получилось ни разу. Самханец уходил от любых ударов и пинков с неизменной легкостью, и сломанная нога ему, казалось, нисколько не мешала.

— Мужчину бей коленом в промежность. Это очень больно. Но только если он один и у тебя есть шанс убежать. Иначе не зли — покалечат. Лучше быть изнасилованной, но целой и живой.

— А как же честь?

— Моя честь в том, чтобы выжить и отомстить. Ты бить меня будешь? — И белозубая улыбка...

Солнце почти село, во дворе сгустились тяжелые сумерки, с гор потянуло холодным зимним ветром.

— Все, не могу больше, — выдохнула Мия и обмякла в его руках.

— Ты должна ударить меня локтем в горло, — мягко напомнил ей Джин, прижимая к себе горячее и покорное тело девушки.

— Все равно не получится, — засмеялась она. — Можешь злодействовать.

В зеленых глазах сверкнул и погас странный огонек. Он стиснул ее на мгновение. Губы самханца вдруг оказались близко-близко.

«Сейчас он меня поцелует», — отстраненно подумала Мия и поняла, что не станет сопротивляться.

Как нехорошо и неправильно — целоваться в один день с двумя разными мужчинами.

Но Акио Такухати как будто принадлежал другому миру. Миру обязательств, традиций и достижений. Миру утонченному, но заключенному в строгие рамки правил и ритуалов. Миру, в котором у нее не было ничего личного, и даже возможность побыть одной выпадала так редко, что каждое мгновение одиночества становилось маленьким праздником.

А Джин был из мира иного. Вольного, дикого, в котором есть заброшенный храм и горячие источники с искроцветами. Мира чудесного и странного. Прибежища ёкаев и духов. Джин и сам был как дух — таинственный самханец, пришедший из ниоткуда, но ставший вдруг очень важной частью жизни Мии.

Она ощутила на губах теплое дыхание, смешливые искорки в его глазах сменились голодным желанием, но мужчина отчего-то медлил.

«Ну же!»

Она почти решилась сама сделать первый шаг, когда над ухом раздалось ворчливое:

— Это еще что за скульптурная группа у нас во дворе расположилась? Ишь, обвился вокруг девочки, змей самханский, даром что одноногий. Не то тебе в плену отрезали, что надо было. Отпусти, ей давно домой пора!

Мия ойкнула и выскользнула из объятий. Джин не сделал попытки ее удержать. И на его лице не отразилось ни растерянности, ни разочарования.

— «То» мне тоже обещали отрезать. К счастью, не успели. Привет, Дайхиро. Рад, что ты вернулся. — И, уже обращаясь к Мие, продолжил: — Он прав. Уходя каждый день на весь вечер, ты здорово рискуешь.

— Угу, — буркнула Мия, не поднимая глаз. — Я пойду.

В груди зрела глупая, совершенно детская обида. Очень хотелось разрыдаться. Только непонятно почему.

— Я провожу.

Тануки распушил хвост:

— Сиди уже, провожател колченогий! Я сам провожу.

— Нет, — очень спокойно сказал самханец и вручил оборотню факел. — Но ты можешь пойти с

нами.

Всю дорогу до школы тануки ворчал и ругался, Джин отшучивался, а Мия шла молча, глядя в землю.

Тануки дождался, пока Мия перелезет через ограду, а потом сердито обернулся к самханцу.

— Ты что творишь, гад такой? — воинственно спросил оборотень.

— Не понимаю, о чем ты.

— Совсем девочке голову задурил.

Джин хмуро оглядел черневшие впереди стены школы.

— Пойдем, — велел он. — Не то место для разговора.

— Ты же уедешь, дурья твоя башка! — разорвался тануки на обратной дороге. — А ей жить дальше! Становиться гейшей. Я же вижу, как она на тебя смотрит. Хоть бы руки не распускал, козел похотливый...

Мужчина шел рядом молча. Его скульптурное лицо было бесстрастным.

— ...сперва сам пойми, чего тебе от нее нужно! — завершил свою речь тануки, воинственно встопорщив усы.

— Я увезу ее, — сказал Джин.

Оборотень споткнулся на ровном месте:

— Что?!

— Мия не создана для того, чтобы быть гейшей.

— Тебе-то откуда знать?

— Вижу. Ей нужно замуж. За порядочного, надежного человека.

— Это за тебя, что ли? — подозрительно спросил тануки.

Самханец отвел взгляд:

— Я... не могу. Но я дам ей деньги и свое покровительство. В Самхане мое слово немало весит. Мия сможет сама выбрать свою судьбу.

Дайхиро плюнул в сердцах:

— Ты то ли подлец, то ли дурак, Джин Хо.

Маленький монах был прав.

Давно Джин не ощущал себя так паскудно.

И *тот, другой*, запертый в подвалах души, тоже беспокоился. Ходил туда-сюда, скреб лапой,

сердито ворчал...

Тяжело опираясь о посох, Джин поднялся по ступенькам в храм. Рухнул на циновку у костра.

Казалось, в храме еще стоял еле уловимый запах сакуры и кедра.

Сакура... Ею пахли волосы и кожа Мии.

Он прикрыл глаза и как наяву услышал ее смех. Представил себе лицо девушки — задумчивое, чуть мечтательное. Вспомнил ощущение нежной кожи под пальцами и как она чуть вздрагивала и ежилась, когда он мыл ее. В тот момент ему до смерти хотелось коснуться губами доверчиво обнаженной шеи. Спуститься, выцеловывая трогательно выступающие позвонки. Прижать к себе хрупкое тело и ласкать, ласкать, наслаждаясь ее восторженными стонами.

...войти в нее, взять, овладеть...

Это желание было похоже на наваждение. Невыносимо сильное, почти непереносимое. Настолько сильное, что Джин испугался. Он, выросший в непрестанной борьбе, усмирявший демона каждое мгновение на протяжении большей части своей жизни, испугался, что не справится с собой.

Если бы не браслет... Браслет и ее рассказ стали якорем. Прогнали морок, помогли вернуться к реальности.

И сегодня... ее губы были так близко. Сладкие, манящие, словно созданные для поцелуев. И этот доверчивый и ожидающий взгляд снизу вверх. Джин ведь почти поддался заключенному в нем призыву.

Хорошо, что пришел тануки.

Джин чувствовал, как его тянет к девушке. Тянет с почти нечеловеческой силой. Потребность видеть ее лицо, улыбку, слышать смех. Учить ее, отвечать на вопросы, радовать, заботиться о ней.

И он следовал за этими внешне невинными желаниями. Говорил себе, что в этом нет зла — он же не позволяет себе лишнего. И знал, что лжет себе.

То ли подлец, то ли дурак.

Джина любили женщины. Они приходили в его жизнь сами, почти без усилий с его стороны. Выбирали его среди десятков других, даже ничего не зная о его происхождении.

— Что они все в тебе находят? — как-то обиженно спросил его Тхан после того, как очередная красотка выбрала не наследника и мага, но проклятого старшего брата.

Джин пожал плечами:

— Не знаю. Может, со мной легко?

Он не искал репутации ловеласа — она нашла его сама. Джин с равной заботой и уважением относился к каждой женщине, с которой его сводила судьба. Не важно, ночь, неделю или месяц они были вместе.

Расставался он тоже без злости и сожалений, храня в душе теплые воспоминания о мгновениях счастья.

Так было раньше... Раньше мысли о женщине не лишали его покоя и сна.

Подлец или дурак?

Одно дело — роман с опытной красоткой в поисках приключений. Но Мия... Она совсем другая.

Точеный профиль, тяжелый узел волос в традиционной прическе майко, самые прекрасные на свете глаза — доверчивые, черные и блестящие, как ночное небо в россыпи звезд.

Черные...

Что он может предложить ей? Сделать ее своей любовницей? Участь содержанки не для Мии.

Выдать замуж? Поселить в столице, видеть ее счастье с другим и знать, помнить каждую минуту, что он сам от нее отказался?

Мужчина должен уметь принимать решения за себя и за женщину. Выбери, самханский тигр, кем ты хочешь стать — подлецом или дураком?

Джин невесело рассмеялся:

— Ну уж здесь я ее точно не оставлю, чтобы не стать и подлецом и дураком сразу.

В домике было пусто. Остальные девочки еще обедали в столовой. Только Кумико все так же лежала, отвернувшись к стенке, молчаливая и безучастная.

Мия вздохнула, прошла через комнату и остановилась у футона бывшей соперницы.

— Возьми, — сказала она и поставила рядом с футоном миску. — Четвертый день ничего не ешь.

Девушка вздрогнула и съежилась, словно ожидала удара.

— Ну, давай. Если хочешь, я отойду. — Мия подвинула миску ближе. Из нее пахло ароматным куриным бульоном с кореньями.

— Не буду на тебя смотреть.

В доказательство она подошла к окну и отвернулась. За спиной раздался шорох. Торопливый стук ложки о миску, жадное хлюпанье. Потом несколько мгновений напряженной тишины, и миска покатила по полу, а из-за спины послышались сдавленные рыдания.

Нарушая собственное слово, Мия обернулась.

Кумико лежала на фуtone, подтянув ноги к груди, и тихо выла на одной протяжной ноте. И столько скорби и отчаяния было в ее маленькой фигурке, что Мия сама чуть не расплакалась.

Она подбежала к бывшей сопернице и упала на колени рядом.

— Не плачь, пожалуйста. Все еще наладится, вот увидишь.

За ложь сразу же стало стыдно. Не наладится. Такухати уже все решил, когда он говорил о Кумико, в его голосе звучали только равнодушие и презрение. И куда пойдет Кумико? Она же ничего не умеет, кроме того, чему их учили в школе. Кому она будет нужна? Какая участь ждет ее с таким лицом?

Мия поклялась себе еще раз поговорить с директором. Может, если она снова его поцелует, он сменит гнев на милость?

Кумико ткнулась лицом ей в колени, и Мия еле сдержалась, чтобы не отшатнуться.

— Прости! Прости меня, — прорыдала дочь самурая. — Прости, пожалуйста. Я во всем виновата!

От неожиданности Мия замерла. Она ждала ненависти, обвинений, но не такого искреннего и глубокого раскаяния. Кумико лежала на полу, уткнувшись лицом ей в колени, и горько плакала. В этот момент Мия почувствовала, как последние ростки обиды и злобы, которые еще оставались в ее душе, уходят безвозвратно. Она погладила бывшую соперницу по поредевшим волосам.

— Я прощаю тебя.

Кумико судорожно вздохнула и обняла ее колени.

Так они и сидели, пока не зазвонил гонг, обозначая окончание обеда.

— Сюда скоро придут, — мягко сказала Мия. — Хочешь, я принесу тебе еще еды?

— Да. — Кумико чуть помедлила. — Спасибо, Мия-сан.

Она выпустила ее колени, приподнялась и откинула волосы, и Мия ахнула.

Лицо дочери самурая снова было гладким и чистым. Уродливые, похожие на коросту шрамы исчезли без следа.

Акио Такухати прочел письмо, скомкал и сжег его. Прошел по комнате, усмиряя рвущееся из груди бешенство.

Сукин сын Ясуката снова его обставил.

Стоило прислушаться к словам отца раньше. Не важно, что армия была обескровлена и разбита. Оставшихся самураев — усталых, злых, вернувшихся с поражением и встретивших дома лишь презрение, — хватило бы, чтобы занять портовую Идогаму и двинуться на столицу.

Время упущено. Пока Акио выжидал и тискал девочек в глуши, ублюдок Ясуката взял заложников.

Хитоми... Если сёгун сделает с ней хоть что-то, смерть покажется ему желанным избавлением от мук бытия. Акио об этом позаботится.

Генерал снова прошелся, перебирая мысленно имена и лица верных ему людей. Достаточно. Пока достаточно, чтобы разжечь пожар.

Вот только, пока в столице «гостят» у сёгуна отец Акио, его младшая сестра и брат, опальный генерал будет сидеть на месте и покорно выполнять волю военачальника.

Семья... Желчный больной старик. Худенькая девочка, смотрящая на старшего брата снизу вверх восхищенными глазами, и избалованный мальчишка, мечтающий однажды превзойти блистательного генерала.

Поднять восстание сейчас — подписать им смертный приговор.

Ладно отец, ему и так немного осталось. Нобу тоже взрослый мужчина — скоро двадцать. Парню полезно будет походить на привязи у сёгуна, брат дерзок не по годам и не знает своего места. Никто не занимался воспитанием мальчишки. Годы, пока Нобу вырослел, Акио провел в армии, а отцу было плевать на смеска от наложницы.

Но Хитоми... При мысли, что сестра находится во власти Ясукаты, опальному генералу хотелось плюнуть на возможную ловушку и лететь, мчаться в столицу с той скоростью, которую только способен развить фэнхун.

И пусть будет война, если сёгун хочет войны.

Отца Акио не любил. Когда речь заходила о родительской любви, он вспоминал мать — маленькую усталую женщину с потухшими глазами, задавленную придирками и издевательствами со стороны супруга. Она сгорела от лихорадки, когда ему было пять. В тот день, кажется, даймё впервые вспомнил о первенце. Осмотрел щуплого зарезанного мальчишку, скривил губы: «И это Такухати?» А потом отправил к сыну десяток учителей. Фехтование, языки, каллиграфия, стратегия... Наследник должен был знать все это и много больше.

С тех пор Акио ни разу не слышал от отца слов одобрения. В лучшем случае ему доставалась кривая ухмылка и сдержанное: «Годится». В юности он мечтал однажды все же заслужить отцовскую любовь. Истязал себя тренировками, лишь бы стать лучшим...

Но раз за разом натыкался на презрение и недовольство, пока любовь не переродилась в ненависть. Тень этой ненависти Акио перенес на родной Эссо — суровый, терзаемый бурями и ледяными штормами.

Покинув дом в шестнадцать, Акио вернулся лишь пять лет спустя. И первым, кто встретил его на подходе к родному имению, была черноглазая малышка с забавными хвостиками, которая задрала голову, смерила рослого незнакомца восхищенным взглядом и спросила с прямой и наивностью ребенка:

— Ты мой сильный старший братик?

Он поморщился от этой наглости незнакомой малявки.

— Сомневаюсь. Ты кто?

Девочка поклонилась, отчего хвостики на ее голове смешно подпрыгнули:

— Хитоми Такухати, ани-сан.

— Явился! — скривился язвительный старик, в котором Акио с удивлением узнал неслышимого даймё. — Вспомнил о нас. И шести лет не прошло. И что же — думаешь, ты все еще наследник?

Все еще нужен мне?

Старческий голос дрогнул, темно-синие глаза блеснули влагой, и в тот момент Акио понял, что да — нужен. Он нужен этому злому и желчному человеку, который знает лишь один способ проявить заботу — обругать, наказать или запретить.

А еще Акио понял, что все прошло. И ненависть, и любовь, и потребность в признании. Он знал, чего стоит, и отцовское одобрение больше не было ему нужно. Наверное, так приходит зрелость.

Отсутствие любви не мешает испытывать почтение и благодарность к старшему. Акио помнил не только о том, что отец недодал, но и о том, что он сделал для сына.

А Хитоми... Ради младшей сестры высокомерный, не знающий жалости ни к себе, ни к другим генерал, не раздумывая, убил бы любого.

Выступить сейчас — подписать им смертный приговор. Значит, придется затаиться. Выждать. Хотя бы до ханами. Вытащить Хитоми и Нобу, предупредить оставшихся верных людей.

Он сел у столика и начал складывать бумажного журавлика.

— Господин Такухати?

Директор не поднял головы.

— Иди сюда, Мия.

Она прошла, ощущая некоторую неловкость, опустилась рядом и уставилась на его работу, даже не пытаясь скрыть любопытство.

Такухати складывал бумажного журавлика. Его большие сильные руки мелькали с неожиданной ловкостью. Два уже готовых журавлика стояли в ряд на столике. Закончив, он обмакнул кисточку в тушь и принялся выписывать на распахнутых крыльях птицы иероглифы.

Мия следила за ним, затаив дыхание. Раньше ей не доводилось наблюдать, как маг призывает духов-помощников.

— Открой окно, — коротко велел директор.

Едва она отодвинула створку, как за спиной захлопали по воздуху крылья. Мия еле успела отшатнуться. Белая птица с редкими черными перьями в крыльях пронеслась мимо нее и вылетела в окно. Сразу за ней другая. И третья.

— Можно закрывать. Иди сюда.

Ей очень хотелось спросить, куда и зачем он отправил бумажных птиц. Гонцы? Вестники?

Но, взглянув на его мрачно сдвинутые брови, Мия не решилась приставать с глупыми вопросами.

Стоило ей опуститься рядом, как Такухати обхватил ее за талию, принуждая сесть к себе на колени.

— Господин Такухати...

— Что?

Пальцы медленно очертили ушную раковину, скользнули вниз по шее, погладили ключицу.

— Я хотела сказать... по поводу Кумико.

Он раздраженно поморщился:

— Мы уже обсудили это, Мия.

— Я просто хотела сказать спасибо.

Такухати удивился. Мия даже не увидела — кожей ощутила его удивление.

— За что спасибо?

— Вы ведь сняли проклятие... — Еще не договорив, она по его лицу поняла, что нет — не снимал.

— Вот как, — задумчиво сказал директор, — значит, шрам исчез?

Мия не решилась солгать и кивнула. Мысленно она отругала себя за наивность. Что сейчас сделает маг? Неужели наложит новое?

— Может, она не так безнадежна...

— Пожалуйста, — сказала Мия, — простите ее.

— А ты простила, да? — Он криво усмехнулся. — Ты слишком хороша для этого мира, лучшая ученица.

— Пожалуйста.

Он обвел пальцем контур ее губ.

— Поцелуешь меня?

— Если вы простите Кумико...

Его глаза сверкнули такой яростью, что Мия отпрянула.

— Торгуешься?

— Прошу.

— Нет. Я не меняю своих решений.

— Тогда я не буду вас целовать, — дерзко сказала Мия, глядя ему в глаза.

Колкий лед в глазах Такухати потемнел.

— Целуешь только в уплату? Так, Мия? Из тебя выйдет хорошая гейша.

Слово «гейша» он произнес как «шлюха». Мия побледнела и попыталась освободиться, но он не дал.

— Пустите!

— Мы еще не закончили.

— Я ничего от вас не хочу!

— Мне плевать, чего ты хочешь. — Она снова дернулась, пытаясь вырваться, и тогда он, не повышая голоса, предупредил: — Если не успокоишься, я тебя свяжу.

— Свяжете?! — Она так опешила, что даже прекратила сопротивляться.

— Да. Сиди смирно. Думаешь, это так легко? Если дернешься, я могу сделать тебе больно. Или обжечь.

Мия открыла рот, чтобы сказать, что ей ничего не нужно от директора. И закрыла. И так понятно, что все будет так, как захочет Акио Такухати, а он зачем-то хотел видеть ее с длинными волосами.

Нет, с ним нельзя воевать. Противостояния с Такухати выматывали, лишали сил. И каждый раз у Мии оставалось неприятное ощущение, что он отпустил ее лишь потому, что был слишком занят или слишком ленив, чтобы давить по-настоящему.

Гейша подобна гибкой иве. Она не спорит с ветром.

Снова прикосновения обжигающе горячих пальцев и странное ощущение, что под кожей что-то шевелится.

В этот раз волосы отросли почти до пояса.

— Тусклые, — сказал Такухати, накручивая прядь на палец. — Нужно сделать перерыв в пару дней. Целовать меня в благодарность ты, как я понимаю, не будешь. Так что свободна.

Мия посмотрела на него в упор.

— Спасибо.

Он приподнял бровь.

— Надо же...

— Вы сделали мне добро, пусть я и не просила об этом. За это — спасибо. И простите... мне не следовало торговаться.

Его лицо чуть смягчилось:

— Ты умна.

— Вы сердитесь на меня?

Он помедлил.

— Нет. Не сержусь.

Но Мия чувствовала в нем еле сдерживаемую ярость. Холодную и страшную, как снежная лавина в горах. Закаменевшие от напряжения мышцы, стиснутые зубы...

Такухати зол не на Мию. Что-то происходит в той, другой части его жизни, скрытой от подопечных. Вот почему сегодня он призвал грех духов сикигами, чтобы вселить их в бумажных птиц.

Надо уйти. Поклониться и исчезнуть. Пока директор не решил спустить на Мию лавину своего гнева.

«Даймё совсем плох».

Даймё — это его отец. Он умирает где-то в столице, в то время как Акио Такухати по приказу сёгуна вынужден оставаться здесь.

Она вспомнила, как генерал стоял у окна и смотрел на север. Туда, где за горными хребтами, во множестве корабельных переходов от Рю-Госо, на другом краю Оясимы, прятался суровый и холодный Эссо.

Владения семьи Такухати.

Мия помнила, каково это — терять родного человека.

На мгновение ей стало остро жаль этого резкого, жесткого и одинокого, но не лишённого чести мужчину. Душу захлестнуло желание поддержать, благодарность за его сдержанность и заботу...

Мия положила руки ему на плечи:

— Все будет хорошо.

Она протянула руку, чтобы погладить его по щеке. Передать тепло и сочувствие, которые испытывала сейчас.

Глаза Такухати вспыхнули обжигающим синим огнем, и он вдруг прижал ее к себе и впился в нее жадным поцелуем. Грубо, с какой-то дикой яростью. Прокусил губу почти до крови, вторгся языком в ее рот. Одна рука мяла и сжимала ягодицы — сильно, до боли. Вторая пыталась развязать пояс кимоно на ощупь.

Мия вскрикнула, попробовала вывернуться, но он словно не замечал ее сопротивления. Не замечал кулаков, молотящих по его плечам и тщетных попыток отодвинуться.

Никогда в жизни Мия не ощущала себя настолько беспомощной.

Он оторвался от нее сам, со стоном. В синих глазах клубились ледяные бураны Эссо.

— Проклятье! Не играй со мной, девочка, — почти прорычал Такухати.

— Я не играю. Я просто... я хотела помочь... — Мия не удержалась и заплакала.

Несколько мгновений он молчал. Потом обнял ее, прижимая к себе аккуратно и бережно. Погладил по голове.

— Ты ничего не знаешь о мужчинах, лучшая ученица. — В его голосе больше не было ни страсти, ни злости. Только усталость.

Мия не ответила, потому что он был прав. Что она, выросшая в маленьком женском миреке, понимала в мужчинах? Она знала, как доставить им удовольствие, потому что ее этому учили. Быть радостью на вечер, усладить взор, слух и тело — все, что она умела.

Она и себя-то не всегда понимала. Мгновение назад Мия готова была отдать что угодно, лишь бы избавиться от Такухати. И вот сейчас ее никто не держит, а она сидит у него на коленях. Уже не плачет, просто сидит, уткнувшись ему в плечо. И не торопится убежать.

Быть может, все дело в том, что в его объятиях сейчас не было вождления. Только покровительство и забота. Так мог бы обнимать Мию отец, которого она никогда не знала.

— Иди, — он поцеловал ее в висок, — у меня дела.

Она встала, ощущая себя измотанной, как после долгой тяжелой работы. И медленно пошла к двери.

— Насчет воровки...

Она обернулась.

— Я оставлю ее, Мия. Последний шанс.

Часть вторая

МЕЧТЫ И ДЕМОНЫ

Глава 1

ВСЕ-ТАКИ ПОДЛЕЦ

— А если она не пойдет сегодня?

— Каждый день ходит.

— А если...

— Кончай ныть, Буси. — Предводитель маленького отряда, высокий и грузный мужчина, обвел четверых воинов тяжелым взглядом. По одежде его и окружавших его людей можно было принять за бродяг или головорезов, но бледно-желтый огонек, который то вспыхивал, то гас в единственном глазу главаря, намекал на знатное происхождение.

— Она придет, — продолжал он. — Каждый вечер бегают.

— Я видел, — снова влез Буси. — Вчера во дворе кувыркались. Он ее тискал. Я бы тоже такую красотку... — Он закатил глаза и сделал несколько непристойных движений бедрами.

— Успеешь, — осадил его главарь. — Сперва надо взять парня.

— А так ли нужна девчонка? — задумчиво переспросил здоровяк с совершенно разбойничьей рожой и свернутым набок носом. — Нешто мы с одним самханцем не управимся?

— Он — маг. Лучше не рисковать.

— Такие деньги за одного самханца. — Буси облизнулся. — А он точно тот самый?

— Откуда здесь еще самханцы? — резонно возразил главарь. — Брать живым чтоб! За мертвого нам не только не заплатят, но и отрубят все, что выпирает...

— Да что ему девчонка? Я бы ради девки на ножи не полез.

Главарь нехорошо улыбнулся. В его единственном глазу снова сверкнул желтый магический огонек.

— Этот — полезет, — пообещал он.

— А ты откуда знаешь?

— Идет, — перебил здоровяк Буси и указал на появившуюся из-за поворота девичью фигурку.

Мия даже вскрикнуть не успела, когда чужие руки сдернули ее с тропинки. Рот зажала грязная ладонь. Мелькнула рука, поросшая короткими черными волосками, в ноздри ударил острый запах давно не мытого тела. Она замычала и задергалась, а все давешние наставления Джина мгновенно вылетели из головы.

— Тише, малышка, не ори. — Над ней склонилось лицо, принадлежащее не иначе как демону-людоеду. Одноглазое, разрубленное шрамом наискось и криво сросшееся, оно жутко ухмылялось.

Мия почувствовала, как чужие руки тискают ее через кимоно, и завизжала так громко, что крик отчасти прорвался сквозь ладонь, закрывающую ей рот.

Браслеты гильдии! Они же должны защитить Мию!

Чужие руки продолжали тискать ее тело, а браслеты молчали.

С отчаянием загнанного зверька она впилась в ладонь зубами и услышала в ответ полное боли мычание.

— Гадина! — возмутился визгливый голос за спиной, а жесткие пальцы ущипнули ее за грудь. Так сильно, что она ощутила боль, несмотря на слои ткани.

В рот Мие сунули что-то, напоминающее грязную тряпку, и больше она уже не могла даже кусаться. На вывернутые за спину запястья легла веревка. Лапы разбойника по-хозяйски гуляли по ее телу.

Мысли бестолково металась в голове. Кто они? Как тут сопротивляться? Неужели ничего нельзя сделать? Это же не самураи наместника? Неужели разбойники? Что им нужно?

И никак, никак не получалось до конца поверить, что случилось страшное. Это не могло произойти с Мией, этому не было места ни в одном из ее миров.

— Хватит тискать девку, Буси, — велел одноглазый демон. — Пошли.

Ее протащили по тропинке. При виде стен заброшенного храма в сердце Мии вспыхнула

надежда. Джин! Он там! Надо только крикнуть ему, и он придет! Поможет...

И тут же как ведро холодной воды на голову: не поможет. Он — один, вооружен только ножом, и нога сломана. А их четверо... нет, даже пятеро. И все вооружены до зубов.

Нужно предупредить его! Пусть уходит.

Но как предупредить, когда все, что можешь, это неразборчиво мычать.

У щеки что-то блеснуло. Мия скосила взгляд и замерла. Солнце скользнуло по острому лезвию ножа.

— Правильно, — раздался над ухом гнусный голос. — Стой смирно, голубка. Не то попорчу твое красивое личико. Ты мне и такой мила будешь. — Головорез захихикал и плашмя прислонил нож к щеке Мии.

Острое лезвие не касалось кожи, просто было рядом — смертоносное, угрожающее.

— Внутрь! — скомандовал одноглазый, и Мию втоптали в проем в стене.

Во дворе бандиты заозирались. Мия даже сквозь волны находящей на нее паники ощутила их неуверенность и скрытый страх.

— Эй, самханец! — басовито выкрикнул одноглазый главарь. — У нас твоя девка. Если ты сейчас выйдешь и дашь себя связать, она останется жива.

Заброшенный храм стоял, погруженный в молчание, как в воды. Такая особая тишина бывает только зимой на закате: ни криков птиц, ни пения цикад. Золотые лучи скользили по серому камню.

— Если сейчас не выйдешь, мы выколем ей глаз. Левый.

Лезвие переместилось к виску. «Не смотреть, не надо туда смотреть», — уговаривала себя Мия, но не могла отвести взгляда от поблескивающего на солнце острия.

Было холодно, как самыми холодными зимними зимами. Мию колотила крупная дрожь.

— Не дергайся, — прошипел на ухо бандит. Из его рта пахло гнилыми зубами.

— Ну!

Главарь нервничал. Очень нервничал, поминутно оглядывался, сжимая рукоять вакидзаси. Чуть подрагивал наполовину натянутый лук в руках другого разбойника.

Смешок Джина эхом отразился от стен.

— Выкалывай. Думаешь, мне есть до нее дело?

Услышать такое было все равно что получить удар в лицо. Больно так, что хоть кричи.

В первое мгновение Мия почти поверила, что ослышалась.

Во второе боль и обида от предательства затмили все. И враз перестал быть страшным нож,

лезвие которого по-прежнему прижималось к ее щеке.

Как?! Как он мог сказать такое?

Дышать стало тяжело из-за душивших горло рыданий. Сквозь наворачившиеся на глаза слезы мир виделся размытым, и Мия уже не замечала, какими растерянными и неуверенными стали лица разбойников, почти не вслушивалась в короткую перепалку.

— Не ври, я помню, как ты полез под стрелы ради незнакомой девчонки!

— Я просто знал, что смогу увернуться. И мне нужна была благодарность ее отца. — Джин рассмеялся. — А ты не только трус, но еще и дурак, ронин Цуття. Неужели надеялся взять меня, угрожая какой-то девке?

«Какой-то девке»? Мия всхлипнула. Слезы потекли словно сами собой. Ей казалось, что головорез уже ударил ее ножом, и больше не будет. Просто не может быть.

Исчезла сталь, касавшаяся ее щеки, но она едва заметила это. Если бы разбойник сейчас отпустил ее, Мия бы просто рухнула на землю. Ушел страх. Остались только боль, обида и желание спрятаться, свернуться в комочек, закрыться, уйти от всех.

Навсегда.

— А теперь я убью вас, — радостно пообещал Джин.

Хватка на теле Мии ослабла. Разбойник озирался по сторонам, выставив перед собой нож, и почти не удерживал девушку. Наверное, сейчас Мия могла бы вспомнить один из разученных за последние дни под руководством Джина приемов и попробовать вырваться из захвата. Мысль об этом вяло трепыхнулась и исчезла.

Она опустила голову. Слезинка сорвалась со щеки, расплескалась по камню серым пятном, как капля дождя.

Над ухом что-то свистнуло, булькнуло. Сверху навалилось тяжелое тело, и на маленькое серое пятнышко упали крупные алые капли.

Что было дальше, Мия не поняла и не запомнила. Все слилось в безумную мешанину. Сверкающий калейдоскоп, из которого память выхватила несколько ярких картинок.

Вот бандит навалился на нее, он хрипит, и кровь пачкает волосы и кимоно Мии. Вот она выворачивается из-под неподъемного тела. Вот мужчина падает к ее ногам и в его горле торчит такой знакомый нож танто. Крик одноглазого: «Хватайте девчонку!» И в следующее мгновение тот уже оседает на каменные плиты — голова вывернута под невозможным для человека углом. Стрела срывается с тетивы, летит навстречу, а воздух отчего-то стал вязким. Не увернуться, не сдвинуться с места. Мир сузился до смерти, блестящей на кончике острья...

И спасительный удар сшибает Мию с ног...

Она упала на убитого разбойника. Перед глазами застыла рукоять танто, торчащая из горла. Преодолевая тошноту, Мия повернулась, ухватилась за нее связанными руками и потянула. Нож поначалу не хотел поддаваться, а потом сразу выскочил из тела.

Мия вскочила, сжимая рукоять. Руки по-прежнему были связаны, никакой пользы от того, что

у нее нож, но с ним все же было спокойнее. Она готова была драться и дорого продать свою жизнь...

Но все уже было кончено.

Джин стоял в центре двора, в окружении пяти трупов, похожих на изломанных и разбитых кукол. Из его руки чуть выше локтя торчала стрела.

Чуть прихрамывая, мужчина подошел к ней и перерезал веревку на запястьях. Попытался забрать нож, но Мия отшатнулась.

— С тобой все хорошо? Они ничего не сделали?

Она молча смотрела на него снизу вверх, задыхаясь от обиды, гнева и слез. Как, как он может теперь притворяться, что ничего не случилось? После того, как так легко отсекся, назвал «какой-то девкой»!

Но он же спас ее! Заслонил собой, поймал стрелу, которая предназначалась Мие.

Или это была случайность?

Теперь его лицо стало встревоженным:

— Мия, что с тобой?

— Ты сказал, что тебе нет до меня дела. — Она хотела, чтобы это прозвучало равнодушно, а получилась жалоба обиженного ребенка.

Джин снисходительно улыбнулся.

— А ты поверила? — Он вгляделся в ее лицо внимательнее. — Эй, Мия! Нужно было, чтобы он опустил нож. Я не мог рисковать.

Самханец по-прежнему вглядывался в ее лицо и больше не улыбался. Сильный. Опасный. Всегда сдержанный, разумный и доброжелательный. Так хорошо умеющий молчать и слушать других. Вон Дайхиро его разве что лучшим другом не называет, а ведь знакомы всего ничего.

Лазутчик из вражеской страны, уничтоживший святыню ее народа. Мия до сих пор ничего не знает о нем. Даже его родового имени.

Когда он солгал? Тогда или сейчас?

Она выпрямилась и швырнула танто. Клинок тихо звякнул о камень.

В сказаниях дева непременно бросила бы в лицо предавшему ее самураю что-нибудь презрительное. Например: «Прощай, Джин Хо!» А после обернулась белым журавлем и улетела. Но Мия боялась заговорить. Боялась, что тогда все скопившиеся в ней слезы вырвутся наружу.

И она не умела превращаться в журавля.

Она повернулась и пошла к воротам, ничего не видя из-за застилающих глаза слез.

Крик в спину:

— Мия!

Мия не обернулась.

Это было похоже на порыв штормового ветра, если бы шторм мог быть таким горячим. Джин налетел на нее сзади, обхватил, притиснул к стене, бормоча, что никуда она не уйдет, пока не выслушает его, и вообще никуда не уйдет, потому что он никуда ее не отпустит, а прямо здесь и сейчас она должна, просто обязана поверить ему...

Мия взвизгивала, бестолково отбивалась, но он был везде. Жесткие горячие ладони, стальные мышцы под тканью кимоно, колдовское сияние зеленых глаз...

— Пусти меня, Джин Хо! — выкрикнула она.

— Ни за что! — выдохнул самханец. И поцеловал ее.

Время остановилось. Все ушло: страх, боль предательства, ужас схватки. Остались только прикосновения мягких губ — настойчивые, нежные. И биение сердца в ушах, как стук молота на кузне...

— Ни за что, — повторил он, оторвавшись от нее. — Не отпущу, пока ты мне неверишь.

Она смотрела на него снизу вверх в полном ошеломлении. Ощущая сразу невыплаканную обиду, усталость, боль в ушибленном локте и странное, смешанное с ликованием возбуждение. Все происходящее было невозможным в привычной жизни Мии. Оно принадлежало миру войны и миру мужчин.

Боль. Смерть. Ужас на краю пропасти, после которого жизнь кажется такой невыносимо яркой и сладкой.

Запах крови стоял в воздухе. Кровью пахли волосы Джина, одежда Мии и сам воздух.

— Чем это вы тут занимаетесь? — раздался в сумерках ворчливый голос тануки, и в давно лишенном ворот проеме показалась его приземистая фигура. Оборотень строго посмотрел на застывшую в объятиях Джина Мию, потом перевел взгляд на трупы в центре двора и аж задохнулся от возмущения. Шерсть на хвосте встала дыбом, усы воинственно распушились.

— Вы что... Ты что здесь устроил, самханский прихвостень? — возопил оборотень, потрясая зажатой в руках сушеной рыбиной. — Совсем стыд и совесть потерял, образина кровожадная? Что, думаешь, раз в чужом доме гостишь, так можно мусорить где попало?

Мия уткнулась в плечо Джина и всхлипнула.

— Это случилось примерно год назад. Он был самураем у даймё округа Мисава и охранял его жену в путешествии. — Джин выдернул стрелу, зажмурился и выругался сквозь зубы.

Мня поспешила приложить к ране смоченный в холодной воде бинт. Ткань немедленно окрасилась алым.

— Мы остановились на одном постоялом дворе и утром продолжили путь вместе. Наш путь лежал в одну сторону.

— Мазь почти кончилась, — сказала Мия.

— Не надо мази. Просто зашей.

Мия растерянно поглядела на Джина. Как это — не надо мази? Он что — не понимает, что будет хуже заживать?

После всего случившегося во дворе в мыслях стояла какая-то гулкая пустота. И руки тряслись мелкой дрожью. А еще она не знала, как смотреть в лицо Джину.

— По дороге на обоз напали разбойники. Цутия струсил и не полез в драку. Спрятался под телегой. За это даймё выгнал его с позором. Цутия решил, что это я виновен в его несчастьях. Мы подрались, и у него стало на один глаз меньше. Вот и все.

— А госпожа? — спросила Мия.

— Какая госпожа?

— Жена даймё. Что с ней стало?

Джин поморщился, словно это воспоминание его не радовало.

— Я отвез ее к мужу. Важно не это. На прощанье Цутия поклялся, что найдет меня и отомстит, но прошел почти год. Почему он решил выполнить клятву именно сейчас?

— Известно почему, — вмешался тануки. — Во всех окрестных деревнях только и разговору о самханском шпионе и награде, которую наместник назначил за его голову. Так что выздоравливал бы ты побыстрее да убирался отсюда, боец наш неукротимый. Одни неприятности у девочки от тебя.

— Дайхиро! — возмущенно вскрикнула Мия.

— А что Дайхиро? Что Дайхиро-то! — фыркнул оборотень. — Я единственный в этом храме, кто с головой дружит, между прочим. И голова мне подсказывает, что как хотите, а падаль во дворе хорошо бы прибрать. Хоть в ближайшее ущелье оттащить. Так что пойду займусь.

— Он прав. — Когда за тануки захлопнулась дверь, Джин поднял голову и посмотрел в упор на Мию. — Оставаясь здесь, я навлекаю на вас большие проблемы.

Ей стало холодно.

— Ты уедешь? — почти беззвучно спросила Мия.

— Да. И я хочу, чтобы ты уехала со мной.

— Куда?

— В Самхан.

— И что я там буду делать? — беспомощно спросила Мия.

Слова Джина огорошили, окончательно выбили землю из-под ног.

Он стиснул зубы и отвел взгляд.

— Жить. Я богат, имею влияние при дворе. Ты не будешь ни в чем нуждаться. Выйдешь замуж, если захочешь.

— За кого?

Он промолчал, и ей захотелось расплакаться от этого молчания.

Вот так. Тот поцелуй — короткий и страстный — ничего не значит. Джин и раньше ничем не показывал, что Мия привлекает его как женщина. И сейчас он сидит рядом, так близко, но не пытается поцеловать или прикоснуться, взять за руку...

Предложение уехать с ним просто благодарность, не больше. За то, что Мия спасла ему жизнь.

— Поедешь со мной?

— Нет.

— Как — нет?

— Вот так.

— Ты не понимаешь...

Джин говорил. Он хорошо умел убеждать, даже замечательно. Мия сидела, спрятав лицо в колени. Хотелось заткнуть уши и завывать, но она терпела. Молча выслушивала все его слова и аргументы — хорошие, разумные, правильные слова и аргументы.

В храме совсем стемнело, только в сумерках полыхали зеленым огнем глаза самханца. Он говорил, что судьба гейши не для Мии. Что она не представляет, с чем на самом деле связан этот путь. Что в Самхане у нее будет все: большой красивый дом, изысканная одежда, уважение его сограждан. И что он никому не позволит обидеть Мию.

— Нет.

— Но почему нет?!

— Не хочу, — выдавила Мия. Подкинула дров в костер, раздула почти угасшие угли. — Повернись, я зашью рану.

Он попытался что-то возразить, наткнулся на ее взгляд и замолчал. Тишина, повисшая в храме, была как подрагивающие камни над головой в горах. Стронешь один, и пойдет горный обвал.

Мия вставила нитку в иглу. Руки так тряслись, что это получилось не с первого раза. Почему-то зашивать Джина на этот раз было куда страшнее. Она боялась сделать ему больно. Или просто сделать что-то не так.

В храм ввалился тануки.

— Уф, ну вроде избавился, — самодовольно объявил он. — Не зверье — так ёкай съедят. И поделом. Не люблю бандитов. Сам бы их съел, но не питаюсь человечинной. Я все-таки последователь Будды.

Напряжения, царившего в храме, маленький оборотень словно и не заметил. Скептически оглядел сидящую у костра парочку, принялся и объявил:

— Ты как хочешь, Мия-сан, но тебе никак нельзя появляться в таком виде в школе.

— А что не так с моим видом? — Мия перевела взгляд на забрызганное в крови кимоно и замолчала.

— Вот-вот! У тебя и в волосах кровь. И на лице. Так что ступай-ка ты мыться. И калеку нашего прихвати.

— Но мне надо возвращаться.

— Так и быть, прикрою.

— Нельзя! Директор Такухати...

Дайхиро презрительно фыркнул:

— Поду-у-умаешь, директор. Сказал бы я, где твоего директора видел, да не полагается слышать такое юным благовоспитанным девам. Нет уж, давай, топай на источники.

— Но... — Она перевела взгляд на Джина. Тот подмигнул:

— Зуб даю — у него там женщина.

— Но-но! — возмутился тануки. — Так и без зубов можно остаться, рыжий.

Но самодовольная ухмылка, возникшая на морде оборотня словно против его воли, свидетельствовала, что самханец прав.

Над чашей источника все так же цвела сакура, роняя в воду нежные лепестки. Искроцветы полностью распустились в воде. Теперь их сияние отливало аметистом и пурпуром.

— Они поменяли цвет.

— Почти созрели. — Мия старалась не смотреть на Джина.

— А когда совсем созреют?

— Станут красными. Как кровь. А потом выпустят семена и умрут.

— Символично. Кстати, насчет крови... — Он коснулся ее вымазанных в крови волос. — Иди мыться.

На этот раз Мия не стала просить Джина отвернуться. В душе все так же ощущались ноющая пустота и странная обида. Как будто самханец мимоходом взял и забрал у Мии что-то важное.

Может, правда уехать с ним? Покинуть навсегда этот край? Никогда больше не видеть Дайхиро и покатых силуэтов гор на фоне неба. Таких привычных, знакомых до последней черточки.

Ей все равно придется уехать. Гейши не живут в деревнях. Мисава — ближайший крупный город — в трех днях пути.

Она знает язык Самхана, тот почти не отличается от родного языка Мии. Иероглифы пишутся так же, только читаются чуть иначе.

Мия никогда не мечтала быть гейшей. Она просто знала, что это ее судьба — другого выбора нет.

И вот теперь этот выбор появился. Будущее, которое готов предложить ей Джин, конечно, будет куда более обеспеченным.

Но будет ли оно счастливым?

Теплая вода расплела волосы по прядкам, вымывая засохшую кровь. Джин снял кимоно, но в воду не полез. Склонился над источником, наспех умылся, стараясь не смотреть в сторону Мии.

— Надо постирать твою одежду. — Его голос звучал хрипло.

— В храме. Кровь лучше отстирывать в холодной воде.

— Ясно.

— Ты не будешь мыться?

— После тебя.

Мия закусила губу, чтобы не спросить — почему? Что с ней не так, раз самханец на этот раз брезгует даже купаться с ней одновременно?

Снова невыносимо захотелось разреветься.

Где-то над головой вскрикнуло, захохотало. Несмотря на теплую воду, Мия зябко поежилась. Надо вылезать. Не войти дважды в те же воды. Нынешнее купание в источнике было злой пародией на маленький ханами.

Она отступила к сложенным в ступеньки камушкам на краю купели, когда сверху спикировала и пронеслась прямо в лицо жуткая черная тень. Мелькнули клыки, кожистые крылья почти коснулись щеки Мии. Снова всхохотнула неведомая тварь над головой...

Это стало последней каплей.

Мия взвизгнула, отшатнулась, рванулась вверх, оскальзываясь на гладких камнях. Сердце колотилось где-то под горлом, пальцы срывались с покатых валунов. Созданные самой природой ступеньки находились совсем близко, всего в полушаге, но испуганная девушка не замечала их, тщетно пытаясь вскарабкаться по почти отвесной скале.

— Тише, тише... Не бойся.

Тяжелое тело опустилось в воду рядом, обдав ее брызгами. Сильные руки обняли и прижали Мию к груди.

— Джин! — Она всхлипнула и обвисла в его руках. — Ты видел это, Джин?

— Видел, — мужчина улыбнулся, — это просто летучая лисица. Ну вот, опять плакать. Чего ревешь, глупенькая? Она тебя еще больше испугалась.

— А кричал кто? — шмыгнула носом Мия.

— Птица ночная.

Мие стало стыдно за свою панику. За глупую истерику, из-за которой Джин полез в воду ее утешать. Прямо как был, в хакама.

Просто слишком тяжелым и страшным получился вечер. Вольный мир гор ощерился недоброй ухмылкой, показал цену свободе вне расписанного и упорядоченного мира школы.

— Все хорошо. — Его губы коснулись лба девушки, спустились к щеке. Руки чуть напряглись, а голос зазвучал хрипло.

Им уже случалось стоять в обнимку, но тогда их разделяли слои одежды. Сейчас Мия вдруг осознала, что полностью обнажена и прижимается к его обнаженной груди. Джин был такой горячий... Стало трудно дышать. Сквозь ставший совершенно оглушительным стук своего сердца она услышала хриплое: «Посмотри на меня, Мия», — и подняла лицо...

Поцелуй был не таким страстным и напористым, как во дворе храма, но долгим. Бесконечно долгим и сладким. Джин мягко прикусил сначала нижнюю, потом верхнюю губу. Пробрался внутрь, лаская, изучая, пробуя на вкус. Что-то внутри Мии отозвалось звенящим радостным «да!». Она ответила на ласку, прижалась крепче к мужчине, совсем как тогда, когда они стояли в обнимку, прячась от солдат.

Но сейчас все было по-другому, более острым, настоящим. Она обвила руками его плечи, погладила горячую влажную кожу, ощутила под пальцами напряженные мощные мышцы. Джин был такой опасный и сильный. Даже сейчас, когда он нежно целовал ее, удерживая в кольце своих рук, она чувствовала в нем неумолимую мощь убийцы, способного похода, голыми руками расправиться с отрядом. Но эта сила показалась ей дразняще притягательной... и так приятно было ощущать свою слабость рядом с ним.

Вся наука школы, все, что Мия знала о мужчинах, в один миг вылетело из головы. Остались только возбуждающие прикосновения, чуть терпкий вкус чужих губ, поддерживающие ее горячие руки.

Не разрывая объятий — перестать касаться друг друга сейчас казалось невозможным, все равно что перестать дышать, — они опустились на каменную ступеньку в воде. Он оторвался от губ Мии, скользнул ниже, покрывая тонкую шейку сотнями поцелуев, чуть прикусывая и лаская губами нежную кожу.

Спустился губами к маленькой груди и съжившимся бутончикам сосков, сжал пальцами, захватил в плен губами. Мия всхлипнула и выгнулась, зарываясь пальцами в его волосы. Где-то внизу живота рождалось острое, смешанное с голодом наслаждение. Тень этого чувства была знакома ей по урокам в генсо или поцелуям с Такухати, но никогда прежде маленькой майко не было так хорошо.

Теплая пузырящаяся вода. Запах сакуры. И его губы, от которых по всему телу плывут жаркие, туманящие сознание волны.

Она хрипло застонала, когда Джин оторвался от ее тела и легонько подул на грудь. Прикосновение холодного ветерка к возбужденной, ставшей необычайно чувствительной коже отдалось во всем теле острой возбужденной дрожью.

— Если хочешь, чтобы я остановился, скажи сейчас. Пока не поздно.

Мия замотала головой. Она не хотела, чтобы Джин останавливался. Не хотела, чтобы заканчивалась эта волшебная, невысказанная, невозможная близость.

— Сядь выше, — то ли попросил, то ли приказал он, и Мия бездумно и послушно перебралась на верхнюю ступеньку. Казалось, его губы и руки изгнали из ее сознания любые мысли.

Тело плавилось, от горячих прикосновений по коже расходилась жаркая истома. Она откинулась в его руках, полностью доверяясь Джину, и только постанывала, когда умелые пальцы находили на ее теле новые и новые чувствительные места.

Он спустился ниже, покрывая поцелуями плоский животик, а потом развел округлые коленки, и Мия выгнулась и вскрикнула, почувствовав жадный горячий язык на самой чувствительной точке своего тела.

Мгновения сумасшедшего, ни с чем не сравнимого наслаждения. Она прерывисто дышала, вскрикивала и чуть ерзала на скользком камне. Каждое прикосновение языка вызывало в ее теле волны мучительного вожделения. Ночной ветер обдувал пылающее от возбуждения и стыда лицо...

Наслаждение стало почти непереносимым, живот свело судорогой. В ее теле словно вспыхнула тысяча искроцветов разом. Мия всхлипнула, протяжно застонала и обмякла, ощущая, как блаженные искорки разбегаются по телу, и гаснет разбуженный самханцем голод.

Это было как плавное погружение в теплую воду. После пережитого не хотелось двигаться, не хотелось думать. Джин обнял ее, потянул, заставляя почти лечь на себя, и она послушно уткнулась носом ему в шею. В голове было легко и пусто, а по телу расплзалась приятная усталость и благодарность за испытанное блаженство.

В приливе благодарности Мия подняла голову и несмело поцеловала мужчину. Он ответил охотно и жадно. Мия прижалась к нему бедрами и ощутила его напряженный член.

Станный, чуть солоноватый вкус поцелуя показался ей возбуждающим. И Мие вдруг тоже очень захотелось ласкать Джина. Так же, как он только что ласкал ее.

Джин оторвался от ее губ и откинулся на каменный порожек, тяжело дыша. Глаза его из-за огромных зрачков казались совсем черными.

— Все-таки подлец, — прошептал он.

— Что?

— Не важно. Я увезу тебя, Мия. Хочешь ты того или нет, я тебя увезу. Украду, заберу в Самхан. Можешь ненавидеть меня, но гейшей ты не станешь.

— Я никогда не буду тебя ненавидеть! — Она прижалась к Джину крепче, нащупывая завязки его хакама. — Я уеду с тобой.

— Хорошо. Что ты делаешь?

Мокрые от воды завязки никак не хотели поддаваться.

— Раздеваю тебя, — дерзко ответила Мия, сама шалея от своих слов и действий.

Он ничего не ответил. Молча следил за ней расширенными зрачками и часто дышал, пока Мия

избавляла его от мокрой ткани.

Она опустилась на колени у его ног и охватила ладонью возбужденный член. Ей показалось, что он куда больше тех, что были у фантомов в генсо. Мия чуть сжала руку и услышала, как Джин тяжело выдохнул сквозь зубы.

И снова, как было на последнем уроке с Такухати, сознание власти над мужчиной опьянило. Мия провела несколько раз рукой, ощущая выступающие под тонкой кожей вены, чуть лизнула бархатистую головку. Бросив шаловливый взгляд снизу вверх, раскрыла губы и впустила в себя напряженную плоть.

Она успела лишь несколько раз скользнуть язычком вдоль возбужденного ствола, когда искрящий красным разряд, похожий на цепь ветвистых молний, сорвался с браслета на ее руке и ударил в мужчину. Джин выгнулся, но его крик мало походил на крик удовольствия. Отдача от магического удара прошла по телу девушки, как удар невидимого хлыста, Мия взвизгнула, отшатнулась и на мгновение ушла в воду с головой.

Она вынырнула почти сразу. Тело била крупная дрожь — последствия магического воздействия. Слишком резким и неприятным был переход от блаженства к боли.

— Джин!

Самханец лежал на боку, подтянув колени к груди, и жадно хватал воздух раскрытым ртом.

— Больно, — выдавил он.

— Прости! — Мия подползла ближе, обняла его и чуть не разревелась. — Я не знала... Я думала, они не работают...

— Сам дурак. Забыл про браслеты, просто из головы вылетело. — Его тоже трясло после пережитого. — Хор-р-рошие у вас маги в гильдии. Еще пара таких разрядов, и я стану совершенно бесполезен в этом смысле.

— Они же не работали! Мы же... ты же...

— Значит, работали.

Мия уткнулась носом Джину в плечо и затихла. Ей до смерти хотелось поцеловать его, но она боялась снова разбудить магию браслетов.

Джин коснулся губами ее макушки.

— Пойдем? — тихо спросил он.

— Да, конечно.

Холодный ветер неприятно обдувал мокрую кожу, вызывая непроизвольную дрожь. Джин молча смотрел, как она одевается, а Мия отводила взгляд, не знала, что сказать, и тем более не знала, что вообще думать о случившемся. Ее душил стыд пополам с обидой на то, что все закончилось так больно и нелепо. А стоило вспомнить о случившемся в источнике, как щеки начинали полыхать и внизу живота сладко скручивалось и ныло.

— А как я уеду с тобой, если на мне браслеты? — выдавила Мия, когда они оба оделись и

зажгли факел.

— Я разберусь с браслетами, — коротко ответил самханец.

Больше они не обменялись ни словом до самого храма.

Вырытый им в прошлый раз проход оказался на месте. Дайхиро довольно хмыкнул и нырнул внутрь, предвкушая жаркую ночь. Старшая наставница школы — женщина на диво темпераментная и страстная.

Подвинув пустую бочку на выходе из норы, Дайхиро вылез и принялся, пытаясь сориентироваться.

Он сделал всего несколько шагов в направлении выхода, когда воздух вокруг вспыхнул синим.

«Попался, дурак!» — успел подумать тануки и отключился.

Глава 2

ПОБЕГ

Дрожа и ежась на ветру, она расправила полы вывешенного на просушку кимоно. Как же холодно зимой ночью! Быстрее бы внутрь, к костру.

На плечи опустилась плотная ткань.

— Спасибо.

Блеснула луна, отразившись в глазах самханца. Он положил ладони девушке на плечи, то ли обнимая, то ли удерживая.

— Пойдем спать, Мия.

Она робко последовала за ним, не зная, как вести себя после того, что было между ними на источнике. Проклятые браслеты все испортили.

Значило ли это для него хоть что-то? Не посчитал ли Джин Мию доступной для любого? А может, он злится и винит ее из-за браслетов?

Что это вообще было? Помешательство!

И как же сладко вспоминать об этом помешательстве. Как хочется, безумно хочется закончить то, что так грубо прервала магия браслетов.

Хочется и страшно.

Он потянул ее, заставляя лечь рядом с собой на циновку, и обнял. От костра и горячего тела рядом стало даже жарко. Мия лежала, устроив голову на плече Джина, и думала, что не сможет заснуть даже на минуту. Его объятия, горячая кожа под щекой, возбуждающий мужской запах — все лишало сна.

Она промучилась почти двадцать минут, изнывая от его близости и желания прикоснуться к нему. Тяжелое дыхание над ухом подсказывало, что Джин тоже бодрствует.

— Джи-и-ин, — позвала она, не выдержав этого полного вожделения молчания. — Ты не спишь?

Дыхание над ухом прервалось, руки сжали ее чуть крепче.

— Не сплю.

— Расскажи о своей семье. Какое твое родовое имя?

В этот раз пауза перед его ответом была длиннее.

— Не стоит, — очень мягко ответил Джин. — Скоро ты узнаешь все сама.

Не доверяет. До сих пор не доверяет, хоть и требует от Мии полного доверия и покорности.

Обида прогнала возбуждение. Может, лучше вернуться в школу? Сейчас, пока еще не слишком поздно?

— Никуда ты не пойдешь, потому что это опасно и глупо, — не терпящим возражений тоном отозвался мужчина, когда она сказала ему об этом. — Спи.

Она надулась, отвернулась и уставилась на костер. Угли в темноте светились малиновым. И даже если закрыть глаза, какое-то время горели под веками.

А волосы пропахнут костром. Надо бы помыть...

Ее разбудило карканье ворона. Птица сидела на крыше храма, просунув голову в дыру, разглядывала лежащих внизу людей и хрипло каркала, будто ругалась.

Мия вздрогнула и попробовала выбраться из кольца сильных рук, но Джин только крепче сжал объятия.

— Джи-и-ин, — позвала она тихо.

Мужчина проснулся мгновенно, словно и не спал.

— Что-то случилось?

— Дайхиро. Он так и не вернулся.

— Могу его понять. Куда-то топать в такую рань, через туман...

— Он бы пришел!

— Может, проспал? В любом случае тебе надо возвращаться.

Отстиранное от крови кимоно так и не высохло за ночь. Мия, поеживаясь, натянула влажную и холодную ткань и вдруг обратила внимание, что Джин больше не опирается на посох.

— Твоя нога зажила?

Он кивнул:

— Знаешь, такое чувство, что да. Всего за две недели. — На лице самханца было написано

искреннее удивление.

Две недели... Неужели она знает Джина только две недели? А кажется, что уже целую жизнь. И хочется знать о нем больше, еще больше. О его семье и детстве. Какую еду он любит? Чем ему нравится заниматься в свободное время? Почему у него вытатуирован тигр? Вчера Мия гладила и изучала пальцами его кожу, и ей казалось, что нарисованный хищник сам подставляет спину под ласки и довольно щурит оставшийся глаз.

Воспоминание о словах «скоро сама узнаешь» неприятно кольнуло. Не доверяет, а сам ждет, что Мия оставит все и уедет с ним.

Кем она будет там для него? Она так и не спросила...

Наложницей? Или игрушкой на пару дней?

Всю дорогу до школы она искала в себе смелость, чтобы задать самханцу этот вопрос. Почему-то вчера в его объятиях на источнике все было так просто, а теперь снова стало так сложно.

Впереди показалась знакомая бамбуковая изгородь. Мия обернулась к Джину. Сейчас она у него спросит...

— Иди. — Он кивнул на школу. — Надо.

За стенами прозвенел гонг, призывающий к завтраку.

— Я буду здесь вечером, — сказал он ей в спину. — Не хочу, чтобы ты ходила по горам одна.

— Я не приду, — буркнула Мия.

Джин усмехнулся:

— Ну, значит, я пару часов посижу под стенами. Надеюсь, обойдется без дождя.

В этот раз она рисковала сильнее обычного. Хоть большинство учениц и наставниц были в столовой, кто-нибудь вполне мог заметить Мию, перелезающую через забор.

Она добрела к домику и, изумленно моргая, остановилась у своего футона.

На нем кто-то лежал, укрывшись одеялом с головой.

— Эй, — нерешительно позвала Мия и попробовала потрясти незнакомца за плечо.

Рука наткнулась на скрученные тряпки. В постели Мии лежала «кукла», сделанная из кимоно, хакама и полотенец.

— Вот ты где! — Голос Кумико за спиной заставил Мию подпрыгнуть.

Дочь самурая воровато оглянулась, прикрыла дверь и набросилась на Мию:

— Хоть предупреждай, если уходишь на всю ночь! Хорошо я догадалась, что тебя не будет.

Глаза Мии округлились.

— Это ты сделала? — Она кивнула на сложенную в постели «куклу».

— Ну а кто же еще, — покровительственно фыркнула Кумико. — Думаешь, я не заметила твоих отлучек? Каждый вечер ведь убегаешь.

— И ты никому не сказала?

Майко оскорбленно надулась.

— За кого ты меня принимаешь? — Она хихикнула. — Надеюсь, он достаточно хорош и стоит того, чтобы так рисковать.

Против воли Мия вспомнила Джина и почувствовала, как по лицу плывет идиотская мечтательная улыбка.

— Он лучше всех, — тихо сказала она. — Спасибо, Кумико.

Новые отношения с Кумико и другими девочками немного пугали Мию. Она, привыкшая к роли одиночки и изгоя, разом стала самой популярной майко в школе. С ней хотели дружить, искали ее внимания, одобрения. Мия старалась быть приветливой со всеми, но что-то внутри нее препятствовало сближению, словно она опасалась удара.

Все любят тех, кто в фаворе и успешен. А Мия, ловя улыбки майко, сразу вспоминала, как легко и безжалостно все они в один момент отреклись от Кумико.

Парадоксально, но дочь самурая стала единственной, кто сумел проломить стену отчуждения, которую Мия выстроила вокруг себя. Получив прощение директора и разрешение продолжить обучение, общительная и активная Кумико легко вернула себе роль лидера. Но в ее обращении к бывшей сопернице теперь неизменно сквозили приязнь и уважение. И Мия, тяжело сходявшаяся с ровесницами, вдруг прониклась к Кумико симпатией и доверием.

«Если человек сумел понять, в чем был не прав, раскаялся и изменился, я не смогу не уважать его», — сказал о Кумико Джин. И Мия с ним согласилась.

Вчерашний вечер и сегодняшнее утро показали, что Кумико была достойна доверия.

— Давай разберем эту штуку быстрее, пока никто не заметил, — весело предложила дочь самурая. — Слышала бы ты, как я завралась вечером, покрывая тебя. Ужас! Думаю, Оки что-то подозревает, но она не скажет, если не будет доказательств, не бойся...

Они в четыре руки сложили одежду, скатали футон. Какая-то мысль беспокоила Мию, мелькала на краю сознания. Что-то связанное с ее ночевкой вне школы...

Она все еще пыталась понять, что упустила, когда в комнату вломилась Ичиги и Оки с горящими от возбуждения глазами.

— Слышали?! — воскликнула Ичиги. — Директор Такухати поймал ёкай!

— Что ты мне обещал оторвать, ёкай? — Акио лениво качнул подвешенного за ноги пленника.

— Похотливый отросток, — услужливо напомнил тануки. — Но я еще надеюсь, что он сам у тебя отсохнет. Если в мире действительно существует высшая справедливость и действует закон кармы, а я верю в карму, потому что Будда был умным человеком и не стал бы врать в таком важном деле... Так вот, если все это существует, у тебя непременно что-нибудь отсохнет

и отвалится.

Опальный генерал посмотрел на оборотня с веселым изумлением и рассмеялся:

— Ёкай, который рассуждает о законе кармы? Тебя в столице можно за деньги показывать.

— За деньги я и сплясать могу, — оживился тануки. — Чур, мне — восемьдесят процентов. Остальные двадцать, так и быть, уступлю. Пользуйся, пока я щедрый.

Такухати не ответил на очередную завуалированную дерзость. Он, прищурившись, рассматривал пленника и словно прикидывал что-то про себя. Наконец пришел к каким-то выводам и кивнул:

— Я отпущу тебя, если назовешь женщину, к которой ходишь.

— Вот еще! Ты разве не знаешь, что не подобает благородному мужу хвастать своими победами? И вообще, у меня кружится голова. Считай, что я сомлел.

В доказательство своих слов тануки закрыл глаза и печально вытянул морду. Торчавший перпендикулярно полу хвост тоже поник.

— Шут, — беззлобно усмехнулся Такухати. Не терпевший фамильярности или хамства ни от равных, ни от вышестоящих, генерал ощущал труднообъяснимую симпатию к бесстрашному оборотню. Потому не стал применять воздействий из известного ему богатого арсенала палача, а просто толкнул еще раз подвешенное тело, заставив его крутиться вокруг своей оси.

Тануки приоткрыл один глаз.

— Осторожнее, если не хочешь увидеть все, что я вчера ел, — предупредил он. — У меня желудок слабый.

— А у меня нет времени с тобой возиться. Повиси немного.

Оборотень следовал наставлению ровно до той минуты, пока за Такухати не задвинулась бамбуковая перегородка. Стоило директору покинуть комнату, как тануки принялся раскачиваться и дергаться на веревке, всеми силами пытаясь дотянуться зубами до пут на лапах. Тщетно. Такухати умел связывать пленников.

Совсем отчаявшись освободиться, оборотень возопил:

— Воистину прав был Учитель, говоря, что любая привязанность — суть источник страданий. Вот я привязан к этой презренной веревке, так дай же мне Будда сил отвязаться от нее поскорее!

Но эта жаркая молитва пропала втуне.

От болтанки на веревке и долгого пребывания в неестественном положении у Дайхиرو зашумело в ушах. Его мутило уже вполне по-настоящему, а хуже всего, что он понятия не имел, сколько времени провел без сознания в подвале и что случилось с Мией, поскольку пришел в себя уже в этой комнате. Свет, который просачивался сквозь заклеенные рисовой бумагой окна, наводил на мысль, что уже давно наступил день, а расспросы Такухати — на неприятные предположения, что девочка все же попала под подозрение.

Нет, болтаться тут, как вывешенная для сушки рыба, и ждать сюрпризов от Такухати у Дайхиро

не было ни малейшего желания.

— О пресветлая Амата́расу и духи гор! — взмолился оборотень. — Клянусь, что буду кушать мясо не чаще одного раза в день и любить не больше одной... то есть двух женщин в неделю, только дайте мне унести отсюда свой хвост!

Мия замерла у двери в кабинет, вслушиваясь в голоса. Такухати был внутри. И, кажется, был там не один.

— ...даймё не перенесет переезда.

— Знаю. — Голос Такухати звучал глухо. — Я хочу, чтобы ты вытащил хотя бы Хитоми и Нобу. И чем скорее, тем лучше. В столице вот-вот все рванет, а я сижу здесь, как... — Он использовал слова, значения которых Мия не знала.

— Это будет нелегко. — Послышался шелест разворачиваемого бумажного свитка. — Госпожа Хитоми Такухати назначена фрейлиной двоюродной сестры сёгуна.

— Невесты самханского принца?

— Да. Это большая честь.

Директор выругался — коротко и зло.

— А ваш брат просто гостит во дворце. Сёгун приблизил его и осыпает милостями...

Мия отпрянула, ощущая себя преступницей. Что бы ни происходило в жизни Акио Такухати и его родных, у нее не было права шпионить за ним.

К тому же она всего лишь хотела убедиться, что директор занят, а значит, не помешает ей освободить Дайхиро.

Ступая на цыпочках, она прокралась дальше по коридору, в дальнее крыло школы. Туда, где находились почти не используемые комнаты.

Уже у самой двери она наткнулась на другую майко. Та стояла, оттопырив зад и прикинув глазом к щели в стене, и зачарованно рассматривала что-то внутри.

Мия замерла. Освободить оборотня на глазах у другой ученицы — безумие. Но и новой возможности вытащить Дайхиро может не представиться. Что же делать?

Она с досадой посмотрела на любопытствующую девушку. Кто она? Со спины не понять. На ней было обычное темно-синее кимоно, которое носили все ученицы. Волосы уложены в традиционную прическу.

Если это Оки, то она непременно нажалуется наставницам. А вот Сизука скорее промолчит.

А может, ей надоест пялиться и она уйдет сама?

Из-за тонкой перегородки донеслось неразборчивое горькое сетование, и Мия рассердилась. Сколько можно трястись за себя, когда рядом нуждается в помощи ее самый лучший и самый верный друг?!

— Ты что здесь делаешь? — намеренно громко спросила она.

Девушка даже подпрыгнула от неожиданности. Испуганно и воровато оглянувшись, увидела Мию, и лицо ее разгладилось.

— Уф, это ты... — Кумико смущенно улыбнулась. — А я так перепугалась.

Мия выдохнула с тайным облегчением. Кумико не выдаст.

— Тоже на ёкая пришла посмотреть? — продолжала дочь самурая.

— Почти. — Мия решительно отодвинула дверь, вызвав у подруги придушенный возмущенный вопль: «Ты что делаешь?!»

Дайхиро болтался в центре комнаты, связанный и подвешенный за ноги. Услышав звук открываемой двери, он попытался повернуться мордой к выходу, отчего его тело закрутилось, как веретено.

— Ну вот опять! — возмутился оборотень и сердито замахал хвостом. — Мия-сан, немедленно спусти меня на землю! Только мысль о том, что завтрака не было, а обед будет не скоро, не дает мне расстаться с ужином.

— Сейчас! Конечно! — Мия бросилась развязывать узлы, но те были завязаны на совесть. Оборотень же продолжал болтать:

— Ах, Мия-сан, ну что тебе стоило прийти пятью минутами раньше, до того, как язык мой, враг мой, произнес ужаснейшие слова зарока?

Мия не вслушивалась в его болтовню, полностью сосредоточившись на веревке. Кумико прыгала вокруг нее, опасаясь подходить к Дайхиро слишком близко, делала страшные глаза и громко шептала:

— Мия, опомнись! Это же ёкай!

— Ну и что, что ёкай, — отозвалась Мия, чуть не плача. — Помоги мне! Ну же!

— У меня, между прочим, имя есть. Дайхиро, а для тебя просто Хиро, красавица.

На этом терпение Кумико лопнуло.

— Что вообще происходит?! — спросила она, забыв о необходимости соблюдать тишину. — Почему ты хочешь освободить ёкая?

— Дайхиро, — вставил оборотень.

— Потому что он мой друг. — Поняв, что от объяснений никуда не уйти, Мия на минуту прекратила развязывать узлы. — Пожалуйста, Кумико. Если доверяешь мне — помоги. Честное слово, Дайхиро никому не причинил вреда.

— Но он влез сюда ночью... — Кумико осеклась. — Так ты к нему, что ли, бегаешь?

— Нет! Не спрашивай меня, пожалуйста. Просто помоги.

Кумико поколебалась несколько минут, перевела взгляд на висящего тануки. Очевидно, его

нелепый и безобидный вид убедил ее, потому что дочь самурая кивнула.

В четыре руки они развязали туго затянутые узлы. Оборотень шлепнулся на пол и возмущенно взвыл.

— Как ты? — спросила Мия, пытаясь ослабить веревку на его теле.

— Ужасно, — слабым голосом простонал тануки. — Кажется, я умираю. Только поцелуй прекрасной девы способен исцелить меня. — С этими словами он выразительно покосился на Кумико.

— Не слушай его, — пропыхтела Мия, расправляясь с очередным узлом. — Он всегда шутит.

— Я уже поняла. Ты неправильно делаешь. Дай я! — Кумико потянула за край веревки, расплетая обвязку. — Это — самурайская техника для связывания пленных. Мне отец показывал.

Всего за пять минут она расправилась с путами. Тануки бойко вскочил и поклонился девушке с превеликим почтением.

— О, спасибо тебе, прекрасная дева, чья краса подобна свету луны над гладью ночного озера. Знаю, что я — всего лишь скромный и недостойный последователь Будды, но клянусь, что буду поминать тебя в своих молитвах и желать всяческих благ!

— А ты забавный.

— Знаю! Мне все так говорят. А еще я красивый и скромный. — Оборотень самодовольно огладил шерсть на хвосте.

— Дайхиро! — перебила его Мия. — Потом поговорим. Надо уходить.

Тануки развел лапами:

— Как, Мия-сан? На стенах защита, а в погребе стоит ловушка.

— Что же делать?

— Прятаться, — философски пожал плечами тануки.

— Такухати тебя найдет.

— Не найдет, если ты принесешь мне лопух.

Глаза Кумико округлились.

— Зачем лопух? — глупо спросила она.

Мия, немного знавшая об особой магии ёкаев, которой владел ее друг, не стала спорить. Только сосредоточенно кивнула и выбежала.

Вернулась она всего через пару минут, неся сорванный у стен школы пожухлый лопух. Тануки придирчиво оглядел находку.

— Посвежее ничего не было? — возмутился он. — Он же старше меня.

Мия фыркнула:

— Ничего не старше. Сейчас зима, скажи спасибо, что хоть такой нашли.

— А дырок-то! Дырок-то сколько! — Оборотень просунул палец в одну из них.

— Не ворчи, — строго сказала Мия и положила лопух на голову другу. — Давай!

— Ну ладно. — Тануки сел в позу лотоса, зажмурился и забавно надул щеки.

— Ой! — громко ахнула Кумико.

Акио Такухати открыл глаза и подмигнул дочери самурая:

— Что скажешь, красавица? В таком виде я тебе больше нравлюсь, а?

Голос у него остался прежним — смешным и ворчливым, что в сочетании с благородным и высокомерным лицом самурая производило странное впечатление.

Тануки встал в полный рост, с наслаждением потянулся и оглядел себя, как мог, — простое темное кимоно, серая куртка хаори, мощные запястья, покрытые короткими черными волосами. На красивом лице директора появилась совершенно несвойственная ему забавная улыбка.

— Всегда хотел быть повыше. — Он перевел взгляд на Кумико. — Что скажешь, прекрасная дева? Мне идет, а?

Та сглотнула и кивнула, глядя на оборотня снизу вверх восхищенными глазами.

— Дайхиро, ты уверен, что... — начала Мия.

— Абсолютно, — перебил ее оборотень. — А сейчас мы позабавимся!

Когда час спустя Акио Такухати заглянул в комнату, то обнаружил в ней только изгрызенные веревки на полу. Если бы тануки мог слышать все, что сказал в этот момент опальный генерал, он бы, несомненно, был польщен.

Глава 3

ОХОТА НА ЁКАЯ

Этот день надолго запомнился обитателям «Медового лотоса» шумом, беготней и общей атмосферой веселого сумасшествия. К вечеру наставницы собрались в комнате выпить чаю и обсудить странное поведение директора на протяжении дня. Сначала Акио Такухати велел всем собраться во дворе, совсем как полторы недели назад. Потом отправил по домикам, категорически запретив покидать жилище, но уже через полчаса зашел лично в комнату к каждой и отменил запрет. Да еще и приказал устроить обыск на территории школы, поскольку по дошедшим до него сведениям где-то в стенах «Медового лотоса» скрывается тот самый самханский лазутчик.

— Но что мы сможем сделать, если наткнемся на него? — возразила госпожа Оикава, которой совсем не нравилась вся эта суета, из-за которой сорвались занятия.

Такухати широко улыбнулся и подмигнул ей:

— Громко зови меня, красавица. Я прибегу и — ух! — покажу ему. — И, обращаясь уже ко всем гейшам, объявил: — Вообще, чуть что покажется не так — кричите. Шпион — это вам не шутки.

Шпион и вправду скоро обнаружился. Он подкрался к наставнице по танцам, когда та осматривала купальню, и громко сказал ей на ухо: «Бу!» Расплата за этот легкомысленный поступок последовала незамедлительно: гейша завизжала.

— Тише, тише, — возопил шпион, затыкая уши. — Боги! Женщина, да тебя можно использовать вместо оружия на поле боя. О, мой слух!

В ответ наставница завизжала еще громче. Когда на ее визг прибежали другие гейши, устранившийся самханский лазутчик уже покинул помещение купальни, не отнимая рук от ушей.

И это было только начало...

Вскоре помещение школы наполнилось беготней и женским визгом. А поскольку к наставницам присоединились и ученицы, бедлам стал совсем уж невозможным. Странно раздвоившийся директор мелькал то тут, то там. Отдавал противоречивые приказания, то пытаясь загнать женщин по домам, то требуя, чтобы они ни в коем случае не сидели на одном месте, поскольку так они подвергают свою жизнь риску — ведь, несомненно, лазутчик только и ждал, чтобы несчастные женщины остались в одиночестве, чтобы надругаться над ними самым противоестественным способом.

Каким именно способом, директор не уточнял.

Временами на территории видели шпиона. Его появление отмечалось особенно громким визгом. А наставница Оикава даже разбила кувшинчик для саке, с перепугу швырнув его в лазутчика, когда тот, объявившись на кухне, попробовал ухватить ее за задницу.

Бардак прекратился сам собой, когда задержавшийся из-за всех этих событий почти на час гонг все-таки зазвенел, призывая учениц и наставниц идти обедать. Вторая половина дня прошла на удивление мирно, если не считать злого, как сотня демонов, Такухати, который мелькал то тут, то там, допрашивая наставниц и майко. То тут, то там виднелось его черное кимоно и звучал резкий, отрывистый голос.

Сейчас, за чашкой вечернего чая, наставницы вспоминали дневную суету с улыбкой. Слишком редко что-то нарушало распланированный и расписанный порядок школы, и случившееся безобразие изрядно повеселило и развлекло скучавших в глуши женщин.

И все же поведение Такухати нуждалось в объяснении, и такое объяснение было найдено.

«Определенно директор не в себе», — единогласно решили гейши на вечерних посиделках.

А несколькими часами раньше Мия, Кумико и оборотень в облике Такухати прятались за сваленными в груды мешками на заднем дворе и вслушивались в беготню и визги. Мия хмурилась, на красивом лице лжедиректора цвела довольная улыбка.

— Ах, Мия-сан, — воскликнул оборотень, — что за чудесное место эта твоя школа! Простить себе не могу, что не пробовал пробраться сюда раньше. О, какие изумительные женщины ее населяют...

— Надо уходить, — серьезно ответила Мия. — Он сейчас разберется, что происходит, и найдет тебя. Прикажи открыть ворота.

Оборотень покачал головой:

— Нельзя. Сама посуди, если бы ты ловила кого-то, кто может уйти только через открытые ворота, ты бы что сделала?

— Что? — спросила Кумико, пожирая тануки восхищенным взглядом.

— Поставила бы там ловушку, разумеется, — отозвался Дайхиро. — Нет, через ворота ходу нет. Эх, если бы я умел летать...

Он поднял лицо к небу и полюбовался на облако неприличной формы, застывшее прямо над их головами.

— Летать? — Мия вскочила. — Ну конечно же! Летать! Ждите меня здесь!

— Стой! Куда ты, скверная девчонка? Ну вот, убежала. — Оборотень огорченно развел руками и повернулся к Кумико. — Не знаешь, чего она придумала?

— Нет, — мотнула головой дочь самурая. — А ты можешь всегда быть таким?

— Каким?

Кумико покраснела и отвела взгляд.

Мия вернулась к их убежищу всего через несколько минут.

— Я все устроила! Дайхиро, пошли со мной! Быстрее, пока не появился директор.

— Стой! Что ты придумала? Куда ты меня тащишь?! Да погоди же... — Возмущение тануки пропало втуне, маленькая майко приволокла его к загону, не обращая внимания на град вопросов.

— Вот! — объявила она, показывая на огненную птицу за загородкой, которая разглядывала подошедшую компанию, чуть склонив набок голову. — Хоно обещал отнести тебя в горы.

Лже-Такухати явственно побледнел.

— Э-э-э... Мия-сан, ты уверена, что это единственный способ? — спросил он слабым голосом. — Я высоты боюсь вообще-то.

— Уверена! — отрезала Мия. — Давай быстрее, пока директор нас не нашел.

Как бы подтверждая ее слова, из окна школы долетел рычащий голос опального генерала:

— Еще раз: кто велел вам покинуть дом, госпожа наставница?!

Дайхиро поежился. Голос Такухати заставил его вспомнить об урагане, который случился пару лет назад. Как стонали и кряхтели деревья, стучали друг о друга стебли бамбука и срывало солому с крыш. Как на следующий день он, рискнув выйти в поисках съестного, обнаружил столетний дуб лежащим на боку. Вывернутые корни торчали в небеса молчаливым укором.

— Ладно. Если что, моя смерть будет на твоей совести. — Повернувшись к Кумико, он ухватил девушку за руку и поднес ее к губам. — Надеюсь, видимся не в последний раз, красавица.

Задорная улыбка на мрачном лице Такухати смотрелась неуместно, но Кумико разом вспыхнула и уставилась на оборотня влюбленным взглядом.

Дайхиро еще раз подмигнул девушкам и одним прыжком перемахнул через заграждение, где уже ожидала огненная птица. Минуту спустя фэнхун расправил крылья. Алое пламя в его груди разгорелось, словно под воздействием кузнечных мехов. Ветер рванул одежду на майко, огненная птица поднялась в небо и полетела в сторону гор.

Акио Такухати был в бешенстве.

К неприятному ощущению поражения, которое он — высокорожденный самурай — потерпел от какого-то ёкая, примешивалось очень паскудное и незнакомое ему ранее чувство.

Такухати ощущал себя идиотом.

Он ходил с этим ощущением всю вторую половину дня и до морозной дрожи в пальцах хотел сорвать на ком-то злость.

Бесило все. Глушь. Сырость в воздухе — с утра собирался, но так и не собрался дождь. Недоразумение, которое здесь называли зимой. Девки, провожавшие его испуганными и восхищенными взглядами. Наставницы, поджимавшие губы при виде директора.

Бабы. Сборище тупых клуш, неспособных отличить самурая от подделки!

Какого демона он делает в этом курятнике?!

Двадцать ударов палкой по пяткам! Каждой тупой гейше в этом бабском гадюшнике! Чтобы в следующий раз четко следовали отданному приказу!

При мысли о необходимости устроить выволочку наставницам в глазах темнело от бешенства, и Такухати боялся не справиться с собой. Такое же бешенство накатывало при виде невинно хлопающего глазами фэнхуна. Майко уже доложили, что тот отнес «директора» куда-то в горы. Летун и не скрывал — да, отнес. А почему не отнести, если хозяин приказал? Да, потом вернулся обратно, потому что приказ, а Хоно давно собственность генерала и помнит, что приказы не обсуждаются... Нет, ему ничего не показалось подозрительным. Генерал говорил с ним мыслеречью, как всегда.

Ёкай? Мыслеречью?!

Хотя кто их, ёкаев, знает...

С ладоней сорвались голубые молнии и ушли в землю, заставив взлететь вверх фонтанчики грязи.

Легче не стало.

Акио одним прыжком забрался на спину предательской птице и скомандовал: «В горы!»

Высота и бьющий в лицо ветер немного помогли успокоиться, но не остудили до конца ярости.

«Вниз!» — велел он, заметив ровную площадку среди скал. Спрыгнул, опустил руку и рывком поднял свою тень, подарив ей объем и плоть.

Опасное занятие — вызывать Темного Двойника. В самый раз для самоубийц и психов.

Тень ударила подло, без предупреждения. Такухати в последний момент успел вскинуть меч.

И начался бой.

Текла по пальцам магическая сила, дрожало голубое пламя на лезвии катаны, стонал и свистел воздух. Двойник бил подло, растекался по земле, уходя от удара, и снова вставал за спиной. Его сотканный из тьмы меч успел срезать прядь волос и вспороть кожу на плече, прежде чем Акио разрубил тень надвое. Черной тряпочкой двойник сполз к ногам, свернулся на привычном месте, как нашкодившая псина.

Такухати криво ухмыльнулся. Паскудная мысль, что он стал посмешищем в глазах пятидесяти женщин, больше не вызвала неконтролируемой ярости, бешеный гнев сменился холодной трезвой злостью. Генерал вложил катану в ножны и перевел взгляд на летуна.

Это был первый из трех собственноручно пойманных им фэнхунов. И единственный, оставшийся в живых после огненной долины.

Раньше Такухати воспринимал фэнхунов как нечто неодушевленное. Разумность огненных птиц была большим подспорьем и облегчала управление ими, но и только. Акио никогда не приходило в голову относиться к этим созданиям как к существам, наделенным волей и собственными желаниями.

— Значит, ты утверждаешь, — произнес генерал обманчиво-спокойным голосом, — что отнес меня по моему приказу в горы и вернулся обратно. И тебе ничего не показалось странным или неестественным?

Фэнхун безразлично качнул головой.

«Врет! — подумал Такухати, изумляясь наглости твари. — Знает, что я ничего ему не сделаю, и врет».

Он мог причинить птице боль. Притушить ее пламя или даже убить. Но это было равносильно тому, что засечь кнутом до смерти дорогого чистокровного жеребца.

К тому же он в любой момент ждал послания из столицы. Если потребуется лететь, каждая минута промедления будет играть против него. А чтобы осилить путешествие, птица должна быть полна сил.

— Аркан накинута, — сообщил он фэнхуну. — Чтобы никуда не летал без моего разрешения.

Фэнхун возмущенно вскинул голову. Ему, как и его сородичам, полеты были необходимы. Костров, которые жгла прислуга для птицы, не хватало. Летун нуждался в близости небесного огня Аматаэрасу, раз уж огненная кровь земли была далеко.

— Захочешь — проси, — безразлично бросил Такухати, устраиваясь на спине птицы. — Возвращаемся!

У женщин в школе слишком много свободного времени, которое они тратят на бабскую суету и

сплетни. Акио мрачно ухмыльнулся и подумал, что знает, чем занять бывших гейш. Служанкам не помешает пара дней отдыха, а наставницам полезно будет вспомнить, что в жизни есть куда более неприятные занятия, чем выполнение простого приказа не покидать комнату.

— Похоже, она сегодня не придет.

— Неудивительно, — хмыкнул Джин. — После того, что ты устроил в школе.

Луна спряталась за тучи, и, если бы не звериное обоняние, тануки вряд ли сумел бы заподозрить, что рядом есть еще кто-то. Самханец умел становиться незаметным.

Вот и сейчас. Не хрустнула ветка под ногой, не зашуршала палая листва. Лазутчик появился за спиной оборотня незаметно, будто из воздуха.

— Пойдем, что ли?

— Совсем совесть потерял — так выскакивать? В следующий раз я перегрызу тебе горло с перепуга. И мне даже не будет стыдно, потому что ты сам виноват.

— Договорились, — со смешком согласился Джин.

Дайхиро бросил еще один взгляд на погруженную в сон школу и подумал, что Мия непременно будет ругаться, если узнает, что он пришел под стены ее встречать.

В темноте узкая горная тропка все норовила вывернуться из-под ног и завести не туда.

— Мне нужна твоя помощь, — нарушил молчание самханец.

— Мало ли чего кому нужно. Я бы вот сейчас не отказался от запеченного барашка. — Дайхиро мечтательно вздохнул.

Вообще, тануки был совершенно не против помочь самханцу. Лазутчик ему нравился. С ним было весело. Джин умел поддержать шутки оборотня, отлично играл в го и вообще был правильным, своим парнем. Вроде и самурай, но совсем не такой надутый, как иные расфуфыренные павлины.

Но бросаться выполнять чужие просьбы по первому слову Дайхиро считал стратегически неверным.

— Перелом сросся, — продолжал Джин, словно не услышал про барашка. — Будь я один, перешел бы горы, добрался до Идогамы, а там нанялся на корабль. Но я хочу забрать Мию с собой, а на ней браслеты.

— А еще у тебя нет денег, и тебя ищет каждая собака в округе, — услужливо подсказал тануки. — Кроме того, зимой через горы попрется только полный псих, и, клянусь Буддой, я скорее съем свою чашу для подаяний, чем отпущу девочку с тобой на перевал.

Джин кивнул, соглашаясь со всеми приведенными аргументами.

— Поэтому мне нужен маг и деньги. В столице есть люди, которые могут обеспечить и то и другое.

— Так в чем проблема? — хмыкнул оборотень. — Отправляйся в столицу.

— Если я объявлюсь, меня так просто не отпустят. И вытащить Мию будет куда сложнее. Поэтому я хочу, чтобы письмо передал ты.

— Я? — изумился оборотень.

— Ты же бывал в городах.

— Бывал, но... — Дайхиро задумался.

— Я предложил бы тебе деньги, но не уверен, что ты не оскорбишься, — продолжал самханец.

— Деньги? — оживился тануки. — Нешто я дурак, от денег отказываться? Но Мия важнее. Так что, если хочешь моей помощи, выкладывай все как есть, самханский прихвостень!

— Что выкладывать?

— Кто ты такой — для начала.

Джин вздохнул:

— Это опасная информация, Дайхиро. Если ты попадешься полиции или тем более секретной службе, тебе лучше не владеть ею.

— Тогда шиш тебе, а не письмо.

Джин снова вздохнул, и некоторое время они шли рядом в молчании, а потом оборотень начал громко и со вкусом рассуждать о ста тридцати способах засолки рыбы — один другого замороченнее.

— Ладно! — перебил его самханец. — Слушай...

И наклонился к самому уху толстенького монаха.

Тануки выслушал тихий шепот и присвистнул:

— Ничего себе!

От чувств оборотень даже запрыгал на одном месте и громко, с удовольствием выматерился, помянув свою матушку и духов гор в весьма фривольном контексте.

— Так что же тебя прислали артефакт воровать? — спросил он у самханца. — Попроще никого не нашлось?

— Меня не присылали, — со смешком отозвался мужчина. — Самхан полностью устраивает цунами, смерть сёгуна и последующий разброд на Благословенных островах.

— Тогда почему?

— Считаю, что мне очень не понравилась эта идея. Так что я сам себя прислал.

Тануки покивал. Он не разбирался в политике, но был неглуп, и ему не составило труда представить последствия озвученного Джином сценария.

— Отнесешь письмо?

Дайхиро задумался. Слова самханца разом поставили все на место. Включая нежелание Джина делать Мию наложницей.

Отдать девочку самханцу? Не лучше ли будет ей в гейшах, чем в той банке с пауками, куда Джин планирует увезти маленькую майко?

Оборотень вздохнул. Он ощущал себя отцом взрослой дочери. Категорически не готовым к этой роли отцом.

Отпустишь — гадай потом, не сделал ли ошибки. А не отпустишь — оставишь несчастной на годы. Только слепой не заметит, как восхищенно Мия смотрит на самханца, как ловит случайные прикосновения, как внимает каждому его слову.

Да и хороший парень этот Джин. Правильный. Порядочный даже. Неизвестно еще, встретится ли кто подобный Мие в будущем. И он правильно сказал — из девочки не получится хорошей гейши. Слишком остро все переживает, слишком искренняя, не умеет лгать ни себе, ни другим.

— Твоя взяла, — неохотно выдавил тануки. — Пиши письмо.

Глава 4

ДЕМОНЫ

— Приветствую вас, воин! — раздался над ухом сладкий женский голос.

Джин уронил почти законченную фигурку нэцкэ и метнулся, уходя с линии огня. В два прыжка он достиг дверей храма и скрылся за ними.

Но женщина была одна.

Она стояла посреди двора — невысокая, изящная. Глаза раскосые, чуть вытянутые к вискам, алые губы как два лепестка мака. Темно-рыжие волосы уложены в сложную прическу и обрамляют лицо.

Красивая. Очень красивая и, несомненно, из знатной семьи, несмотря на черные глаза. Не может у простолюдинки быть такой изысканно бледной кожи, похожей на дорогой императорский фарфор. Да и розовое кимоно из шелка, расшитое танцующими лисами, говорит о знатном происхождении его владелицы.

Что делает здесь, в заброшенном храме в горах, красивая и знатная женщина?

И почему Джин не слышал, как она подошла?

— Не надо бояться меня. Я не причиню вам вреда. Я принесла обед.

В доказательство своих слов она показала корзинку, в которой лежали рисовые лепешки и глиняная бутылка, в какие обычно наливают sake.

Одна... Если Джин не совсем ослеп и оглох, она действительно одна здесь. Ее не сопровождает толпа самураев, вокруг храма не прячутся воины наместника, вознамерившиеся взять неуловимого лазутчика. Женщина (а вернее будет сказать, девушка — слишком юное и свежее

у нее личико, пусть пояс кимоно и завязан так, как полагается его завязывать замужним дамам) не заблудилась в горах. Она пришла сюда специально.

Да кто она, ёкай ее побери, такая?

Он внезапно понял, кто, и чуть было не рассмеялся.

Девушка умоляюще протянула руки в сторону заброшенного храма. Чуть театральным, нарочитым жестом. словно не сомневалась, что мужчина наблюдает за ней. Вся — изящество, грация и скрытый соблазн.

— Пожалуйста! — Голос звучал чарующе и нежно. — Мое имя — Мэйэр. Раздели со мной эту трапезу, о воин!

— Я и вправду не откажусь от лепешек, — весело согласился Джин, убирая нож и появляясь в дверном проеме. — Вот только ты уверена, что они не превратятся в листья или комки грязи?

Женщина оскорбленно поджала губы:

— О чем ты говоришь?

— Брось, Ху Мэйэр, [Ху (кит.) — лиса.] — добродушно фыркнул Джин, называя гостью именем рода. — Не надо считать меня дураком. Давай, признавайся: где взяла лепешки?

Женщина разочарованно вздохнула. На голове ее мелькнули и пропали острые лисьи ушки.

— В ближайшей деревне, — произнесла она уже другим, куда более низким и чувственным голосом.

— Тогда давай обедать.

Она с достоинством последовала за ним внутрь храма, поморщилась, ощущая в помещении одной ей слышный запах тануки, и выложила на циновку содержимое корзины.

Джин насмешливо наблюдал, как кицунэ опускается на пол — в каждом жесте изящество и грация, достойные императрицы. Хороша! Молоденькая совсем, еще не вошла в полную силу. Только учится соблазнять мужчин, но уже бесстыдно, невозможно хороша.

И не сказать, чтобы лисьи чары совсем не действовали. Но Джин знал, кто сидит перед ним. А огненная кровь земли, текущая по венам самханца, позволяла ему противостоять магии кицунэ.

Главное, не позволять ей дотрагиваться до себя.

— Изумительно, — признал Джин, уплетая принесенные гостинцы. — Спасибо, Ху Мэйэр. А теперь рассказывай.

Девушка изящно отщипнула от лепешки и взмахнула длинными ресницами.

— Что рассказывать, о воин?

— Зачем я тебе сдался?

Она взглянула на него снизу вверх, и в этом взгляде были покорность и страсть.

— Я видела тебя сегодня во дворе.

— И что?

— Знак Хо-Ланг-И на твоей спине... — Она закусила губку, полуприкрытые ресницами глаза алчно сверкнули. — Он настоящий?

Джин поморщился. Сегодня он впервые рискнул провести полную тренировку, не давая поблажек сросшейся лодыжке. Стирать кимоно после двухчасовой отработки ударов показалось ему утомительным, поэтому он просто снял его.

И надо было рыжей оказаться рядом как раз в этот момент!

— Поверишь, если я скажу — нет?

Кицунэ покачала головой. Подалась вперед, попробовала дотронуться до него, но Джин отпрянул.

— Знаешь, я могу подарить мужчине такое наслаждение, которое он даже не в силах представить.

— Знаю, — жестко ответил Джин, — но нет, Ху Мэйэр.

Она обиженно надула губы:

— Почему?

Самханец поморщился:

— Тебе не кажется, что в этом есть что-то от людоедства?

— Ну и что? — Она небрежно повела плечами. — Да, мне нужно любить мужчин, чтобы оставаться молодой и красивой. Я делаю их счастливыми, а взамен они дарят мне свою силу.

Джин смерил ее взглядом. Он мог бы сказать многое. Например, что каждая ночь с кицунэ стоила ее жертве нескольких лет жизни. Чем меньше магии нес в своей крови бедолага, рискнувший любить лису, тем дороже оплачивал ее ласки. Или что мужчины редко догадывались о дани, которую взимала рыжая красotka за свою благосклонность.

Но зачем? Бессмысленно винить волка в том, что он режет овец. Такова его природа.

— Я не собираюсь судить тебя.

Она подалась ближе. Меж приоткрытых губ мелькнул остренький язычок.

— Тогда дай мне то, чего я так хочу, о Тигр. Ты же знаешь — тебе это ничего не стоит! Ты мог бы взять в жены такую, как я, и любить каждую ночь, не опасаясь, что богатство отмеренных тебе лет уменьшится хоть на один день.

Джин стиснул зубы. Она не знала, о чем просила.

И хорошо. Еще не хватало, чтобы о таком знал каждый ёкай в деревенской глуши. Достаточно того, что она разбирается в магических родовых знаках.

Должно быть, лисица сильно оголодала. Здесь, в горах, нечасто встретишь высокорожденных магов.

— Нет, — отрезал мужчина.

Кицунэ горестно вздохнула.

— Как знаешь. Саке? — Она потянулась к бутылки.

— Я не люблю холодное саке.

— Я подогрею. — И снова этот взгляд. Взгляд, за который смертный мужчина отдаст жизнь и душу. Изящные белые ручки ухватились за бутылку. Лебединый изгиб шеи, чуть округлившись, влажные губы...

Иллюзия, но какая совершенная. Вся — соблазн и страсть.

Чтобы отвлечься, Джин ущипнул себя за руку чуть выше локтя. Не помогло. Лисьи чары оплетали, окутывали храм, пронизывали воздух, наполняя желанием и вождением. Девушка... нет, лисица — он решил называть ее так, чтобы не забыть об ее истинной природе и не поддаваться соблазну — хищно облизала язычком губы.

В храме остро запахло сандалом и мускусом — призывно, возбуждающе. Джин смотрел на нее, не отрывая взгляда. Кимоно само собой чуть распахнулось, словно приглашая. Руку, протяни только руку, самханский тигр, и она будет твоя. У тебя уже давно не было женщины, не считать же ту возню в горячем источнике за секс. А вот она — здесь. Такая сладкая, влажная, податливая, готовая на все...

Кицунэ застонала и подалась навстречу, пытаясь впиться в губы поцелуем. И тут же жалобно взвизгнула, как собака, которой отдавили лапу, потому что самханец перебросил ее через себя и вывернул за спину руку. Теперь лисица лежала на животе, а колено Джина упиралось ей в спину.

— Пусти, — захныкала кицунэ.

— Пусти, — спокойно сказал Джин. — Потом ты уйдешь отсюда, Ху Мэйэр, и больше не вернешься.

Он удерживал руку пленницы вывернутой. Несильная, но постоянная боль не давала лисице применить магию.

Кицунэ поерзала, тщетно пытаясь прижаться к нему ягодицами, за что получила болезненный шлепок пониже спины.

— Хватит! Я никогда не охотился на твоих сородичей и не хочу начинать, но если в следующий раз ты попробуешь применить ко мне чары, я убью тебя.

— Но почему? — обиженно спросила лиса. — Разве я не хороша? Я тебе не нравлюсь?

И снова зазмеилось, потекло нестерпимое жгучее желание. Дразнящий запах мускуса, изящное и беспомощное тело в его руках... Сорвать с нее кимоно, войти прямо так, без предварительных игр, выплеснув копившееся месяцами вождение.

Джин чуть усилил нажим, заставив кицунэ жалобно вскрикнуть. Наваждение прекратилось, но

возбуждение осталось, будь проклято лисье колдовство.

— Хороша и нравишься, — он старался, чтобы его голос звучал бесстрастно, — но это не основание идти на поводу у похоти. Я не завтрак для тебя, Ху Мэйэр. И у меня уже есть женщина.

Джин поднялся сам и заставил подняться кицунэ. Довел ее до ворот и лишь тогда отпустил.

Она повернулась, скользнув на прощанье полным жгучей обиды взглядом, упала на четвереньки, махнула одним-единственным пушистым хвостом[Согласно мифу, каждые сто лет у кицунэ вырастает еще один хвост. Чем старше лисица и чем больше у нее хвостов, тем могущественнее она. Максимальное количество хвостов — девять.] и скрылась в зарослях.

В свете ламп купальня казалась совсем другой. Непривычной. Незнакомой. Тревожный танец света и тени рисовал на потемневших от времени стенах искореженные силуэты чудовищ.

— Почти закончили. — Сизука, рисовавшая иероглифы на огромном листе бумаги, подняла голову. — Сейчас тушь высохнет, поставим тории,[Ритуальные ворота, устанавливаемые перед святилищами.] и можно начинать.

Остальные девочки радостно закивали. Их глаза блестели в предвкушении. Мия поежилась.

Она уже жалела, что согласилась участвовать в этом. Все было как-то не так...

Тревожно было. То ли от места, то ли от того, чем они собирались заняться.

Взывать к миру духов — традиция будущих гейш. Каждую майко волнует, каким будет ее будущее. Какой мужчина купит ее на аукционе, как будет складываться ее работа в чайном домике? А может, удастся найти богатого покровителя-данна, который станет оплачивать все ее расходы, тем самым избавив от необходимости принимать других мужчин?

Духи знают, что кому предстоит. Каждому воздастся по делам его...

«У меня ничего этого не будет. Ведь я уеду с Джином», — подумала Мия. И испугалась, что духи расскажут об этом остальным девочкам.

И тут же захотелось узнать — как оно будет? Там, в Самхане?

Раньше ее никогда не звали на такие посиделки. Ученицы устраивали их раз в месяц, на двадцать второй лунный день. Через полчаса после ночного гонга домик наполнялся смешками и шорохом одежды. Мия лежала, притворялась спящей и слушала, как майко тихо перешептываются, собираясь на ночное гадание.

Возвращались они поздно ночью, когда Мия уже видела десятый сон, а на следующий день все поголовно клевали носом на занятиях.

Сизука нарисовала стилизованное солнце и луну и отступила, чтобы полюбоваться на свою работу.

— Хорошо, — сказала она, извлекла из складок одежды потемневшую от времени, чуть щербатую миску и швырнула в нее одинокий черный боб. Тот покатился по краю, пока девушка, закатив глаза, бормотала под нос скороговоркой заклинание.

Сизука оборвала речитатив резко, на выдохе. Уставилась на Мию. В сумерках радужка ее черных глаз казалась нереально огромной.

— Рисуй ворота!

— Я? — растерялась Мия. — Почему я?

— Ты новичок. Ворота рисует или самый младший, или новичок.

— Но... — Все посмотрели на нее, и Мия осеклась.

Признаваться в своих детских страхах было неловко.

Она взяла кисть, склонилась над огромным листом бумаги, похищенным из класса каллиграфии. Почти половина его была предназначена для стилизованного изображения тории — ворот в мир духов.

Неловко, словно в первый раз в жизни, она окунула кисть в баночку с тушью, прошлась ею по бумаге, оставляя жирную черную полосу.

Странная дрожь прошла по руке, отдалась в кисти, чуть было не испортив безупречную линию. Мия помедлила и после насмешливого вопроса Оки «ну, чего ты копаешься?» нарисовала вторую линию.

И снова это странное, нехорошее чувство. Как будто она рисовала больше, чем просто линию. Как будто что-то исходило от нее, и удержать это что-то Мие не доставало ни сноровки, ни умения.

Она подняла голову:

— Может, лучше кто-то другой?

Сизука фыркнула:

— Ну уж нет! Ты начала — ты и достраивай ворота. Или духи обидятся.

— И побыстрее уже. А то до утра тут просидим, — возмутилась Ичиго.

И правда, чего она медлит? Что за глупые страхи на ровном месте?

Мия стиснула зубы и в два движения довела рисунок до конца. На мгновение ей показалось, что перед глазами мелькнула фиолетовая вспышка и в воздухе разлился запах гнили. А потом все исчезло.

Ворота лежали перед ней. Такие большие, что, будь они настоящими, в них легко можно было бы просунуть руку.

В рисунке ощущалось что-то странное. Неправильное. Но Сизука уже опустила миску на расписанный лист бумаги. Девочки сели в кружок. Правой ладонью Мии завладела Оки, левую взяла Кумико. Ученицы нараспев начали произносить слова заклинания призыва:

Коккури-сан, Коккури-сан...

Мия повторяла за ними слова, а в голове все вертелся вопрос — что же было не так в

нарисованных ею воротах.

...додзо ойдэ кудасай!

Тушь! Она высохла сразу, почти мгновенно, стоило Мие довести последнюю линию! Так не бывает, всегда нужно время...

Могии ойдэ ни нарарэмацтара...

Раскрыв рот, она смотрела, как пространство за схематичными черточками, означавшими врата в иной мир, наливается густым аметистовым светом. Казалось, никто больше из майко не замечал, как происходит что-то невозможное и опасное.

— *...дай нам знак!*

Ей показалось, что раздался тихий смешок. Синхронно моргнуло пламя в масляных лампах. Притухло, чтобы разгореться вновь с утроенной силой. Серая тень скользнула из распахнутых ворот, окутала на мгновение тело Сизуки и исчезла.

С потусторонним ужасом Мия наблюдала, как на лице ученицы появляется жутковатая усмешка.

Миска под пальцами Сизуки шевельнулась и переползла на иероглиф «да».

Девочки дружно выдохнули.

— Можно я? Я первая, — громко шепнула Ичиги. И, не дожидаясь ответа, положила кончики пальцев на миску. — Меня купит красивый мужчина?

Миска заскользила по листу бумаги. На первый взгляд могло показаться, что Сизуки и Ичиги двигают ее, но нет. Их пальцы лишь слегка касались шероховатой поверхности. Сделав почти полный круг, миска остановилась над иероглифом «нет».

— У-у-у... — Ичиги разочарованно шмыгнула носом, но оспаривать волю духов не посмела.

— Теперь я! — объявила Оки.

Взгляд Мии метался. Прочие майко выглядели заинтересованными и довольными, словно не происходило ничего странного. Просто не замечают? Или гадание всегда так проходит?

— А? — Она не сразу поняла, что вопрос адресован ей.

Остальные девочки смотрели на нее настороженно и выжидательно.

Кумико шутливо толкнула Мию локтем.

— Твоя очередь спрашивать, — подсказала она.

— Я не хочу...

Лица остальных вытянулись.

— Как это не хочешь? — обиженно сказала Оки.

— Не ври. Все хотят знать будущее.

— Ты должна задать вопрос, — громко произнесла Сизука, глядя на Мию в упор нереально огромными черными глазами. — Дай руку.

Разве раньше у нее был такой голос? Такой густой, низкий, угрожающий...

— Ну же, — снова подтолкнула Кумико. — Ты всех задерживаешь.

Под прицелом семи пар глаз Мия неохотно протянула руку к миске и положила кончики пальцев на глиняную поверхность.

— Твой вопрос?

— Я буду счастлива? — спросила Мия.

Не уточняя, где и как, удастся ли побег и что именно ждет ее в чужой стране. По большому счету это не важно. Важно только одно — не делает ли она ошибки, соглашаясь променять известное будущее на парящего в небесах журавля.

Миска завертелась на одном месте, закружила по листу бумаги, выписала несколько причудливых виражей, задерживаясь у иероглифов «предательство», «сила», «проклятие», и остановилась напротив иероглифа «карма».

Странная ухмылка искривила красивое лицо Сизуки, превращая его в уродливую маску.

Как много у нее зубов... И почему они такие мелкие?

— Вряд ли, деточка. — Низкий и шипящий голос заполнил все пространство купальни до последнего уголка.

Тонкая девичья рука со странно удлинившимися и почерневшими ногтями перехватила запястье Мии, не давая оторвать пальцы от миски. Когти второй руки полоснули по вене, разрезая тонкую кожу. Кровь брызнула на бумагу, по капле на иероглиф «предательство», «сила», «проклятие» и «карма».

И сразу несколько капель на ворота-тории.

Контур врат вспыхнул аметистом, и тории раскрылись. Поднялись, разрослись на весь лист бумаги. Из них дохнуло потусторонним холодом и гнилью, завыл ледяной ветер, неся в себе вой неупокоенных душ.

Необычайно тощая рука высунулась из проема, вцепилась всеми восьмью длинными пальцами в край пола совсем рядом с местом, где сидела Мия. Она шарахнулась и поползла назад, не отрывая взгляда от проема. От ужаса горло свело, и крикнуть никак не получалось.

Рядом легла вторая рука, и из проема показался вытянутый череп, обтянутый бледной кожей. Демон ощерил огромную, в половину головы пасть, усеянную сотнями мелких игольчатых зубов. Мелькнул раздвоенный язык. С другого края прохода показалась сгорбленная спина, покрытая глазами...

И тут Кумико заорала.

Это послужило сигналом. Ученицы вскочили, визжа, шарахнулись к выходу, но у него уже

стояла Сизуки. Голодная ухмылка на ее лице копировала ухмылку демона.

Девочки заметались по враз ставшему слишком тесным помещению. Воздух над воротами гудел, а из все расширявшегося прохода лезли и лезли твари нижнего мира — приземистые, искореженные, невероятно жуткие в своем нечеловеческом уродстве.

Голос вернулся к Мие, лишь когда она оказалась в лапах клыкастого шестирукого демона, и Мия закричала.

Она билась и кричала, ничего не видя от паники, кричала, срывая голос. Острые когти пропоролы кожу на плече, смердящая пасть распахнулась, раздвоенный язык лизнул ее шею. Сквозь лишаящую разума панику Мия услышала голос твари, вселившейся в тело Сизуки: «Не трогать дитя вод! Она — моя!»

А потом дверь разлетелась на мелкие щепки. В проеме стоял Акио Такухати. Лезвие катаны в его руках полыхало синим пламенем, и таким же пламенем сияли его глаза.

Удар меча снова заставил Мию взвизгнуть. Теперь в страхе не за себя. С ужасом она смотрела, как Сизука покачнулась и осела. На ее месте остался стоять призрачный силуэт демона. Разрез на его теле переливался синим.

Еще один удар завершил начатое.

Демоны взвыли, державший Мию монстр отшвырнул ее в угол. Она больно ударилась локтем об пол и покатилась. Остановиться удалось, лишь наткнувшись на стену. Вжимаясь в угол и закрывая себе рот ладонью, девушка смотрела на битву.

Такухати двигался так стремительно, что Мия не успевала отследить его движения. Меч вспыхивал сапфировой молнией, оставляя в воздухе синие росчерки. Убитые медленно истаивали в воздухе.

Один из демонов подкрался к самураю со спины. Занятый сражением Такухати, казалось, не замечал его.

— Сзади! — крикнула Мия, уже понимая, что не успевает.

В последний момент Такухати обернулся. Демон полоснул его когтем по предплечью, оставив длинную кровавую царапину, но это было последним, что он успел совершить. Короткий удар меча рассек его надвое.

Прорвавшись сквозь орду демонов к гудящему проему врат, Такухати вложил катану в ножны. Окунув пальцы в царапину, начертил собственной кровью прямо над воротами в воздухе иероглиф «запираю»...

И все закончилось.

Захлопнулся воющий провал в нижний мир. В купальне не гулял больше смердящий гниением ветер. Лишь темневший на деревянном полу, словно выжженный, силуэт ворот напоминал о том, что здесь случилось только что.

Оставшиеся демоны, скуля, прыгали по купальне, тщетно пытаясь избежать карающих ударов. Разрубив последнего, Такухати убрал меч. Медленно осмотрел разгромленную купальню и жмущихся по углам испуганных девочек. Задержал взгляд на Мие.

— Итак, лучшая ученица, — голос директора был холодней, чем зима на его родном Эссо, — что здесь произошло?

— Девочки часто гадают. — Вид у наставницы Оикавы был жалкий. — Но никогда раньше...

— Ты знала, что это происходит? — ровно уточнил Акио.

В испуганном лице женщины было что-то неуловимо овечьё и безмерно раздражающее генерала. Очень хотелось рявкнуть на наставницу, но Такухати сдерживался.

— Знала, — убито подтвердила старшая гейша. — Мы все знали, господин директор. Все были майко, поэтому относимся к таким вещам с пониманием...

— Вот как? — Такухати еще раз оглядел купальню, задержав взгляд на контуре ворот-тории на досках пола. Отношение генерала к подобному «пониманию» читалось на лице без всяких слов. — Тогда я должен наказать и наставниц. Грязной работой на этот раз никто не отделается.

Бывшая гейша сглотнула.

— Я понимаю, господин Такухати, — признала она. — Нам всем повезло, что вы были рядом.

— Ты даже не представляешь, насколько повезло, — жестко подтвердил директор. — Слышала про Шима Каэдэ?

Наставница сглотнула и кивнула. Легенда об островке с несколькими рыбацкими деревушками, который полностью захватили демоны, пожрав души прежних обитателей, была известна каждому.

— Чтобы очистить потом Рю-Госо, потребовалась бы армия. Ты или кто-то из наставниц обязаны были сообщить мне об этих развлечениях. Магия не для простолюдинов. Как им удалось открыть проход в нижний мир?

— Я не знаю, — пролепетала госпожа Оикава.

Такухати поморщился:

— Ладно. Что с девочками?

— Большинство просто напуганы. Сизука ничего не помнит...

— Совсем ничего?

— Последние несколько дней.

— Повезло, — скривил губы Такухати. — Демон мог прихватить и больше перед уходом.

— ...Мия ранена.

Директор стиснул челюсть так, что под кожей заиграли желваки. Ему снова до ужаса захотелось рявкнуть на старую дурищу.

— Почему не доложили?

— Куда вы? — жалобно выкрикнула ему вслед наставница и засемила за стремительно шагающим мужчиной.

Он ворвался в зал для медитаций, где находились испуганные майко. Несколько девочек всхлипывали в объятиях наставниц, остальные, оживленно жестикулируя, обсуждали происшествие.

Мия сидела, привалившись к стене. Вид у нее был потерянный и несчастный.

Он пересек зал и склонился над девушкой.

— Покажи!

— А? — Она подняла бледное лицо. — Директор Такухати... это я виновата.

— Потом. Покажи, куда тебя ранили?

Она помотала головой:

— Это царапина.

— Сколько можно повторять? — процедил он сквозь зубы. — Не спорь со мной, лучшая ученица! Показывай. Ну! Или мне тебя раздеть прямо тут?

Она вспыхнула, отвела взгляд. Развязала пояс, обнажив перебинтованное плечо.

И правда — царапина. Залечивая следы, оставленные демоном, Такухати мимоходом удивился облегчению, которое испытал, когда понял, что с девушкой все в порядке.

— Я виновата... — снова начала Мия.

— Я знаю, — он погладил ее по голове, — вы все виноваты. И будете наказаны.

— Нет, это все я...

— Ты слишком много на себя берешь, лучшая ученица.

— Послушайте...

— Позже, Мия, — велел он, словно невзначай коснувшись ее щеки.

Уже не слушая девушку, Такухати вернулся к двери, из-за которой выглядывала наставница Оикава. Вид у гейши был такой, словно она вот-вот заплачет.

— Третий час ночи. Пусть идут спать, — сухо бросил он, поравнявшись с наставницей.

Она кивнула, признавая его правоту. Тронула его за локоть, привлекая внимание:

— Директор Такухати, простите...

— Что еще?

— Если можно, перенесите наказание на завтрашний вечер. Днем у девочек урок танцев, а

после палки больно даже ходить.

— Палка... — Акио задумчиво оглядел майко в зале. Его взгляд остановился на Мие, которая как раз закончила завязывать пояс.

В памяти снова всплыло состязание по танцам. Она плыла, невесомо скользила над полом, словно не касаясь его...

Поморщившись, генерал вспомнил, как ковыляли служанки в их доме после очередного наказания. Отец не терпел ни малейшего неповиновения и не признавал оправданий. Все слуги знали, что наказание за проступок будет жестоким.

— Думаю, мы обойдемся без палок, — задумчиво протянул Такухати, и наставница Оикава вздрогнула от предвкушающей улыбки на лице директора.

Глава 5

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Мия подняла руку, но не успела даже постучать. Дверь отъехала в сторону.

— Вы хотели меня видеть?

Это прозвучало так невинно — «хотели видеть». Мия догадывалась, зачем Такухати позвал ее. Но сказать вслух: «Вы собирались меня наказать?» — было выше ее сил.

Стоявший на пороге директор кивнул:

— Входи, лучшая ученица.

Она поежилась, сняла сандалии и робко шагнула за порог.

Мия уже бывала в домике директора, но раньше, до того, как в «Медовом лотосе» появился Акио Такухати.

Обстановка внутри неуловимо изменилась. Исчезла икебана в углу, миниатюры на стенах и вышитые подушечки, но появилась стойка с оружием. Не пахло больше ароматическими маслами. На стене висел кинжал со странным волнистым лезвием, похожим на застывший язык пламени, а на низеньком столике у стены стоял медный чайник. В воздухе ощущался еле заметный запах чая — чуть сладковатый и отдающий молоком.

— Хочешь чаю?

Доброжелательность его тона напугала. Мия не знала, как вести себя. Она была готова к тому, что директор разгневан. Но Такухати, казалось, пребывал в хорошем расположении духа, даже голос его, обычно резкий, звучал вкрадчиво.

Мия нерешительно кивнула. Она не хотела пить, но чаепитие позволяло оттянуть страшный момент.

А может, после приятной беседы Такухати сжалится и отпустит Мию?

Что он вообще собирается делать? Какое наказание за оплошность приготовил для нее?

Она села, наблюдая, как директор достает вторую чашку. Самханский фарфор — белый и тонкий, как лист бумаги. Из горлышка полилась бледно-желтая жидкость. Мия подняла изумленный взгляд на самурая:

— Это чай?

Он снисходительно улыбнулся:

— Чай. Молочный оолонг из Самхана. Попробуй, это вкусно.

Несмотря на странный цвет, напиток оказался действительно вкусным. Почти лишенный горечи и терпкости, легкий, с молочным послевкусием.

— Один из плюсов мира, — сказал Такухати, смакуя вкус чая. — Скоро будет больше самханских товаров.

Сердце в груди Мии дернулось и быстро застучало.

— Будет мир?

Он покосился на нее, словно удивляясь радости, звучащей в голосе девушки.

— Как медленно доходят новости в провинцию! Сёгун выдает свою двоюродную сестру за самханского принца. — Губы генерала скривила циничная усмешка. — Думаю, дети огня надеются на бескровную смену династии. У Ясукаты до сих пор нет наследника.

Рассуждения о правителях мало затронули Мию. Она думала только о том, что будет мир, а это значит, пропасть, разделившая ее и Джина, станет чуть меньше. И она, уехав с самханцем на материк, не будет чувствовать себя предательницей.

Мысли от политики перескочили к случившемуся в купальне. В тот вечер она пыталась рассказать Такухати о своих подозрениях, но сейчас, когда воспоминания чуть поблекли, все происшедшее казалось сном — нелепым и диким, какими часто бывают сны. Мия уже не была так уверена в собственной вине. Возможно, ей просто показалось. Возможно, остальные девочки видели и чувствовали то же самое, но каждая промолчала, чтобы не чувствовать себя глупо.

Такухати — маг, он должен знать, почему открылись врата.

— Потому, что мир полон жадных дураков, не желающих знать своего места, — ответил директор, наливая себе еще чая. — Прошлый маг школы открывал врата в Дзигоку, [Японский аналог ада, обиталище демонов.] пытаясь получить больше силы. Причем делал это как раз в купальне. Я нашел затертые следы прежних ритуалов. Однажды открытую дверь распахнуть куда проще. — Такухати скривил губы. — Себя убил, чуть жену не угрбил и вас...

Он не стал продолжать, но Мия вздрогнула. Перед глазами встала уродливая оскаленная харя, от которой несло мертвечиной.

— Себя убил? — нерешительно переспросила она.

Директор кивнул:

— По словам следователя, который осматривал тело, на нем следы воздействия демона. — Он усмехнулся. — Это не отменяет вашей вины, Мия. Я не знаю, в ком из вас спит магия. Скорее

всего, это воровка — в ее предках были самураи. Мне не интересно. Я просто хочу, чтобы ты и другие майко поняли: правилам и приказам нужно следовать беспрекословно. И я не уверен, что уже назначенного наказания достаточно, чтобы донести это до тебя.

Вот оно! Он сам заговорил о наказании. Мия допила чай, дрожащей рукой отставила чашку и сглотнула.

Приказом директора для выпускниц отменили ежегодную поездку в Мисаву на праздник кукол. Кроме того, всем майко в наказание за гадание была назначена тяжелая работа после занятий и до сигнала отхода ко сну. Из-за нее у Мии уже третий день не получалось выбраться к заброшенному храму. Она боялась, что Джин не выдержит и придет за ней сюда. Или еще хуже — подумает, будто она решила остаться, и уйдет один.

Она поймала взгляд Акио Такухати и вздрогнула. Показалось, синее пламя обожгло ее. Он отодвинул столик, поднялся, разглядывая девушку со странной улыбкой. Она смотрела на него снизу вверх и молчала.

— Встань.

Мия послушалась. Горели щеки, лицо.

Что? Что он сделает? К чему были все эти почти дружеские разговоры и почему он сейчас так смотрит на Мию?

— Ты помнишь наш уговор, лучшая ученица?

В животе тоскливо засосало. Такухати обошел ее медленно, плавной походкой хищника, заставляя вспомнить день их первой встречи. Тогда у него был такой же голодный и оценивающий взгляд.

— Вы обещали наказать меня, если я нарушу правила...

— Правильно, — прошептал над ухом низкий вкрадчивый голос. — Я всегда выполняю свои обещания.

Пальцы погладили шею, поднялись к уху, поправляя выбившуюся из прически непокорную прядь. Мия задрожала. Через силу, словно преодолевая невообразимое сопротивление, она повернула голову и подняла взгляд на Такухати, и сердце упало в пятки.

Нет, он не злился. Хуже. Предвкушал.

Такухати коварно улыбнулся и наклонился к ее уху:

— Надеюсь, тебе понравится.

— Что вы сделаете? — спросила Мия одними губами.

От паники путались мысли. Стук сердца отдавался в ушах, щеки пылали, а пальцы враз стали ледяными. Она сама не могла понять, почему эта ситуация и предвкушение в глазах директора вгоняли ее в такой ужас, но Мия внезапно ощутила себя беззащитной. Словно, нарушив правила и попавшись, она перешла незримую черту, отделявшую мир привычный, нормальный и предсказуемый от мира парадоксального и опасного. Здесь не действовали никакие правила, кроме права сильного.

— Увидишь. Раздевайся.

Мия попятилась.

— Нет, я не могу, — забормотала она, озираясь по сторонам в поисках помощи. — Я — собственность гильдии...

Он поморщился:

— Я не собираюсь тебя насиловать, Мия. Наш уговор в силе. Но для наказания ты должна раздеться. — В его голосе появилась насмешка. — Или мне самому это сделать?

— Вы меня выпорете, да? — жалобно спросила Мия, терзая пояс кимоно.

Ладно. Пусть высечет, это не страшно, заживет. Джин Мию и со следами порки примет.

Такухати поглядел на нее озадаченно, а потом рассмеялся:

— Стоило бы! — И тут же без перехода: — Выполняй приказ.

— Отвернитесь, — попросила Мия, все так же теребя край пояса, но директор только улыбнулся. На лице Такухати читалось, что он получает удовольствие от этой игры и что, как только ему наскучит уговаривать, он разденет Мию сам.

— Тебе помочь? — с притворной заботой спросил директор.

Мия помотала головой и, неожиданно рассердившись на собственную беспомощность, развязала узел на поясе. Швырнула его на пол. Туда же полетело простое ученическое кимоно. Она осталась в нижней рубашке и юбке.

— Тоже снимай.

Он уже видел Мию обнаженной, но отчего-то раздеваться сейчас, под его оценивающим взглядом, было гораздо унижительнее. Она стиснула зубы и разделась. Выпрямила спину, скрестив руки на груди, и дерзко посмотрела мучителю в глаза, как бы спрашивая: «Что дальше?»

— У тебя красивое тело, Ми-я. — От его низкого рычащего голоса по коже пробежали мурашки. Голодное предвкушение пополам с восхищением на лице мужчины напугали и в то же время вызвали странное чувство гордости.

Мия знала, что она красива. Ей говорили об этом наставницы и зеркала. Но сейчас она как будто увидела себя чужим вождеющим взглядом и, несмотря на постыдность и унижительность своего положения, почувствовала возбуждение. И испугалась, что Такухати догадается о ее чувствах.

Он приблизился мягкой походкой хищника, уверенного, что добыча никуда не денется. Моргая, Мия смотрела на моток грубой пеньковой веревки у него в руках. Откуда он ее взял?

Она отшатнулась, когда он подошел ближе, потом отступила еще на шаг и прижалась спиной к стене. Ее била крупная нервная дрожь. Снова застучал пульс в ушах, нахлынул какой-то животный ужас перед неизвестностью и отчаяние от собственной неспособности изменить хоть что-то.

— Пожалуй, я увеличу время наказания, если ты не прекратишь бегать, — пообещал ей директор. — Иди сюда.

Что еще можно сделать? Выскочить из домика голышом? Поднять крик?

— Пожалуйста, не надо, — выдавила Мия дрожащим голосом.

— Стоило подумать об этом раньше, — жестко ответил директор. — Подойди. Ну?

Не в силах противиться приказу в его голосе, она подошла.

— Хорошая девочка. — В голосе Такухати звучала насмешка. — Дай руки.

Сложенная вдвое веревка легла на запястья чуть выше браслетов, обвила руки аккуратно, чтобы не травмировать нежную кожу. Мужчина затянул узлы, перекинул конец веревки через балку под потолком, вынуждая Мию выпрямиться.

Мия чуть приподнялась на носочках. Сейчас ее тело походило на натянутую струну. Вздернутые вверх руки не оставляли даже иллюзорной защиты, а веревка не позволяла сделать и шага в сторону.

Снова заняло в животе, на этот раз как-то сладко, предвкушающе. Страх. Беспомощность. Унижение. Возбуждение. Все это и еще десятки сложных чувств и эмоций принудили ее зажмуриться. Наверное, если бы сейчас Мия получила власть прекратить все, что происходит, одним усилием воли, она не стала бы этого делать.

Тревога, ожидание, сладкая жуть, подобная той, какую испытываешь на краю бездны, заглядывая в пропасть, переполняли душу. Она почувствовала, как веревка охватывает плечи. Пальцы словно мимоходом погладили грудь.

Мия выдохнула сквозь зубы и заставила себя открыть глаза.

— Зачем все это?

— Шибари, — ответил Такухати, опуская свободные концы веревки на тело и медленно завязывая крупные узлы. От звука его хриплого голоса по телу Мии пробежала дрожь. — Учит покорности. Женщина зависима от мужчины, Мия. И должна быть послушной. Запомни этот урок, лучшая ученица.

Мия вскрикнула, когда он заставил ее чуть раздвинуть ноги и пропустил веревку между ними. Прикосновение грубой пеньки к самой чувствительной точке ее тела отозвалось мучительно-сладостной дрожью. Девушка еле сдержала возбужденный всхлип, ощущая, как веревка стягивает ее тело, как мягко давят узлы. Не причиняя дискомфорта, но не давая забыть о ее зависимом положении. Пути натягивались на вдохе, терлись о нежные складочки, чуть врезались в плоть, дразня, заставляя желать большего.

Расширенными глазами она смотрела, как Такухати вяжет узлы, заключая пленницу в подобие крупноячеистой сети. Он накладывал пути, словно утверждая ее зависимость и свое право распоряжаться ее телом. Медленно, наслаждаясь самим процессом, оплел грудь, спустился к животу, закрепил концы и чуть отступил — полюбоваться на свою работу.

— А еще это красиво, — выдохнул он, пожирая глазами растянутое тело девушки.

Мия поймала его восхищенный и голодный взгляд, и ей на мгновение показалось, что ее окунули в кипяток целиком. Несмотря на прохладный воздух, в комнате стало жарко, словно кровь в ее теле разом превратилась в жидкий огонь. Мучительно заныла грудь, и Мия почувствовала, как становится влажной внизу.

В одно мгновение она как будто увидела себя со стороны, его глазами: хрупкое тело девушки-подростка в объятиях грубой веревки, предательски напряженные соски выдают возбуждение, вздернутые вверх руки, как и плетение узлов на теле, словно подчеркивают ее беспомощность и доступность...

И сразу же за возбуждением пришли негодование и стыд. Как можно получать удовольствие от подобного унижения и насилия? Ведь то, что Такухати сейчас сделал с ней, было настоящим насилием, пусть формально он и не нарушил своего слова и не тронул Мию.

Она чуть не заплакала от возмущения и злости на себя и свою слабость, но даже эта злость не смогла до конца прогнать дрожь желания.

Беспомощность, уязвимость и сладостное возбуждение. Она никогда не чувствовала подобного.

— Чуть не забыл... — Он вынул шпильки из прически, и не сдерживаемые более ничем волосы упали черной мантией, укрыв ее спину и ягодицы.

Коварная улыбка мелькнула на лице мужчины.

— Я запер магией дверь, но не накладывал полог безмолвия. Так что тебе придется молчать. Считай, это тоже часть наказания.

Она не успела спросить, почему придется. Его руки легли на грудь Мии, и она застонала. Сначала тихо, а потом все громче.

Такухати гладил ее медленно, дразнясь, и этих ласк не хватало, было мало, слишком мало. Кончики его пальцев скользили по нежной, отливающей перламутром коже, то чуть надавливая, то едва касаясь. Горели щеки, пылало лицо и тело там, где мучитель дотрагивался до Мии. Хотелось еще, хотелось больше. На каждом вдохе враз ставшая мокрой веревка натягивалась и терлась внизу, усиливая желание до совершенно нестерпимого. Мия кусала губы, чтобы не выдать себя, но стоны все равно прорывались. Она вскрикивала и вздрагивала от ужаса при мысли, что кто угодно может пройти мимо и услышать, а то и подсмотреть, что с ней делает Такухати.

Каждый ее вскрик вызывал на лице мучителя самодовольную улыбку, при виде которой Мие хотелось ударить его кинжалом. И она снова стонала, раздираемая злостью, вожделением и стыдом.

Ей хотелось, чтобы он сгинул, исчез, провалился, сдох, умер...

И чтобы он сейчас погладил ее там, ниже, где давила веревка, вызывая жаркие волны по телу. Чтобы прижал к себе, вошел, взял, не спрашивая согласия...

Словно отзываясь на второе желание, он ее поцеловал — намеренно грубо, властно, прижимая к себе незащитное гибкое тело, и простонал ей в губы:

— Ты прекрасна!

— Я вас ненавижу, — всхлипнула Мия. Она тяжело дышала, от возбуждения кружилась голова и мутились мысли. Кого она ненавидела в этот момент? Его за то, что он делал? Или себя за то, что получала удовольствие, сама того не желая?

Он навис сверху, взглянул в ее запрокинутое лицо, тоже тяжело дыша, и Мия вдруг поняла, что он едва сдерживается, чтобы не нарушить собственное слово. Столько голодного вожделения было в его взгляде, что ей стало жутко.

— Тебе нравится! — хрипло выдохнул он и снова едва ощутимо провел пальцами по ноге вверх от колени, лаская кожу с внутренней стороны бедра. И остановился, чуть не дойдя до того места, где обвязка врезалась в нежную плоть.

— Нет!

Опровергая собственные слова, она чуть раздвинула ноги, чтобы ему было удобнее. И громко застонала, потому что он потянул веревку вверх, болезненно и сладостно надавив на ту самую точку.

Целуя и поглаживая нежную кожу, он спустился к груди. Прикусил дерзко торчащий сосок.

— Ты такая сладкая!

— Пожалуйста, не надо, — прорыдала Мия, чувствуя, как губы и язык ласкают второй сосок, а руки поглаживают низ живота, снова тянут и отпускают веревку...

— Хочу тебя! — Он стиснул ягодицы девушки, чуть приподнял ее за бедра, вжимая в свое тело. Сквозь одежду Мия почувствовала напряженный член и вздрогнула.

Веревка натянулась на вдохе. Мужчина прижал к себе девушку, впился в губы поцелуем, глуша стоны, в то время как его пальцы гладили, мяти и терзали ее тело.

Обездвиженная, плененная, связанная, она могла только стонать в полуоткрытые губы под умелыми и безжалостными ласками.

И злость отступила. Ушло негодование на собственную беспомощность и податливость, осталось только смешанное со стыдом наслаждение. Сейчас Мия ничего не могла сделать, от нее ничего не зависело. Она расслабилась, доверяясь, полностью отдаваясь его ласкам, признавая право мужчины сейчас распоряжаться ее телом и делать с ним все, что пожелает. Если бы он сейчас захотел овладеть ею, Мия не стала бы кричать и умолять его остановиться.

Изнемогая от удовольствия и желания, она вдруг поняла, что наказание было взаимным. Акио Такухати хотел ее, и только стальная воля генерала не позволяла ему нарушить собственное слово и взять девушку.

— Тебе хорошо? — спросил он на ухо, пока его пальцы, чуть сдвинув в сторону веревку, ласкали и мучили Мию внизу.

Она тяжело дышала и вскрикивала. Один из пальцев проник в ее тело — неглубоко. Два других пощипывали и гладили чувствительную горошинку между ног.

— Скажи это, Мия!

— Да-а-а, — простонала она. — Хорошо-о-о.

Стыд от этого признания стал последней каплей. Мия вскрикнула, выгнулась в его руках. По телу прошла блаженная дрожь, внизу живота скрутило сладостно-приятной судорогой, и на несколько мгновений стало так хорошо, как не было никогда в жизни.

Когда наслаждение отступило, на нее обрушился стыд и ужасающее чувство вины перед Джином. Как она могла получать удовольствие с другим мужчиной, если любит самханца, если поклялась уехать с ним? Или она действительно шлюха, которой все равно, где и с кем?

Мия почувствовала себя такой испорченной, такой грязной. Начали затекать вздернутые руки. Ощущение пуга на теле больше не возбуждало. Скорей бы сорвать с себя эту гадость!

Когда нож перерезал веревку над ее головой, Мия бессильно опустила руки. Хотелось заплакать, но не получалось.

Такухати обнял ее и коснулся губами виска.

— Что случилось, лучшая ученица? Разве тебе не понравилось? — Будь на его месте кто-то другой, девушка подумала бы, что в его голосе звучит неподдельная тревога.

Мия не ответила, остро переживая свое предательство по отношению к Джину. Такухати снял веревки с ее тела и укутал в кимоно, но это не вызвало в душе девушки никакого отклика. Она отметила это равнодушно, как могла бы отметить, что идет дождь.

— Скажи что-нибудь!

— Если наказание закончено, я пойду, — выдавила Мия, не поднимая глаз.

Он выругался, используя слова, о смысле которых Мия могла только догадываться.

— Иди!

Тяжело дыша, директор наблюдал, как она собирает разбросанную по полу одежду.

Сорочка торчала из-под кимоно, узел пояса съехал набок. Расхристанная, с распущенными волосами, Мия выскочила наружу. Добрела, почти не видя, куда идет, до заднего двора, забилась в щель между зданиями и там расплакалась.

На улицах Тэйдо былолюдно. Сновали торговцы, спешили куда-то столичные жители, слонялись мальчишки в лохмотьях. Из распахнутых окон тянуло аппетитными запахами лапши и жареного риса.

Едва ли кто из горожан обратил внимание на низкорослого последователя учения Будды в заношенном сером кимоно и надвинутой на лицо шляпе. Монах ловко лавировал в толпе и временами оглядывался, словно сверялся, туда ли идет. Убеждался, что туда, и продолжал путь.

На перекрестке он остановился, чтобы пропустить отряд самураев, направлявшихся от дворца куда-то в пригород. Проводив воинов взглядом, монах посмотрел на другую сторону улицы и даже подпрыгнул от радости, углядев вывеску. На ней вставшая на задние лапы кошка приветливо махала лапой, словно зазывая прохожих в трактир.

Войдя в полупустой зал, монах вольготно расположился на татами в углу. Подбежавшая к посетителю подавальщица остановилась, недоуменно разглядывая его одежду. День клонился

к вечеру, а всем известно, что последователи Будды не принимают пищу после полудня, да и прикасаться к деньгам им запрещено...

— Чего желает господин? — наконец решилась она.

— Ой, сказал бы я, чего желаю, красавица, — хихикнул монах, все так же скрывая лицо под шляпой, — да боюсь смутить тебя, уж больно ты молоденькая. Потому подай-ка мне унаги с рисом да бутылочку саке, замерз я. Холодно в столице, не то что на Рю-Госо. Видела, как сегодня с утра землю-то укрыло? Как не вспомнить поэта.

И он с чувством продекламировал:

Деревья в снегу,
Как сакура в цвету.
Рассвет над Тэйдо.

В этот момент монах не смотрел на подавальщицу, не то непременно обратил бы внимание на выражение ужаса, мелькнувшее на ее хорошеньком личике.

— Я принесу, господин. — Девица поклонилась и опротясь бросилась в сторону кухни.

Тануки откинулся на стену, наслаждаясь теплом. Неслышно подступала блаженная дремота. Последние дни выдались тяжелыми для оборотня. Дорога, множество людей, запахов, иллюзия, которую нужно непрестанно поддерживать. Он спешил, как мог, чтобы поскорее передать послание самханца.

То, что сейчас он фактически сотрудничает с иноземными захватчиками, тануки не смущало. Что за дело ёкаю до человеческих дрязг?

А вот до своих друзей ему очень даже есть дело.

Ничего, заветные слова уже сказаны. Сейчас Дайхиро вручит письмо, и можно будет поговорить о еде и ночлеге.

Он расслабился и оттого слишком поздно заметил, как в трактир вошли несколько самураев в полном боевом облачении. Лишь когда они пересекли зал и остановились рядом, Дайхиро заподозрил неладное.

— Ты! — Оборотень обернулся, но сзади никого не было. Никаких сомнений: толстый палец главы отряда указывал именно на него. — Пойдешь с нами. Именем сёгуна!

«Ах ты чурбан самханский, дубина наивная, бестолочь шпионская!» — мысленно возопил оборотень в адрес Джина, а вслух возмущился:

— Уверен, что вы ошиблись, господа самураи! Что может быть нужно сёгуну от нищего монаха? И разве можно во дворец в таких лохмотьях? — Он одернул обтрепанную полу кимоно. — Давайте я тут поем, отдохну, а вы мне приличной одежды принесете...

Тануки привычно мел чушь, а укрытые в складках одежды пальцы комкали и рвали злополучное письмо.

Бежать! Уничтожить улику и бежать, пока не поздно! Место встречи оказалось ловушкой, явка провалена, а искать в незнакомом городе чужеземных шпионов — гиблое дело. Пусть самханец

сам разбирается со своими соотечественниками и тайной службой сёгуна. Он, Дайхиро, на такое не подписывался!

— ...ужасно есть хочется, просто сил никаких нет, — пожаловался он и в доказательство своих слов сунул в рот изорванное послание и проглотил, не жуя.

Вкус у письма был премерзкий. «Ты мне за это еще заплатишь, самханский прихвостень», — мысленно пообещал Джину оборотень, стреляя глазами налево и направо.

Выход белел прямоугольником незакрытой двери, манил обещанием свободы.

Глаза главы отряда зло сузились.

— Взять! — скомандовал он.

— Морда треснет! — Тануки ухватился за завязки шляпы и, порвав их, швырнул тростниковый конус в лицо предводителю, а сам упал на четвереньки, и, стремительно теряя человеческий облик, дал деру в сторону двери.

Крик «держи шпиона!» ударил в спину, что-то гроыхнуло — шумно, весело. Дайхиро даже успел мысленно посетовать, что не увидит безобразия, которое натворила второпях брошенная иллюзия. Эх, поглядеть бы, как воины сёгуна ловят сразу десяток маленьких монахов, разбегающихся в разные стороны.

Тануки был уже у двери, на пути к свободе стояла только подавальщица с подносом в руках. Он чуть сдал в сторону, огибая ее, но коварная девица в последний момент выставила ногу. Оборотень споткнулся, полетел и больно приложился лбом о порог.

Последним, что увидел Дайхиро, был деревянный поднос, стремительно опускающийся ему на голову.

Глава 6

ПРОЩАЙ

Джин проснулся от прикосновения к щеке. Мия стояла рядом, на коленях. Распущенные волосы волнами укрывали ее тело.

— Здравствуй, милый, — прошептал нежный голос. — Я вернулась.

— Мия! — Он сел, испытывая облегчение, желание обнять ее и отругать как следует. — Я волновался.

Он не видел ее уже пять дней и сходил с ума от беспокойства. Навернул не один десяток кругов у забора школы, выискивая брешь в наложенном Такухати заклятии. Тщетно. После побега тануки генерал накрыл территорию школы куполом. Защита не остановила бы Джина, но пару раз из-за ограды он слышал негромкий голос девушки, и это успокаивало. Жива, здорова.

И все равно он каждый вечер до темноты дежурил у стен в надежде, что Мия появится.

В последний вечер ожидание закончилось долгим ночным переходом к оговоренному в письме месту встречи с резидентом Самхана. По расчетам Джина тануки уже должен был выйти к месту явки и передать послание. Самханец понимал, что, заявляя о себе подобным образом,

становится уязвим. Утечка информации почти неизбежна, а на Джина завязано слишком многое. Денежные, политические, военные интересы первых лиц двух государств. Но он знал главу агентурной сети как человека умного и умеющего держать нос по ветру. Поэтому очень рассчитывал, что тот поступит в точном соответствии с инструкциями в письме.

Лишь бы тануки не подвел.

На явке никого не было. Джин прождал до рассвета, потом вернулся в заброшенный храм — поспать хотя бы пару часов. И снова идти караулить Мию.

Но она пришла сама.

Мия положила руки ему на плечи. Запах сандала и мускуса пощекотал ноздри, завитки волос скользнули по незнакомому кимоно. Ярко-алому, праздничному, с золотой вышивкой.

...Что-то было не так.

— А я скучала, — промурлыкала девушка, бросив на него призывный взгляд сквозь ресницы. На мгновение у Джина перехватило дыхание от ее красоты.

— Я же говорил тебе не ходить одной по гора... — начал он, но девушка приложила тонкий пальчик к его губам. А потом прижалась и поцеловала.

Нежные губы, хищный язычок. Сладкая... она была такая сладкая. И смелая, совсем не как на источниках. Узкие горячие ладони легли на грудь Джина, погладили, нырнули под кимоно.

И все потонуло в душном запахе сандала и мускуса.

Он стиснул податливое хрупкое тело, ощущая какую-то звериную жажду обладания. Войти, ворваться в нее, растерзать, взять. Не было нежности и заботы, как в прошлый раз. Только дикая похоть. Вождение, от которого темнеет в глазах, биение пульса в висках, тяжелое возбуждение в паху, которое нужно сбросить — сейчас, немедленно.

— Браслеты... — пробормотал Джин, остатками ускользающего разума цепляясь за эту мысль.

— Их нет, — хихикнула Мия. И показала в доказательство обнаженные тонкие запястья.

Это стало последней каплей, спустившей с привязи алчное желание. Он привлек ее к себе, навалился сверху, тиская податливое тело, оставляя на бледной коже красные следы засосов. В глубине души мелькнула мысль, что сейчас он отпугнет девушку своей страстью, сейчас она вырвется, убежит в слезах, а он будет умолять о прощении и клясться, что сам не знает, что на него нашло...

— Да-а-а, — простонала Мия и выгнулась, подставляя маленькую девичью грудь его рукам и губам. — Возьми меня, о Тигр!

Острые ногти — а может, когти — разрезали одежду на Джине. Горячее тело прижалось к его обнаженной коже. Губы, руки, восторженные женские стоны, хриплое дыхание, запах сандала и мускуса туманит разум, ничего, кроме похоти и страсти...

Он ворвался в нее резко, почти не тратя время на ласки, и она радостно вскрикнула. Охватила, оплела его бедра ногами. Такая влажная, тугая, сладкая... Брать ее было блаженством, равного которому Джин не испытывал никогда. Что-то похожее он ощутил лишь однажды, когда

попробовал опий, но сейчас ощущения были сильнее, им владели не расслабленный покой и нега, но кипучее, почти болезненное наслаждение. Весь мир сжался до единственной женщины, которая сейчас кричала и стонала под ним, и ничего больше не было важным или значимым.

А потом он почувствовал, как нечто взламывает стены души. Как неостановимая стихия вызывает к родовой силе Хо-Ланг-И, как магия сметает выстроенную медитациями и самоконтролем преграду, за которой прятался демон.

Он даже попробовал остановиться. Прервать этот извращенный акт, отшвырнуть прочь извивающееся горячее тело, но ставшие в одно мгновение стальными объятия женщины не дали ему это сделать. Она перекатилась, уселась на Джина сверху. Лязгнули над ухом зубы, шевельнулись на голове острые рыжие уши.

— Ху... Мэйэр...

— Да, Тигр, — простонала она, с силой насаживаясь на его возбужденную плоть.

Сейчас в ней не осталось ничего от Мии. Рыжие волосы разметались по плечам, липли к фарфоровой коже. Красивое, чуть капризное личико искажала гримаса наслаждения. Капельки пота стекали по упругой груди с крупными темными сосками.

Нужно... было... остановить... это...

— Ты не знаешь, что делаешь, — выдавил он. — Демон...

— Зна-а-аю...

Она закатила глаза. Черные коготки оставляли на коже Джина кровавые царапины, но боль только распалила, добавляла удовольствия.

— Дай мне это! — приказала женщина. И мышцы, охватившие его напряженную плоть, резко сжались.

Наслаждение было болезненным, как удар магии от браслетов Мии. Магия рода Хо-Ланг-И хлынула, освобождая запертого в темнице души демона.

— О да-а-а, — стонала лисица.

Вскрик со стороны двери заставил Джина повернуть голову. В проеме стояла Мия и смотрела на него. На них. Это длилось лишь мгновение, а потом девушка развернулась и побежала вниз по ступенькам.

В этот момент рухнула последняя преграда. И Джина не стало.

Содрогавшаяся в экстазе лисица не сразу поняла, что тело под ней меняется. Выдвинулась вперед челюсть, блеснули оскаленные клыки, удлинился череп...

Только когда кицунэ ощутила, как еще находившийся внутри нее член внезапно увеличился в размере, она взвизгнула и отпрыгнула. С перепугу лисица кинулась не к двери, но к алтарю, и теперь ей некуда было деться. Все, что она могла, — забившись в угол, смотреть на свою недавнюю жертву и молить богов и духов, чтобы они уберегли ее от мести этого существа.

А оборотень продолжал меняться. Раздалась грудная клетка, вспучились узлами мышцы, страшно блеснули когти на концах рук-лап, а кожа покрылась коротким мехом — рыжим, в черных полосках.

Получеловек-полутигр поднялся. Потянулся по-кошачьи, царапнул пол, оставляя на камне длинные борозды, рыкнул коротко и страшно и рванул воздух перед собой.

Ху Мэйэр тихонько и совершенно по-лиси взвизгнула. Там, где когти демона разорвали ткань бытия, зияла прореха. Проход в Дзигоку — огненный ад, полный голодных демонов и страшных даже для ёкаев тварей.

Тяжелый взгляд тигра-демона остановился на лисице, и та тихо завывала, прощаясь с этим миром. Не уйти. Не от проклятого потомка огненного бога — силы земли и пламени, не скованной никакими рамками разума.

Она же не хотела ничего плохого... только немного подкормиться...

Но тигр не стал рвать кицунэ. Презрительно сморщил нос, чихнул и одним элегантным прыжком ушел в разрыв между мирами. Мелькнул полосатый хвост. Воздух померцал и разгладился. Спустя еще мгновение лишь свежие царапины на каменном полу напоминали о случившемся в храме.

Ху Мэйэр всхлипнула, все еще проживая свой ужас от встречи с силой, стократ превосходящей ее собственную, и бочком направилась к выходу из храма. По дороге она наступила на что-то, и это «что-то» жалобно хрустнуло. Лисица нагнулась и подобрала расколотую надвое костяную фигурку нэцкэ в виде спящего тигра.

Акио Такухати проходил по двору, когда ему на плечо спикировала белая птица. Он вынул из клюва посланника свиток, и птица обернулась бумажным журавликом — дух сикигами, выполнив задание, покинул созданную для него оболочку.

Директор развернул письмо. Окинул взглядом ровные столбики иероглифов и выдохнул сквозь стиснутые зубы. Внимательный наблюдатель мог бы заметить, как на мгновение на обычно бесстрастном лице мелькнула боль. Такухати зажмурился, но тут же взял себя в руки. Только смявшие бумагу пальцы выдавали его душевное состояние.

Быстрым шагом он пересек двор и ворвался в помещение кухни, где наказанные наставницы мыли посуду после ужина.

— Оставь, — приказал он наставнице Оикаве. — Я улетаю.

Надраенный медный котел выпал из ослабевших рук гейши и покатился по полу.

— Как же так? — потрясенно спросила женщина.

Опальный генерал повелевал в их маленьком женском мирке всего несколько недель, но госпожа Оикава понять не могла, как школа обходилась без него раньше. Она привыкла к его стремительной походке, резкому голосу, отдающему распоряжения — всегда коротко и по делу, — к его жестким, но разумным решениям и этому особому чувству защищенности, которое дарило присутствие этого человека.

Такухати поморщился:

— Не надо устраивать трагедию. Я позабочусь, чтобы к вам прислали кого-нибудь из гильдии. Сейчас у нас есть час, чтобы решить все срочные вопросы.

— Но почему?

Он взгляделся во встревоженные лица наставниц, вздохнул и тяжело уронил:

— Отец умер.

Мия брела вниз по горной тропке, почти ослепнув от слез. Перед глазами стояла увиденная в храме картина. Искраженное страстью лицо мужчины, которому она поверила, ради которого готова была предать и оставить родной край, уехать навстречу неизвестности. И женское тело на нем сверху.

Не было даже боли. Просто внутри все онемело. И только слезы срывались с ресниц и падали, отмечая ее путь.

Стоило ли бежать на встречу? Врать, обманывать, нарушать правила?

Не стоило.

Дурочка! Какая же она дурочка, самханский лазутчик не стоил ни слез, ни терзаний. Подумать только — из-за него Мия презирала себя. Мучилась от стыда и вины, не могла простить своей покорности и своего невольного наслаждения. Не знала, как взглянет ему в лицо при встрече.

А он... в это время...

Предатель!

После того как Такухати сделал с ней это, Мия молчала весь день. Даже наставницы на занятиях отметили необычную вялость девушки. Кумико приставала с расспросами, что случилось. Мия отделялась коротким «да» и «нет» и мечтала остаться в одиночестве.

В тот вечер и на следующий день она ненавидела себя за удовольствие, которое получила. Ненавидела настолько, что почти мечтала о телесном наказании. Мысленно она представляла, как признается Джину в случившемся, как на лице самханца появляется презрительная улыбка и тот отворачивается от нее, чтобы уйти навсегда.

К вечеру второго дня Мия поняла, что не может так больше. Стены давили, ей хотелось вскочить и закричать. Ей нужно, просто необходимо было обсудить случившееся хоть с кем-то. Она должна была рассказать об этом Джину.

Признаваться любимому человеку в измене тяжело, но лгать — невыносимо. Так же, как невыносимо оставаться в стенах школы, встречать каждый день Такухати и делать вид, что ничего не произошло.

В этот вечер Мия не стала выполнять порученную ей черную работу. Дождалась, пока наставница отойдет, и перелезла через забор.

Пусть снова накажут, но она должна поговорить с Джином.

То, что она увидела в храме, потрясло и ранило девушку. Теперь Мия ощущала себя не только предательницей, но и преданной. Но думать об этом было слишком мучительно, и она просто

брела по тропке вниз, оставляя за спиной вольный мир гор.

«Первое и главное правило: любовь — слишком большая роскошь для гейши, — звучали в памяти наставления госпожи Оикавы. — Гейша равно восхищается каждым мужчиной, которого принимает, но никого не пускает в свое сердце. Мы дарим мужчинам радость и получаем за это деньги. Только так, а не наоборот, девочки!»

Мия нарушила это правило. И вот к чему все привело...

Она вспомнила иероглиф «предательство», который выпал ей первым на том злополучном гадании. Духи знали будущее. Мия не будет счастлива. Она выполнит предназначение, для которого ее воспитывали и растили. Станет гейшей, вернет долг гильдии.

Солнце уже опускалось за горы, когда Мия механически, почти не замечая, что делает, перелезла через ограду. Добрела до домика. Расстлать фuton не было сил, поэтому она просто легла на татами, подтянув ноги к животу. Внутри что-то болело. Болело так, что хотелось завывать в голос.

— Вот ты где! — Дверь с шумом отъехала в сторону. Бледный прямоугольник света упал на пол, чуть рассеяв поселившиеся в домике сумерки, а голос Кумико разрушил скорбное молчание. — Тебя вся школа ищет!

— Что? — Мия повернулась.

— Давай! Вставай немедленно! Ну же! Директор Такухати велел тебя привести!

Имя Такухати отчасти прогнало апатию, но даже вернувшиеся при воспоминании о наказании стыд и робость не смогли до конца растормозить Мию. А Кумико тянула ее за руку и все говорила, говорила над ухом:

— Представляешь, он улетает! Насовсем. У него умер отец, и он теперь даймё Эссо. Даймё, Мия! Представляешь?

— Представляю... — пробормотала Мия.

Во дворе толпились люди. Очень много людей: ученицы, наставницы, слуги. Они расступались перед Кумико и Мией.

А потом подруга вытащила ее на ровную площадку перед загоном фэнхуна. И Мия подумала, что так и не смогла помочь огненной птице обрести свободу.

— Вот! — радостно объявила Кумико, обращаясь к Такухати. — Привела!

— Где ты была, лучшая ученица?

От звука этого голоса Мия вздрогнула и подняла взгляд.

Такухати стоял рядом с огненным летуном. Одетый в белое траурное кимоно с черным кантом. Красивое жесткое лицо казалось еще более мрачным, чем обычно, глаза походили на два куска синего льда, у губ появилась скорбная складка. Порыв холодного зимнего ветра взметнул собранные в хвост волосы.

— Я... — Она осеклась, не зная, что сказать этому человеку. Не понимая, что чувствует к нему. Он пугал и притягивал, будил странные желания.

Он был жестким и даже жестоким, но умел проявлять милосердие и заботу. Он, казалось, пытался поработить, подчинить себе Мию целиком, требовал безусловной покорности, но обещал взамен защиту и покой. Совсем недавно она ненавидела его за то, что он сделал. И вспоминала об этом с трепетом и тайным стыдом.

Все это было слишком сложным для маленькой майко.

— Мне жаль, — тихо сказала Мия, сама не зная, о чем сожалеет. О том, что он улетает? О смерти его отца? О том, что случилось два дня назад?

Он горько усмехнулся:

— Мне тоже. Но мы еще встретимся, лучшая ученица.

Не было прощальных прикосновений. Только несколько скупых слов и один долгий взгляд.

Фэнхун расправил крылья. Пламя в его груди полыхнуло, как маленькое солнце, ослепив на мгновение, порыв ветра рванул полы кимоно, тяжело захлопали крылья. Женщины ахнули и подались назад. Сплетенная из языков пламени птица сорвалась с места, сделала прощальный круг над школой и полетела на северо-восток.

Мия смотрела ей вслед, пока она не превратилась в огненную точку и не растаяла в сумеречных небесах.

Часть третья

ВРЕМЯ САКУРЫ

Глава 1

МИДЗУАГЭ

Мидзуагэ — смешное слово. Рыбаки так называют самый первый улов рыбы, когда выходишь в море еще затемно, закидываешь сети и тянешь их с рассветными лучами.

Еще так называют аукцион, на котором продается невинность будущих гейш. И сам обряд лишения девственности.

— Повернись, — приказала одевавшая Мию служанка. И чуть отступила, чтобы полюбоваться своей работой.

Мия покорно повернулась. В полуоткрытое окно заглядывало закатное солнце, рассыпало по полу весенние зайчики. Ветерок чуть теребил связку подвешенных у рамы колокольчиков, заставляя их позвякивать. В призванном успокаивать и вселять в душу умиротворение звоне Мие послышалось что-то нервное.

С улицы одуряюще тянуло цветущей сакурой, а в самой комнате пахло благовониями, душный запах сандала и нежный — лотоса.

— Хороша-а-а. — В голосе «матушки» послышалось одобрение и даже восхищение. — За тебя немало заплатят сегодня, деточка.

От напоминания о том, что должно случиться вечером, Мия поежилась.

— Хочешь посмотреть на себя?

Мия нерешительно кивнула. Последние четыре часа ее готовили к аукциону, как породистую лошадь. Драили жесткой мочалкой, сбрасывали все волоски на теле, потом заставили почти час просидеть в бадье с молоком и рисовым отваром. И снова окатывали холодной водой, чтобы после втереть в кожу и волосы ароматные масла.

Она сделала шаг, подол кимоно скользнул в сторону. Мелькнула ножка — крохотные пальчики с безупречным педикюром, округлая пяточка. Наряд гейши изыскан, роскошен, но строг, как наряд придворной дамы. Босые ножки в сандалиях на высокой подошве — то небольшое, что открывается взору мужчин и волнует их, заставляет желать гейшу.

Полированная бронза отразила изящную, словно фарфоровая кукла, красавицу. Сиреневое кимоно расшито серебряными цветами, на лице искусный макияж, в ухе светится маленькая сережка с противозачаточным заклиниванием, а в высокой причёске именные серебряные шпильки — приз за победу на состязании танцовщиц.

Красавица уставилась на Мию огромными испуганными глазами, как будто спрашивая: «Это я?»

Видел бы ее сейчас Джин...

От мысли о самханце заныло в груди.

Прошло полтора месяца с тех пор, как Мия осталась одна. Дни до мидзуагэ вспоминались, как в мутном сером тумане. Мия вставала по утрам, завтракала, шла на занятия. Общалась с другими майко и наставницами, даже улыбалась, стараясь ничем не выдать снедавшей души тоски.

Память жестока и коварна. Стоит расслабиться, успокоиться, поверить, что все прошло и забыто, как она норовит напомнить. Проснется от неловко оброненной фразы или неосторожной мысли. Накатит внезапно, захлестнет с головой, затянет в пучину и схлынет, оставив снова задыхаться от боли.

...теплая вода, сияние искроцветов, нежные прикосновения сильных рук, татуировка в виде тигра под ее пальцами...

Она еще не раз приходила в заброшенный храм. Лгала себе, что в поисках Дайхиро, и знала, что лжет. Но знакомые с детства стены встретили ее угрюмым молчанием. Мужчина, которого Мия полюбила и который предал ее, ушел.

Кроме Джина Мия тосковала по тануки. Дайхиро тоже оставил ее. Исчез неожиданно, не предупредив. Беспокойство за друга смешивалось с отчаянием от невозможности хоть с кем-то поделиться своей печалью.

А потом пришел март. На ветвях сакуры набухли тугие розовые бутоны, и Мия вместе с прочими майко отправилась в столицу, навстречу своей судьбе.

Быть может, это и к лучшему.

— Хороша! Я сразу поняла, что из тебя выйдет толк, деточка.

В зеркале рядом с Мией появилась ухоженная женщина средних лет. Госпожа Хасу Ери, глава

гильдии гейш, владелица школы «Медовый лотос» и одноименного чайного домика в столичном квартале «ив и цветов». Хозяйка Мии — именно ей восемь лет назад староста деревни продал приبلудную сироту.

— На вот, выпей.

Мия послушно глотнула горькую, пахнущую женьшенем и корицей жидкость из поднесенной чаши и подняла глаза на хозяйку.

— Что это?

— Смесь трав. Усиливает влечение, а то ты слишком нервничаешь. Чем сильнее желание, тем меньше боль от первого раза. — Госпожа Хасу разгладила несуществующую складку на подоле кимоно майко и улыбнулась. Она была довольна. — Пойдем, деточка. Гости вот-вот начнут прибывать.

От запаха благовоний голова шла кругом. Мелькание огней. Смех. Цитры — их голос нервный, чуть дребезжащий, врвался в уши.

Нижний зал чайного домика был полон мужчин. Самураи, и не из последних родов — дом «Медовый лотос» считался одним из самых дорогих и престижных на Благословенных островах. Его клиентами были только аристократы. Поговаривали, что даже сам сёгун порой заглядывал к госпоже Хасу, чтобы отдохнуть душой и телом.

Мия снова прижалась губами к дереву флейты. Сякухати в руках печально запела, вплетая свой голос в общее звучание инструментов. От оценивающих взглядов мужчин хотелось закрыться.

Чайный домик прислал приглашения на аукцион всем своим постоянным клиентам, и большинство из них поспешили откликнуться.

В отличие от других подобных заведений, где принято было приобщать девушек к общению с мужчинами с двенадцати, а то и с десяти лет, чайный домик госпожи Хасу — единственный из всего ханамати — держал будущих гейш далеко от столицы с ее соблазнами. Школа находилась на малолюдном южном острове Рю-Госо, в горах, почти в часе ходьбы от ближайшей деревни. Эта позволяло сохранить в девушках особую невинность восприятия, которая очень ценилась знатоками.

Пальцы бездумно гладили покрытое лаком дерево, а глаза перебежали с одного лица на другое. Кто из этих мужчин купит сегодня Мию? Кто станет у нее первым?

Лица, так много лиц... Толстые и худые. С обвисшими щеками, жесткими усами, в морщинах. Так мало молодых мужчин — большинству давно за сорок. Многие с брюшком, залысынами. Мия поймала взгляд толстяка, который сидел, скрестив кривые волосатые ноги. Глаза самурая довольно полыхнули оранжевым, он облизал жирные — в масле после закусок — губы и подмигнул ей.

О пресветлая Аматаэрасу, неужели это будет он?! Почему-то, когда майко обсуждали мидзуагэ меж собой, их воображение рисовало сплошь молодых красавцев, которые будут жарко торговаться за благосклонность будущей гейши. И, несмотря на уроки «искусства тайных покоев», которые давались в школе, сама ночь, которая последует за аукционом, представлялась им в каком-то радужном тумане.

Она снова вспомнила Джина. Против воли, пусть тысячу раз велела себе этого не делать. Изумрудную зелень глаз, жесткие волосы под пальцами, литые мышцы, сводящие с ума ласковые губы и то особое ощущение спокойной силы, которое исходило от него.

И сразу же непрошеным гостем перед глазами встало видение: обнаженное тело на татами. И другое, женское на нем. Искаженное страстью лицо незнакомки, разметавшиеся по спине, прилипшие к коже рыжие пряди...

Изменник. Предатель!

Нет, Мия не будет думать о нем сегодня. Сегодня — праздник, ее вступление во взрослую жизнь. В такой день обязательно должно случиться что-то хорошее. Госпожа Хасу сказала, что за Мию много заплатят, наверняка толстяку она будет не по карману. Ее купит красивый и сильный мужчина, может, сам сёгун.

Толстяк снова подмигнул. Пухлые щеки затряслись, поблескивающие от масла губы растянулись в улыбке, напоминающей гримасу. Он все смотрел и смотрел на Мию, и оранжевый огонек в его глазах разгорался все ярче. Чтобы не видеть его, Мия зажмурилась, но все равно ощущала кожей сверлящий взгляд.

Песня окончилась, и глаза пришлось открыть. По сигналу госпожи Хасу Мия поднялась, чтобы принять у служанки кувшинчик с подогретым саке. Сейчас ее очередь разносить напитки. А потом придет ее черед танцевать. Гости должны увидеть товар лицом...

Она обходила столики, грациозно опускаясь у каждого. Подливала саке, отвечала улыбкой на улыбку и шуткой на шутку. Рассматривала сквозь полупущенные ресницы мужчин, пытаясь представить себя с ними...

И не могла.

Страх все глубже запускал когти в сердце, ноги были как ватные, ослабевшие руки с трудом удерживали поднос с саке, а от мысли, что с кем-то из этих мужчин ей придется провести ночь, становилось дурно. Она с облегчением закончила круг, отдала кувшин служанке, села и закрыла глаза. На татами под пение цитр танцевала Кумико, Мия будет следующей, ее, как лучшую в танце, госпожа Хасу оставила напоследок.

Только бы не опозориться! Не надо думать о том, что будет ночью, ночь еще не скоро.

Просто слишком много людей. Слишком много незнакомых лиц, слишком яркий свет — разноцветные фонари слепят глаза, и все эти звуки — разговоры, музыка. Запахи еды, дыма из курильницы, теплого саке, мужских тел и благовоний от ее собственного тела.

Танец подарил привычное успокоение. Она скользнула в него, как в теплую воду. Мир поблек, осталась лишь музыка и Мия. Служение во славу Амэ-но удзумэ, медитация, полет...

Мия пришла в себя под хлопки и одобрительные выкрики. Низко поклонилась и села за особый столик к прочим майко. На их лицах она заметила тень беспокойства, которое испытывала сама. Даже самоуверенная обычно Кумико выглядела взволнованной и несчастной.

Торги начались как-то буднично. Госпожа Хасу называла имя майко, а мужчины соревновались, пытаясь превзойти друг друга в щедрости. Время от времени по сигналу госпожи Оикавы то одна, то другая воспитанница вставала, чтобы подлить саке гостям, и спор

за право первой ночи разгорался с новой силой.

Цены взлетали все выше, но высокородные самураи не желали отступить. Девочек было всего восемь, мужчин почти втрое больше, а это означало, что большинству из гостей придется провести ночь с обычной гейшей или отправиться домой ни с чем.

Мия уставилась на веточку сакуры, лежащую перед ней на столе. Когда ее купят, она должна будет подойти и вручить ее самураю, который станет ее первым мужчиной. Бледно-розовые лепестки еще не успели увянуть, и на свежем срезе блестела капелька влаги.

Такая же ветка лежала перед каждой девушкой. Ветка сакуры, дар невинности...

Испуганно охнула Ичиги рядом. Встала — белая, с широко распахнутыми глазами, сжимая в руке цветок. И медленно, словно против воли, направилась к сидевшему за ближайшим столиком самураю.

Он был некрасив — рябое, как перепелиное яйцо, лицо, гладковыбритый лоб и затылок чуть поблескивали, отражая свет масляных ламп. Длинные усы и жидкая борода старили его, добавляя добрых десять лет, но редкая седина в собранных на темени волосах говорила, что мужчине никак не больше пятидесяти.

Опустившись перед самураем на колени, Ичиги протянула ему цветок. По рябому лицу пробежала довольная улыбка, мужчина принял ветку из девичьих рук, поднялся, сопровождаемый завистливыми взглядами, и последовал за девушкой вглубь чайного домика.

Толстяк причмокнул им вслед, как бы отдавая должное прелестям майко, и снова перевел масляный взгляд на Мию.

Сердце заколотилось. Мия тайком вытерла повлажневшие ладони о татами — нельзя о кимоно, на шелке останутся некрасивые пятна.

Пусть это будет не он! Молю тебя, пресветлая Амагэрасу, пусть кто-то другой, пусть даже вот тот, кривоногий, с торчащим из худой шеи кадыком. Только не этот! Пожалуйста!

Толстяк с оранжевыми глазами отчего-то пугал маленькую майко, да так, что от паники темнело в глазах.

Аукцион продолжался. Одна за другой ученицы вставали, сжимая в руках веточки сакуры, и шли навстречу своей судьбе. И чем меньше оставалось девушек, тем ожесточеннее торговались мужчины.

Встала Кумико. Мия поняла, что осталась одна за столиком, и взгляды всех присутствующих мужчин скрестились на ней. Ей захотелось завизжать в панике, вскочить, убежать. Сколько их? Больше десятка. Полыхающие алчным светом глаза, голоса, выкрикивающие несусветные суммы, лица — все они слились в единое лицо толстяка с трясущимися щеками.

Она зажмурилась, лишь бы не видеть происходящего, и сглотнула неуместные слезы. Вступление во взрослую жизнь — праздник. Надо радоваться.

Просто надо вытерпеть эту ночь. Может, все будет не так ужасно, как она себе придумала?

Семь золотых рё, десять... Кумико продали за двенадцать.

Десять рё — очень большие деньги. Торги, поначалу шедшие бойко, постепенно стихали. Самураи неохотно перекупали друг у друга девушку, добавляя по десятку серебряных монет к уже названной сумме. Но в шум выкриков снова и снова вклинивался визгливый тенор толстяка, заставляя Мию сжиматься и ежиться.

Только бы не он, пресветлая Аматаэрасу! Только не он!

— Двадцать. — Резкий и холодный голос заставил сердце трепыхнуться испуганной птицей. До одури боясь обмануться, Мия открыла глаза...

Открыла и чуть было не разрыдалась от облегчения, встретив знакомую кривую усмешку на жестком лице и взгляд синих глаз.

«Мы еще встретимся, лучшая ученица», — обещал ей Акио Такухати.

Не солгал.

Откуда он появился? Когда успел прийти? Его же не было, когда Мия танцевала и разносила напитки.

Остальные гости молчали. Двадцать рё. На эти деньги можно снарядить корабль и нанять команду. За ночь с гейшей — невысказанная сумма.

По губам госпожи Хасу пробежала улыбка.

— Подлей гостям sake, Мия, — медовым голосом приказала хозяйка.

Мия встала на негнущихся ногах, как кукла-марионетка. Приняла из рук служанки поднос и направилась к столикам. Пение флейт заунывной мелодией врезалось в уши, взгляды мужчин ощущались как прикосновения липких грязных пальцев. Только если раньше в них присутствовало предвкушение, то сейчас было вождление и разочарование.

Она склонилась с кувшинчиком над чашей толстяка. И отшатнулась, чуть не выронив кувшин, когда его пухлые, похожие на связку колбасок пальцы, скользнули по ее запястью.

— Хороша-а-а, — протянул самурай, и в больших, чуть навывкате глазах снова загорелось оранжевое пламя. — Двадцать два.

— Двадцать пять, — отрезал генерал.

Толстяк снова посмотрел на Мию взглядом, каким смотрят на желанную, но слишком дорогую вещь.

— Твоя взяла, Такухати. Забирай. Я ее потом куплю.

От облегчения Мия даже покачнулась. Как в тумане вернулась к столику, чтобы поставить поднос и взять ветку с цветами. Кровь барабаном стучала в висках, лицо пылало, воздух плыл перед глазами...

— Возьмите меня, господин.

Синие глаза близко-близко. Красивое жесткое лицо, печальная складка у края губ, нахмуренные брови.

Он провел пальцем по ее щеке и поморщился. На коже остался грязный след от пудры и румян.

— Зачем тебе мазать лицо, ты и так хорошенькая. Пойдем, Мия. Я хочу, чтобы ты умылась.

Она почти не помнила, как, следуя за Такухати, пересекла внутренний дворик и вошла в «домик любви» — одно из десятка отдельно стоящих строений, предназначенных для особых случаев и особых клиентов.

Внутри все уже было готово к появлению гостей. Горели заправленные маслом светильники. На низеньком столике стоял кувшинчик с подогретым саке и лежали нарезанные дольками фрукты. Пар поднимался над наполненной водой большой деревянной бочкой, ванной-офуро — в самый раз для двоих. А расстеленный на полу футон словно намекал на неизбежное завершение вечера.

Акио кивком головы отпустил сопровождавшую их служанку и подтолкнул Мию к ванне:

— Умойся.

Она бездумно послушалась. В теле ощущалась непривычная слабость и легкость, какая бывает после сильного душевного напряжения. Думать о том, что последует дальше, не осталось сил.

Вода была почти нестерпимо горячей и чуть пахла травами. Этот запах заставил Мию вспомнить о напитке, который она выпила раньше по указанию госпожи Хасу. Она прислушалась к себе, но не ощутила даже толику обещанного желания. Только пустоту и облегчение.

— Налить вам саке, господин?

— Потом. Иди сюда, Мия.

Она наткнулась на полный вожделения взгляд и почувствовала, что задыхается. Неотвратимость того, что случится сегодня, обрушилась на девушку. На мгновение остро захотелось сбежать, скрыться. Мия вдруг поняла, что не готова стать женщиной. Не здесь, не сейчас, с почти незнакомым мужчиной.

Она шагнула ему навстречу, как шагнула бы в бездну.

И бездна приняла ее в свои объятия.

— Не бойся меня, лучшая ученица, — прошептал Акио, целуя ее и медленно развязывая пояс кимоно.

Он раздевал девушку не торопясь, наслаждаясь. Словно разворачивал желанный подарок. Скользнул вниз узорчатый шелк. В ворота вышитой нижней рубахи мелькнуло худенькое плечо. Мужские ладони нырнули под ткань, сжались на ягодицах и поднялись по спине. Мия покорно подняла руки, помогая ему снять с себя эту последнюю преграду, и осталась обнаженной. Несмотря на то что в домике было тепло, ее начала бить нервная дрожь.

Он распустил ей волосы, восхищенно выдохнул и чуть отступил, любуясь девушкой. Отблески огней в светильниках красиво ложились на чуть отливающую перламутром в сумерках кожу. Укрывавшие спину черным плащом волосы резко контрастировали с ее белизной.

— Я и забыл, какая ты. — От хрипотцы в его голосе по телу Мии вдруг прошла жаркая волна. Она сразу в красках вспомнила, как Такухати связал ее в прошлый раз и как невозможно хорошо было чувствовать себя беспомощной в его сильных руках, знать, что от нее ничего не зависит, и полностью подчиняться его воле.

— Раздень меня, — велел он, с наслаждением рисуя пальцами узоры на нежной коже.

Она не осмелилась воспротивиться приказу. Несмело потянулась к завязкам на его одежде. Он кивнул:

— Все правильно делаешь, лучшая ученица.

В другой ситуации его покровительственная усмешка рассердила бы Мию, но сейчас она была одновременно слишком испугана и слишком вовлечена в происходящее.

Акио стоял, не двигаясь, пока она снимала с него одежду. Только довольно сощурился, когда ладошки Мии скользнули, оглаживая мускулы.

Она уже видела его обнаженным. В иллюзии, которую он создал для них двоих. Но тогда все было иначе, как игра.

Теперь игры кончились.

Мия снова робко погладила смуглую кожу. Прошла по плечам, по груди, покрытой жесткими черными волосами, твердым кубикам на животе...

Он был гармонично сложен и красив, как только может быть красив здоровый и сильный мужчина. И он хотел ее. Желание читалось в выражении лица, каждом движении и даже взгляде. Мия вдохнула его запах и ощутила, как сладко и предвкушающе заняло в животе. Во власти магического пламени синих глаз она вдруг почувствовала себя одновременно беспомощной загнанной дичью и коварной охотницей.

Она положила руку на возбужденный член и тут же испуганно отдернула. Он был такой большой, что стало страшно. Природа слишком щедро одарила Акио Такухати.

— Не бойся, — повторил он. — Я буду осторожен. Давай, погладь его.

Не отрывая взгляда от его глаз, Мия сжала пальцы, ощущая под ними рельефные вены, двинула рукой вверх и вниз, как учили в генсо.

Все было так же. И все было совсем по-другому.

Голодный огонек в его глазах превратился в пламя. Он зарычал, сжал девушку в стальных объятиях, потянул за волосы, заставляя запрокинуть голову, и впился в губы долгим грубым поцелуем.

То ли наконец подействовала настойка, которую Мия выпила по приказу госпожи Хасу, то ли сама близость мужчины, его запах и волнующие воспоминания о шибари воспламенили ее, но девушка почувствовала, как его прикосновения пробуждают в ней уже знакомый голод вожделения. Она изгибалась в его объятиях, покорно отвечая на жадные поцелуи. Чувствуя себя рядом с ним слабой, зависимой. Ивовым прутиком рядом с могучей сосной.

И пугавшее раньше ощущение его силы и своей слабости теперь пьянило сильней саке.

Он опустил руки на ягодицы девушки, сжал ладони и поднял Мию. Легко, словно она ничего не весила. Прижал к себе, заставив низом живота ощутить его возбуждение. Она податливо выгнулась в его руках, отзываясь на малейшие сигналы, полностью покоряясь чужой воле и силе. Обвила руками его шею и поцеловала. Нежно, как целуют возлюбленного.

Шелковое белье на футоне было прохладным и скользким.

Акио не торопился взять ее. Целовал и гладил, доводя себя и девушку до иступления, и Мия металась, сбивая шелковые простыни, и стонала в голос, как во сне вспоминая уроки, полученные в генсо.

Она знала, что ей полагается вести себя иначе. Это она, как гейша, должна действовать, соблазнять, дарить мужчине наслаждение. Но сейчас все происходило не так, как должно было быть. Неправильно самой восхитительной неправильностью. И жадные, но бережные ласки Акио мало напоминали те, что достаются продажным женщинам от купивших их клиентов. Скорее, так мог бы ласкать молодую жену влюбленный супруг в первую брачную ночь.

Она не боялась, когда он лег сверху, опираясь на руки, чтобы не раздавить хрупкое тело девушки. Сама шире раздвинула бедра, как бы приглашая взять ее. И жалобно вскрикнула от неизбежной боли — резкой и острой в первый момент, почти сразу же сменившейся тупой, саднящей.

От боли ушло возбуждение. Мгновенно и как-то очень обидно. Ноющее неприятное ощущение внизу живота усиливалось от каждого движения Акио. Мия сжимала зубы, чтобы не стонать, и терпела непривычное и странное вторжение чужой плоти.

Он то закрывал глаза и двигался резкими рывками, то останавливался, чтобы тяжело выдохнуть сквозь зубы и посмотреть на девушку. По его лицу пробежала судорога удовольствия, а в глазах, когда он смотрел на Мию, читалось столько наслаждения, что она не решилась хныкать и жаловаться.

К счастью, все длилось не слишком долго. Он застонал, ткнулся лбом в ее плечо, а потом опустился рядом.

— Больно? — Хриплый голос показался ей непривычно громким в окружавших их двоих тишине и сумерках.

— Да.

Тяжелая ладонь опустилась на низ живота, погладила...

— Сейчас пройдет.

Ей показалось, что с пальцев Акио стекли прохладные капли бледно-голубого света. Медленно впитались в кожу, успокаивая, исцеляя...

— Лучше?

Мия кивнула. В голове было как-то пусто и бездумно. Это что же, она теперь женщина? Почему тогда она не чувствует в себе никаких изменений?

Акио поднялся и потянул девушку за плечи, заставляя сесть.

— Мыться, — с усмешкой пояснил он в ответ на вопросительный взгляд. — А потом продолжим.

— А разве... — Мия осеклась. От мысли о повторном вторжении чужой плоти в ее тело она съежилась. В душе что-то протестующе трепыхнулось, но потухший было огонек в синих глазах мужчины разгорался с новой силой, намекая, что Такухати вряд ли удовлетворится одним-единственным разом.

— Завяжи волосы. Я не хочу, чтобы они намокли.

Она собрала непослушными руками пряди на макушке. И тихо ойкнула, когда Акио поднял ее на руки, чтобы опустить в ванну.

От почти нестерпимо горячей воды Мия вскрикнула. Под дном офуро находились особые, источающие жар магические камни, не дававшие воде остыть. Запах трав дурманным облаком обволокло ее, выгоняя мысли и сомнения. Акио опустился рядом и потянул девушку на себя, усадил к себе на колени.

— Хочу тебя еще.

Ладонь легла меж сомкнутых бедер Мии, заставляя девушку чуть раздвинуть ноги. Он прижался губами к ее шее сзади, чуть прикусил нежную кожу.

— И еще.

От вкрадчивого шепота над ухом Мия задрожала, несмотря на горячую воду.

Вторая рука стиснула грудь, пощипывая и выкручивая сосок. Мия снова вскрикнула. И обнаженными бедрами почувствовала, как его член снова наливается силой.

Он хочет взять ее прямо тут? В ванне?

Ладно, она потерпит. Это не так уж и больно. Акио Такухати заплатил за нее двадцать пять рё, госпоже Хасу не понравится, если генерал уйдет недовольным.

Но он не торопился. То ли ласкал, то ли мыл девушку, скользя пальцами по влажной коже и чуть прикусывая мочку уха. Мия вслушивалась в тяжелое дыхание, вздрагивала от прикосновений и покорно обмякала в сильных руках. И без того миниатюрная, рядом с рослым и могучим мужчиной она чувствовала себя совсем крохотной.

— Ты покажешь мне свое искусство игры на флейте, лучшая ученица?

— Покажу-у-у, — простонала она, чувствуя, как пальцы проникают в ее тело.

Он рывком поднялся. Перемахнул через край ванны, вынул девушку и, не дав толком вытереться, потянул к постели.

— Показывай!

Она опустилась на колени, обхватив ладонями полувозбужденный ствол. Акио чуть вздрогнул, и член в руках Мии стал тверже. Она наклонилась ниже, почти касаясь губами головки, провела несколько раз рукой, ощущая ладонью выступающие бугристые вены. Дыхание Акио чуть участилось, Мия подняла вопросительный взгляд, ощущая странную растерянность. Она знала, отлично знала, что нужно делать дальше. Но не могла преодолеть внутренний барьер и

начать.

— Давай! — Приказ мужчины словно разрушил владевшие ею сомнения.

Мия приоткрыла рот, впуская в себя возбужденную плоть. Обхватила, обняла губами. Ласкающими движениями прошлась язычком вокруг головки и услышала в награду возбужденный выдох. Опустилась, насаживаясь на член и лаская его ладонью снизу.

И снова это было совсем не так, как в генсо. Потому что упражнения с создаваемыми магией фантомами были просто работой. И потому что у фантома никогда не менялся ритм дыхания в зависимости от ритма, в котором двигалась Мия. И он не вздрагивал так под ее пальцами, не двигался чуть заметно навстречу, а руки фантома никогда не ласкали ее шею и не распускали волосы, чтобы намотать на кулак...

Несмотря на то что она дарила, а не принимала ласки, Мия вдруг ощутила сумасшедшее возбуждение. В том, что она сейчас делала, была изумительная смесь подчинения и власти. Пьянящей власти над мужским наслаждением и пьянящей покорности мужской воле, сладость которой она уже испытала раньше.

Его стон она встретила с внутренним ликованием и гордостью. И проглотила заполнившую рот вязкую жидкость без малейшего отвращения или стыда. Отстранилась, облизываясь, как кошечка, и взглянула на Акио снизу вверх.

— Ты и правда лучшая. — Он потянул ее за волосы вверх и поцеловал, одновременно благодарно и властно. — Только практики не хватает. Но мы это исправим.

Мия прижалась к нему, положив голову на плечо. Возбуждение все еще гуляло по телу, покалывало кожу, подталкивало делать глупости. Сейчас она хотела этого мужчину. Хотела взрослым женским желанием, пусть даже удовольствие будет сопряжено с болью. Перед закрытыми глазами вставляли картины уроков в генсо, одна непристойнее другой.

— Не надейся, мы еще не закончили, — пообещал Такухати, как бы отзываясь на ее мысли. Его ладони погладили девушку по спине, пальцы ощупали чуть выступающие позвонки, спустились ниже. Он охватил Мию ладонями за талию и восхищенно пробормотал: «Какая ты маленькая!»

Она выгнулась покорно, с тайной гордостью, наслаждаясь его восхищением и силой. От мысли, что он считает ее желанной, перехватило дыхание.

Когда пальцы скользнули ниже и вторглись в ее тело, Мия не протестовала. И боли больше не было. Напротив, каждое осторожное движение словно еще больше распяляло поселившееся в ней желание. Первый стон вырвался почти против воли, и на лице Акио снова появилась довольная усмешка.

— Ты такая чувственная и сладкая, — прошептал он. — Твое тело создано для любви, Ми-я. Признайся, что хочешь меня.

— Я хочу вас! — всхлипнула Мия. И вскрикнула, когда его пальцы вошли особенно резко.

С ней снова происходило это. Тот самый сладкий блаженный дурман, который она ощутила на источниках. И чуть позже, во время наказания в шибари. Мысли путались, голос плоти и голос наслаждения звучал все громче, подчиняя себе целиком, без остатка, и не хотелось уже ничего, только дарить и принимать ласки.

Повинуясь его приказу, она встала на четвереньки. Ощутила мощное мужское тело рядом, над собой, тяжелую ладонь на пояснице, заставляющую прогнуться и выпятить попку, прикосновение бархатистой кожи к своему самому нежному местечку.

И вторжение, дарующее такое приятное чувство наполненности.

В этот раз боли не было вовсе. Только наслаждение — острое, почти нестерпимое, от которого хочется кричать. И она кричала, не сдерживая себя, и сама подавалась ему навстречу, отдаваясь мужчине целиком, без остатка.

Время исчезло. Были только волны ни с чем не сравнимого удовольствия, которые накатывали и уходили, оставляя после себя блаженную усталость и опустошение. Акио двигался то быстро, яростно, то медленно, неторопливо. Мия приходила в себя на боку, на спине или сидя на нем сверху. Под конец она так устала, что ощутила настоящее облегчение, услышав его стон и поняв, что все закончилось.

Он потянул девушку к себе, заставляя лечь сверху, и она послушалась, как слушалась его весь вечер.

— Хочешь саке, лучшая ученица? — В его голосе слышалось довольное урчание сытого хищника. Пальцы медленно перебирали распущенные волосы.

— Я спать хочу, — сонно пробормотала Мия.

Она обхватила Акио за шею, уткнулась носом в ключицу. Глаза слипались — слишком много всего случилась за прошлый день и ночь.

Такухати покровительственно погладил ее по голове:

— Тогда спи.

Кожа под щекой была горячая и гладкая, от мужчины пахло желанием, потом и просто здоровым мужским телом. Балансируя на границе сна и яви, Мия чувствовала, как чуть ноют мышцы и по телу расходится приятная усталость.

— Спасибо вам. — Она сказала это, а может, только собиралась сказать сквозь дрему. — Мне было очень хорошо.

Если бы Мия уже не спала, она бы поразилась тому, насколько несвойственная суровому генералу улыбка промелькнула на его лице.

— Спи, — повторил он и нежно поцеловал девушку в лоб. — Спи, моя Мия.

Глава 2

ВОЛЯ ИМПЕРАТОРА, ВОЛЯ ОТЦА

У каждого есть свои маленькие слабости или увлечения. Кто-то коллекционирует ножи, кто-то стремится прочесть как можно больше книг, кто-то не в силах устоять перед хорошеньким женским личиком.

Иные пристрастия, например неумеренная любовь к саке или азартным играм, и вовсе губельны. А иные просто смертельно опасны.

Такеши Кудо имел все основания полагать, что его нездоровый интерес к тайне гибели императорской семьи как раз из числа смертельно опасных увлечений. Стоит сёгуну прознать о его изысканиях, конец господина Кудо будет коротким и мучительным. Вряд ли арест и казнь — слишком много государственных тайн хранил он в своей памяти. Скорее, несчастный случай или внезапная болезнь, которая оборвет жизнь главы имперской службы безопасности во цвете лет.

И все же пытливый разум господина Кудо решительно отказывался довольствоваться официальной версией событий.

Да что вы говорите? Обезумевшие заговорщики врываются во дворец, с боем прорубаются сквозь охрану, чтобы вырезать императорскую семью? И при этом сами гибнут от ран, все до единого? Страна остается без правителя в преддверии войны, раздираемая на части жадными даймё и внутренними распрями? Сами боги велят верховному главнокомандующему перехватить власть, опираясь на армию, чтобы стать спасителем Оясимы?

Интересненько. Так удобно все сложилось...

Нет, господин Кудо вовсе не был идеалистом, мечтающим отомстить за невинно убиенных. Сёгун вряд ли поверил бы в это, но главой имперской службы безопасности двигало бескорыстное любопытство.

Такеши Кудо любил разбирать и анализировать чужие успешные операции.

Сейчас он проклинал эту страсть и свою дотошность, глядя на чашу с совершенно прозрачной водой, в которую только что всыпал щепотку праха малютки Миако Риндзин — младшей дочери императора.

Вода осталась прозрачной. И это было хорошо. Или очень, очень плохо. Как посмотреть.

Известно, что воды священного источника окрашиваются в красный, когда носитель силы Риндзин входит в них. Обычай окунать детей в воды источника, подтверждая божественное право наследников на престол, сохранился до последнего императора.

Миако Риндзин в свое время не избегла купания. Очевидцы в один голос вспоминали, что воды тогда окрасились красным.

Такеши вздохнул и с тоской посмотрел на другую чашу, в которую минутой раньше всыпал щепотку праха покойного императора. Плескавшая о края вода была ярко-алой, как артериальная кровь.

— И вот надо было тебе в это лезть? — с тоской спросил сам у себя глава службы имперской безопасности. И сам себе ответил: надо!

Сёгун уже немолод, и у него нет наследника. Сразу несколько даймё метят на его место, что сулит только-только оправившейся от войны стране гражданскую распрю. Да еще рядом тигром вокруг раненого буйвола наворачивает круги Самхан, который весьма не прочь откусить кусок побольше от земель соседа.

Миако Риндзин необходима Благословенным островам!

Ей сейчас должно быть шестнадцать. И вряд ли до девочки добрался кто-то из власть имущих,

иначе война за ее божественные права на престол началась бы много раньше. Значит, Миако или мертва, или живет где-то в глуши, не догадываясь о своем происхождении. Кормилица тогда пропала из дворца вместе с дочерью. Ее объявили пособницей заговорщиков и искали по всей стране.

Не нашли.

Такеши Кудо представил, как показывает даймё свою находку — неотесанную крестьянскую девку, которая даже писать не умеет, и пытается убедить самураев, что это — их императрица. Как прыгает вокруг нее, безуспешно пытаясь защитить от льстецов и подлецов всех мастей. Как снова и снова объясняет ей азы управления государством...

Нынешняя служба — игра в кошки-мышки с разведкой Самхана, охрана сёгуна, слежка за даймё, пытки и казни бунтовщиков и лазутчиков — сразу показалась господину Кудо понятной и легкой.

— Ненавижу политику! — с отвращением произнес глава службы безопасности.

Ладно, сейчас его задача — найти девочку, если она все же сумела выжить. А для этого очень желательно привлечь помощника. Ловкого малого, умеющего втираться в доверие и никак не связанного с сёгуном. Лучше всего, если этот помощник будет обязан Такеши. Или даже связан клятвой...

— Есть у меня кое-кто на примете, — задумчиво протянул господин Кудо и выплеснул воду из чаши.

— Я еще раз хочу напомнить его величеству, с каким риском связано затеянное вами мероприятие.

Когда-то темно-рыжий, а сейчас беловолосый старик поднял голову, чтобы взглянуть на советчика в упор. Под кустистыми бровями полыхнуло зеленое пламя.

— Я помню, Бао, — тяжело ответил он.

— Вы рискуете не только своей жизнью, — словно не замечая недоброго взгляда, продолжал разливаться мужчина в жреческих одеждах. — Благополучие страны...

— ...никак не пострадает, — перебил его старик. — У страны есть Тхан и Мин.

На округлом жизнерадостном лице мужчины появилось скорбное выражение. Бросив вороватый взгляд на застывшую по периметру зала стражу, он сделал несколько быстрых шагов, сократив расстояние до дозволенного этикетом минимума.

— Вы понимаете, что это усилие может вас убить, ваше величество? — скорбным шепотом спросил он. — Вы ведь давно не мальчик...

Старик стиснул зубы:

— Понимаю. Приступай!

Словно горсть разноцветного гороха, брошенная небрежной рукой, по залу разбежались младшие жрецы в красно-зеленых одеждах. Застучали, запели барабаны в болезненном заполосном ритме. Расцвел зеленью узор на стене — диковинное дерево, вязь тонких ветвей,

алые цветы, похожие на сгустки пламени.

Старик прошел вдоль стены, остановился у одной из нижних ветвей. Она не светилась, но едва мерцала в сумерках храма. И цветок на конце ветви — оранжевый, покрытый черными, словно прожилки мрамора, разводами, тревожно подмигивал, вспыхивал и гас. По полураскрытым лепесткам пробегали колкие искры.

Жрец вскинул две короткие деревянные палки, замер у гигантского, в человеческий рост, барабана, похожего на поставленную набок бочку. В руках императора сверкнул фамильный кинжал, вспорол выступающие на дряблых старческих руках вены. Плеснувшая кровь щедро окропила фамильное дерево Аль Самхан.

— Зови! — прокаркал старик, жрец опустил палки, и утробный резонирующий звук заполнил все пространство храма.

«Вернись! — пели барабаны. — Император велит — вернись! Страна ждет — вернись! Голос крови требует — вернись! Поколения предков взывают — вернись! Вернись в мир дольний, вернись к семье, вернись, чтобы вернуть долг! Вернись, чтобы зачать сына! Вернись, чтобы подарить мир!»

Древо полыхало. Яростный алый огонь пробежал по ветвям и стволу, пульсируя в такт биению барабанов. Старик застыл у стены, раскинув руки, словно в попытке обнять стену. Огонь, стекавший с его раскрытых ладоней, расплескивался о стену, питая огненные цветы...

...Демон шел по Дзигоку. Скользил рыже-полосатой тенью по почерневшей, источающей жар земле, погружался в полные огненной лавы реки, выныривал и шумно отфыркивался, топорща черные усы. Напрягались и сокращались мощные мышцы под густым мехом. Лениво извивался хвост, похожий на сгусток пламени.

Демон был велик и жуток даже для исконных обитателей этих мест. Ощутившие его безжалостную божественную силу младшие сущности разбежались в панике, лишь почуяв приближение огненно-полосатого кошмара. Недостаточно расторопные становились игрушкой, а после добычей. Он настигал их шутя и порой творил жуткие даже по меркам демонов вещи, прежде чем убить.

Демон не умел считать часы и дни, для него всегда было «сейчас». Сейчас, наполненное радостью — охотой, развлечениями, насилием, мольбами и криками жертв.

Так прошла вечность, на исходе которой демон почуял рядом равного.

И преисподняя сотряслась от рыка.

Ответное рычание заставило дрожать землю под лапами — равный принял вызов. Вне себя от радости, предвкушая победу над достойным, демон помчался вперед, припадая к сожженной почве. Огненный хвост раздраженно хлестал по ветру.

Он мчался, одержимый жаждой увидеть и убить. И лишь раздраженно дернул ухом, когда пространство вокруг наполнила частая дробь барабанов, когда зазвучал дребезжащий, чуть надтреснутый, но все еще полный силы голос Великого Вожака.

— Вернись! — велел он. — Вернись ко мне, я приказываю!

Демон остановился. Сел на задние лапы. Впереди был чужой, и голос битвы, сила инстинкта звали, требовали сразиться и уничтожить его. Но голос рода был сильнее, он звал вернуться.

По-кошачьи обиженно мяукнув, тигр полоснул лапой воздух перед собой. Бросил полный тоски взгляд за спину и скользнул навстречу другому себе, как рука входит в перчатку...

Джин, задыхаясь, вывалился на пол у подножия фамильного дерева Аль Самхан. Обнаженный, как в день рождения, прошедший ад и вернувшийся в дольний мир, он скорчился на полу, глуша крик. Нечеловеческая мука трансформы медленно отступала.

Он открыл глаза и тут же зажмурился снова. После полумрака заброшенного храма залитый светом сотен факелов зал ослепил.

Ху Мэйэр... как глупо — поддался на лисьи чары. Перепутал ее с Мией. А что было потом?

Прочее терялось в огненном сладком тумане. Короткими вспышками — полные муки крики, звериное наслаждение чужой беспомощностью и болью. Милосердная человеческая память не хранила развлечений демона.

Мия! Он же ничего ей не сделал?!

Ужас от этой мысли подбросил его на месте. Джина затрясло. Непочтительно цепляясь за вытесанные в стене ветви фамильного дерева, он поднялся.

Зал был пуст, а само дерево потухло. Странно. Разве его не вызвали домой с помощью ритуала? В зале должно быть полно народа, барабанщики...

— Ваше высочество! — Голос из-за спины заставил его напрячься и обернуться.

Увидев мужчину в жреческой одежде, он заметно расслабился.

— А, это ты, Бао. Рад тебя видеть.

— Слава богам, вы вернулись, — продолжал жрец, словно не услышав приветствия. — Мы призывали вас почти шесть часов, пока вашему отцу не стало плохо. Поспешите к нему, ваше высочество. Боюсь, он долго не протянет.

При виде отца в груди что-то болезненно сжалось.

Бывший несгибаемый правитель империи сейчас выглядел маленьким и слабым. Беспомощным.

Седые, как хлопья пепла, волосы разметались по подушке, подчеркивая пергаментно-желтую кожу. Бинты на худых морщинистых руках, узловатые пальцы в россыпи драгоценных перстней.

В комнате было сумрачно, магические светильники горели в треть силы. Теплая самханская ночь за окном дышала влагой и запахом цветущей сливы.

Джин замер в дверях, ощущая жалость и что-то пугающе похожее на отчаяние. Было невозможно поверить, что сильный как скала, несокрушимый правитель и этот измученный

немошный старик — один человек.

Старик в постели шевельнулся, и на Джина уставились полные кипящей тьмы глаза.

Черные, как у простолюдина.

— Вернулся, значит, — прохрипел отец. Закашлялся, потянулся рукой к чаше с водой, раздраженно цыкнув на дернувшегoся помочь сына. Обливаясь, отпил несколько глотков и отставил ее трясущимися руками. — Не лезь! Помогать будешь, когда я велю. Пом-мощничек... Ну и где тебя носило?

— Я виноват, — коротко сказал Джин, опускаясь на колени у постели. — Не смог сдержать его.

Старик скривился:

— Третий раз, он же последний. Я больше не смогу справляться с твоей силой, сын. И Тхан не сможет. Ты всегда был сильнее него.

Джин опустил голову, признавая правоту отца.

— Простите... вам не стоило взывать к силе крови.

— Будет еще всякая мелочь указывать мне, что делать! — взъярился старик. И снова закашлялся, прижимая сухую ладонь к бескровным губам.

Когда он убрал руку и вытер пальцы об одеяло, на ткани остались кровавые пятна.

— Я умру, — продолжал он, жестом запрещая Джину позвать медика. — Не спорь, сын! Да, умру. Люди смертны. Даже такие, как мы. Я знал, что этот обряд будет последним. Родители отдают детям все, что могут. Я всегда жалел, что дал тебе слишком мало...

— Не мало, — возразил Джин.

В груди что-то болело и рвалось. Жег невыносимый стыд и почти нестерпимое чувство вины, а под ним зрело болезненное и страшное предчувствие утраты.

— Мало, — упрямо повторил старик. — Не спорь со мной! Ты всегда любил спорить. Упрямец, себе на уме. Тебя ломаешь, а ты не ломаешься. Знаешь, как гордился тобой? — В его голосе зазвучала тоска. — Каким императором ты мог бы стать...

— Тхан будет хорошим императором, — привычно возразил Джин, думая о своем.

Он должен сказать отцу. Прямо сейчас.

— Отец...

Но император снова заговорил, слишком погруженный в мечты о будущем, чтобы услышать тихий голос первенца:

— Я жалею, что не увижу, как спадет проклятие. Когда ты женишься на этой стерве... последнее отродье Риндзинов. Шесть восьмых крови, этого должно хватить... Ясукату ждет неприятный сюрприз. — Он засмеялся, а потом закашлялся, брызгая слюной и кровью. — Дай воды.

Джин поспешил исполнить приказ. Он попытался напоить отца, но тот только раздраженно фыркнул, отбирая чашу.

— Это я виноват, — продолжал он, напившись. — Я и грязная шлюха Риндзин, отродье скорпиона. Пустобрюхая девка. Почему я не казнил ее, когда понял, что она не сможет принести мне ребенка?

Джин вздохнул. Историю своего проклятия он помнил лучше фамильного древа Аль Самхан.

«Твой сын будет демоном, который принесет твоему роду страдание и гибель, — сказала Морико Риндзин, первая жена отца, когда император отослал ее назад, узнав о бесплодии оясимской принцессы. — Если не смешает свою кровь с кровью Риндзин».

Но Джин родился нормальным. Крепким и здоровым, император нарадоваться не мог на наследника. Даже смерть матери — она умерла родами — трудно было списать на проклятие. Отец долго считал слова Морико прощальной гадостью от вздорной бабы.

А потом была инициация, пробудившая родовую магию. Не торжественная, официальная. Она произошла случайно, слишком рано. Детская шалость, Сердце Огня в ладонях...

Половину правого крыла дворца после шалости пришлось отстраивать заново. В тот день у отца впервые в темно-рыжих волосах появились седые пряди, у Джина — огненно-полосатый спутник, а у Самхана — новый наследный принц.

— Нет смысла гадать, как могло быть. Все уже случилось так, как случилось. Я такой, какой есть, благодаря проклятию.

Старик одобрительно улыбнулся.

— Упрямец ты, — с тайной гордостью сказал он. — Если вбил себе что-то в голову, никакой силой это не выбьешь. Прямо как я в молодости.

— Отец, послушайте! Я встретил девушку... в Оясиме.

— В твои годы я постоянно встречал девушек.

— Я хочу жениться на ней.

Сказав это, Джин прямо посмотрел в изможденное лицо императора, внутренне готовясь к буре.

И буря грянула.

— Жени-и-ться? — В черных, лишенных магического пламени глазах вспыхнула ослепительная ярость. — Что ты несешь, сын?! Ты должен жениться на Тэруко Ясуката. Зачать ребенка, снять проклятие и стать императором Оясимы.

— Я двадцать пять лет прожил без магии. Думаю, и дальше без нее обойдусь.

Произносить это было нелегко. Но он все обдумал и решил еще в заброшенном храме — в ту ночь, когда поддался зову плоти и перешел черту.

Отказываться от предрешенного будущего было тяжело. Не от власти, нет. Владычество над немирным северо-восточным соседом было мечтой отца, не Джина.

Но отказаться от возможности стать полноценным? Взывать к силе, не страшась утратить себя. Не сдерживать своего демона каждый час, каждую минуту. Стать равным среди всегда презиравших его высокородженных. Или даже больше, чем равным, Джин знал: сила его такова, что мало кто из самураев осмелится бросить ему вызов.

Но не в магии счастье. Сотни тысяч людей прекрасно живут без нее.

В ту ночь, когда Мия спала рядом, доверчиво положив голову ему на плечо, Джин понял, что любит ее. Что хочет быть с ней. Засыпать и просыпаться вот так, сжимая ее в объятиях. Смотреть, как девушка медленно расцветает, превращаясь в женщину. Увидеть их общих детей и дать им имена. Состариться вместе.

Отец не зря назвал его упрямым. Он хорошо знал своего внешне послушного отпрыска. И то особое, мягкое, но несгибаемое упорство, с которым Джин умел добиваться своего. Не настаивая прямо, не требуя, очень часто даже не ссорясь. Там, где император шел напролом, оставляя после себя руины и пепелища, его сын умудрялся добиться куда большего, не создавая лишних врагов и не ранив чужой гордости.

— Он думает?! — заорал отец, брызгая слюной. — Да ты вообще думать не способен! Тупица, слизняк, похотливый идиот! Начни уже работать головой, а не тем, что болтается между ног...

Джин молча, как всегда, переживал крики и поток оскорблений. Семейный темперамент Аль Самхан был известен ему не понаслышке. Дальние потомки бога огня не всегда умели сдерживать ярость. В бою это делало их страшными противниками, но вот в быту...

И Джин был бы таким же, если бы не проклятие и годы в монастыре.

И все же слышать оскорбления и упреки в сыновней непочтительности было больно.

Надо дать отцу выкричаться. Людям всегда надо давать возможность выкричаться. Пусть спустит пар, а потом Джин поговорит с ним спокойно и трезво.

Это всегда работает.

Порой Джину казалось, что у каждого человека есть свой неукротенный демон. Просто не такой опасный и сильный, как достался ему, а потому мало кто пытается познать своего зверя.

— Чурбан отмороженный! — как-то бросил ему в гнев Тхан.

— Будет лучше, если я тоже начну тебя оскорблять? — спросил Джин, улыбаясь хорошо знакомой всему двору мягкой улыбкой. Она всегда появлялась на лице первенца императора во время спора.

Брат смутился и не нашел что ответить.

Нет, Джин вовсе не был бесчувственным. Пожалуй, он знал о своих эмоциях куда больше, чем большинство знакомых ему людей. Знал, когда и сколько давать им воли. И потому никогда не подчинялся им полностью.

Он вообще хорошо знал себя, проклятый сын деспотичного отца. В знании был ключ к спасению. Только будучи хозяином себе, Джин мог контролировать своего демона.

Наверное, он бы гордился своей выдержкой, если бы не понимал, что она — плата за

ущербность от рождения. И что считать себя в чем-то лучше других — тоже ловушка. Ловушка гордыни.

— Ты хоть понимаешь, на что пришлось пойти Самхану, чтобы устроить этот брак?! Мы отказались от аннексий и почти отказались от выплат! Твоя помолвка была оплачена кровью и жизнями тысяч самханских солдат! Что ты скажешь их матерям?

Дребезжащий голос отца прервался. Он откинулся на подушку, захлебываясь в кашле. Джин налил еще воды в чашу и потянулся, чтобы напоить старика.

Чаша вместе с проклятиями полетела ему в лицо.

— Ублюдок! Ты мне не сын! Возвращайся в ад! Стоило тратить последние силы, призывая тебя оттуда?

Старик всхлипнул. Из-под века выкатилась мутная слеза и сползла по изборожденной морщинами щеке.

Все соображения разума, вся выдержка мгновенно вспыхнули и сгорели в остром, почти невыносимом чувстве вины. Джин смотрел на отца и не верил. Яростный, несгибаемый, волевой император Аль Самхан плакал сейчас на его глазах. По его вине.

До этого он никогда не видел отца плачущим.

И тут начался приступ.

Старческое тело выгнулось. Император раскрыл рот, словно вытасченная на сушу рыба, тщетно пытаясь заглотнуть воздух. Пальцы заскребли по кровати, раздирая тонкий шелк белья.

Джин вскочил и бросился к двери.

— Врача!

Дальше все было как в тумане. Жрецы, медики, толпы народа. Крики, беготня, горьковатый запах трав, покаявающее кожу прикосновение магии.

И настойчивый голос Бао:

— Ваше высочество, вам лучше уйти. Мы позовем вас, когда императору станет лучше.

Он не помнил, сколько часов провел в ожидании. Рядом маги, жрецы и лекари сражались за жизнь императора, а Джин ждал.

Терзаемый виной, он то вскакивал и принимался мерить комнату шагами, то возвращался в кресло, чтобы уставиться невидящим взглядом в стену. Забывшись, стискивал кулаки так, что пальцы сводило от боли, а на коже оставались кровавые лунки от ногтей. И снова вскакивал и кружил по комнате, еле удерживаясь, чтобы не ворваться в соседние покои, где умирал отец.

Умирал по его вине.

Да, хорош наследничек. Вернулся из ада, чтобы угробить папашу. Воистину проклятие для своего рода, как того и пожелала Морико Риндзин.

Кто его за язык-то тянул? Не мог сказать позже?

Или промолчать.

Решил, как всегда, сделать все по-своему? А в каком состоянии отец, ты подумал? По твоей вине, между прочим! Это он надрывался, отдавал последние крохи магии, чтобы вытащить сына обратно, вернуть ему человеческий облик...

Прав был отец, надо думать головой.

«Не прощу, — с каким-то леденящим душу отчаянием понял Джин. — Если он сейчас умрет, я никогда себя не прощу».

И можно тысячи раз повторять себе, что он был прав. Что это его жизнь, что только ему решать, как и с кем он хочет ее прожить.

Все слова казались натужным оправданием перед смертью, сидевшей в изголовье старика.

Когда спустя вечность в комнату вошел Бао, иступление Джина достигло предела. Воспитанный медитациями и суровыми монастырскими порядками самоконтроль дал трещину, Джин чувствовал, как демон рвется, натягивает ослабевший поводок. Остатки душевных сил уходили на то, чтобы сдерживать бестию. Не дать ей натворить дел, не сбежать в сладкий огненно-рыжий, в черных полосках туман. Ласковое беспамятство, в котором не было почти невыносимой вины и страха за отцовскую жизнь.

Бао натужно улыбнулся. Лицо жреца выглядело серым и осунувшимся, словно он не ел и не спал несколько дней.

— Нам удалось отогнать смерть, ваше высочество. Но император отказывается засыпать. Он требует вас.

— Конечно!

Джин вскочил. Желание увидеть отца и убедиться, что с ним все в порядке, мешалось со странной робостью.

Цепкие пальцы жреца ухватили его чуть выше запястья.

— Ваше высочество, — с нажимом произнес Бао. — Его величество нельзя сейчас сердить или расстраивать. Боюсь, если начнется новый приступ, никто и ничто не сможет спасти жизнь императора.

Джин сглотнул и кивнул.

Люди смертны, и отец не исключение. И все же от мысли, что упрямого и вздорного старика не станет, становилось так больно, словно кто-то поворачивал рукоять всаженного в грудь кинжала.

И все было так же, как несколько часов назад. Та же комната, то же изможденное тело на кровати. Только на этот раз в воздухе ощущался острый и резкий запах лекарственных трав, а в окно заглядывало солнце. Джин с удивлением понял, что уже день.

— Подойди. — Голос императора был тих, как еле слышный шелест ветра в кронах.

Джин подошел, с болью вглядываясь в старческое лицо. Если в прошлый раз ему показалось, что отец выглядит плохо, то теперь владыка империи Аль Самхан походил на оживший труп.

— Сними, — приказал император, взглядом указывая на медальон — рубин в форме головы тигра на своей шее. Родовая реликвия Аль Самхан. Сердце Огня.

Джин послушно разомкнул цепочку.

— Клянись!

— В чем?

— Что женишься на стерве Риндзин... то есть Ясуката... не важно. Женишься... снимешь проклятие... станешь императором Оясимы... что у тебя будут дети, и род Аль Самхан не угаснет...

Джин склонился и коснулся губами мерцавшего колдовским светом камня:

— Клянусь. Сделаю все, что смогу.

Слабое подобие улыбки скользнуло по бледным губам.

— Хорошо, — прошептал старик.

Его измученное лицо разгладилось, глаза закрылись. Он откинулся на подушку и задышал ровно и неглубоко. Медальон непременно выпал бы из ослабевших пальцев, если бы Джин не подхватил его в последний момент.

Он застегнул реликвию на дряблой шее. С горечью и затаенной болью вгляделся в старческое лицо.

— Простите меня, отец, и спасибо вам за все. Знайте, я люблю вас. Всегда любил. Я поклялся, и я выполню вашу волю — женюсь на Тэруко. — Помедлив, он добавил совсем тихо: — Но я не клялся забыть Мию или оставить ее.

Глава 3

ЛОВУШКА

Луч весеннего солнца заглянул в окно. Прокрался по сбитым простыням, погладил разметающуюся на шелке волну волос и, наконец, робко коснулся плеча прелестной обнаженной девушки. Она, не просыпаясь, отмахнулась и уткнулась в подушку, но луч был настойчив. Словно задавшись целью во что бы то ни стало разбудить спящую, он запрыгал по бледной коже, легко и нежно касаясь женственных изгибов, целуя спину с чуть выступающими позвонками, ямочки на пояснице и округлые ягодицы. Девушка протестующе пробормотала что-то и проснулась.

Мия открыла глаза, села. Прислушалась. За окном всюду заливались птицы, судя по солнцу, время шло к полудню, а в домике было пусто и тихо. Акио Такухати ушел.

При мысли об этом она почувствовала облегчение. Конечно, Мия знала, как полагается вести себя гейше с мужчиной, который остался до утра. Но знать — одно дело. А церемонно приветствовать и предлагать утренний чай человеку, с которым прошлой ночью была единым целым, который владел тобой, которому ты отдалась полностью, совсем другое.

Какие тут правила этикета, когда и как в глаза ему взглянуть, не знаешь?

Она перекадилась на футоне, вдохнула терпкий мужской запах и чуть покраснела, вспомнив все, что он делал с ней прошлой ночью. Что они оба делали. Вместе с чувством стыда Мия ощутила удивительно приятное сладкое томление в теле. Под кожей словно забегали щекотные дразнящие мурашки. Она еще раз вдохнула запах от подушки и потерлась об нее щекой.

Все. Теперь она — женщина. И это оказалось не так уж страшно. Даже приятно. Очень-очень приятно.

Мышцы чуть ныли, как бывало иногда после многочасовых занятий танцами. Она с каким-то детским изумлением оглядела свое тело, пытаясь найти признаки хоть каких-то изменений, но их не было. Только едва заметные следы мужских пальцев на бедрах и несколько красных засосов на груди. Они выделялись на бледной коже, как клеймо.

Отметины — плохо для гейши, но Мия при виде этих следов почему-то ощутила гордость. И ей вдруг стало очень обидно, что Акио ушел вот так, не попрощавшись. И захотелось, чтобы он вернулся и сделал с ней все это еще раз...

Стук сандалий по деревянному крыльцу заставил ее подскочить. Мия заметалась в поисках одежды. Нижней рубахи нигде не было, драгоценное шелковое кимоно ценой в год работы гейши в чайном домике — целое состояние — валялось на полу, словно простая тряпка. Мия ухватилась за него, но надеть уже не успела. Дверь отошла в сторону, и на пороге показалась женщина.

Даже не женщина — девушка. Никак не старше двадцати пяти, и настоящая красавица. Это округлое лицо, тонкие, словно нарисованные углем на белоснежной коже брови и ярко-алые губы запомнились Мие еще со вчерашнего дня, когда госпожа Хасу познакомила майко со всеми гейшами. Мия с облегчением выпустила кимоно и уставилась на гостью.

Жаль, но вчерашний день был так богат на впечатления, что имя красавицы просто вылетело у Мии из головы.

Незнакомка изучала Мию, чуть склонив голову. От ее взгляда не укрылись ни встрепанные волосы, ни засосы на груди. Мие стало неприятно это пристальное внимание. Она сердито подняла кимоно, набросила на плечи и с вызовом уставилась на гостью.

— Привет. Я — Асука, — назвала себя девушка, избавив Мию от необходимости вспоминать ее имя. — Ты слишком долго спишь, остальные гейши давно встали. Госпожа Хасу велела мне поторопить тебя. И помочь собраться.

— Да, конечно. Извините. — От мысли, что она заставила остальных ждать, Мие стало неловко. — Я сейчас.

Асука успокаивающе улыбнулась:

— Не бойся. У нас есть еще час, и я помогу тебе одеться. А пока прими ванну.

Ежась под ее изучающим взглядом, Мия снова сняла кимоно. Девушка неодобрительно покачала головой.

— Вот сволочь! Больно было? — Она кивнула на еле заметные следы от пальцев.

— Нет.

Асука шутливо пихнула ее в плечо:

— Да ладно, мне-то можешь не врать! Мы все знаем, что собой представляет Такухати. Мне вчера было жалко тебя до слез.

— Почему? — Мия так удивилась, что замерла.

— Потому что он любит делать больно. — Девушка ткнула пальцем в засосы на груди Мии, потом в синяки на бедрах.

— Но мне совсем не было больно! — запротестовала Мия.

Асука хитро улыбнулась:

— Что, и за волосы он тебя не таскал? А, вижу, что таскал. Он это обожает. А еще плетку. Хотя в чайном домике он не позволял себе подобного, госпожа Хасу никогда бы не допустила. Но в прошлом году он выкупил контракт малышки Ай — она еще, дурочка, радовалась, что станет наложницей самурая. После я как-то встретила ее на улице. Бледная, от своей тени шарахается и по всему телу шрамы от плети. Нет, милочка, ты как хочешь, а я не завидую той, на которую положит глаз Акио Такухати.

Мия моргала, пытаясь соотнести все сказанное с прошлой ночью, с заботливым и нежным мужчиной и блаженством, которое испытала в его объятиях.

— Мне кажется, ты ошибаешься, — наконец выдавила она. — Это не может быть правдой.

Гейша пожала плечами:

— Все не верят, пока он их первый раз не свяжет.

— С-свяжет? — дрожащим голосом переспросила Мия.

Воспоминание о шибари окатило мгновенной памятью тела. Грубая веревка на коже, унижение и страх, сладостное чувство беспомощности и чужой власти...

— Ну да. Он еще и связывать любит. Говорю же — извращенец. Радуйся, что легко отделалась. — Асука выглянула в окно и заторопилась. — Давай-давай, быстрее мойся! Нам же еще причесывать тебя!

Мия механически опустила в воду. За ночь магические камни остыли и вода была прохладной, но она едва почувствовала это. Внутри что-то заныло, захотелось заплакать. Горько-горько, как ребенок, которому подарили и сразу же забрали желанную игрушку.

Едва войдя в кабинет госпожи Хасу, Мия попятилась.

Потому что в комнате находился Акио Такухати.

Генерал перевел взгляд на Мию и тепло улыбнулся, но, встретив вместо ответной улыбки полный ужаса взгляд, нахмурился.

— Входи, Мия, — покровительственно кивнула госпожа Хасу.

Кроме нее и Такухати в комнате находилась госпожа Оикава и несколько старших гейш, а в углу сидел незнакомый Мие мужчина — чуть полноватый, средних лет, с ухоженными усиками и серьгой законника в ухе.

Мия робко протиснулась внутрь, стараясь держаться как можно дальше от Такухати. Это не укрылось от мужчины, и его лицо окончательно помрачнело.

— Я знала, что тебя ждет большое будущее, деточка, — продолжала госпожа Хасу. — Поздравляю, даймё Такухати пожелал выкупить твой контракт.

Мия побелела от ужаса.

— Что? — спросила она в надежде, что ослышалась или не так поняла хозяйку.

Бывало, что самураи выкупали гейш. Но это не делалось вот так — за спиной самой гейши. Никогда!

Стать наложницей богатого и наделенного властью мужчины было заветной мечтой большинства работниц чайного домика. Чтобы уговорить самурая выкупить контракт, обычно приходилось прилагать немало усилий. В школе у них было даже несколько уроков, на которых госпожа Оикава поучала, как подвести мужчину к такому решению обиняками, наводящими разговорами и жаркими ласками.

Но чтобы вот так? Чтобы самурай сам все решил, после первой же ночи, без уговоров? Чтобы гейшу просто вызвали и сказали, что она отныне не гейша?

Мия не слышала о подобных случаях раньше.

На нее накатила ужасающая беспомощность и мучительное ощущение, что она и в малейшей степени не властна над своей жизнью. В растерянности Мия переводила взгляд с хозяйки на Такухати и обратно.

«Ты как хочешь, а я не завидую той, на которую положит глаз Акио Такухати», — зазвучал в ушах сочувственный голос Асуки.

Словно не услышав ее вопроса, госпожа Хасу достала свиток из рисовой бумаги — символ обязательств Мии перед гильдией гейш и чайным домиком «Медовый лотос». За прошедшие годы магически заряженные чернила нисколько не выцвели, иероглифы на плотной бумаге читались легко.

Она протянула свиток законнику, о присутствии которого Мия успела забыть.

Надо что-то делать! Сейчас, немедленно! Иначе Такухати выкупит ее контракт и дальше будет, как в рассказе Асуки. Только боль и унижение.

— Сто золотых рё, — произнесла женщина, обращаясь к Такухати. — Как договаривались.

Он кивнул.

— Вы не можете! — выкрикнула Мия. — Я не хочу!

Изумленный шепоток пронесся среди гейш. Госпожа Хасу повернулась к Мие, приподняла

брови. На лице женщины читалась крайняя степень неодобрения.

— Деточка, что такое ты несешь?

Такухати резко выдохнул сквозь зубы. Синие глаза сверкнули яростным пламенем:

— Какого ёкая, лучшая ученица?

Но Мия уже вспомнила все, что знала о законах и своих правах. Первый ужас схлынул, теперь она готова была защищаться — так отчаянно, как только умела.

— Вы не имеете права перепродать мой контракт, если я против! — звенящим от слез голосом сказала она. — А я против! Не пойду с ним! Ни за что!

Женщины загомонили, чуть ли не в голос обсуждая происходящее. Мужчина в углу изумленно и даже как будто одобрительно покачал головой.

То, что она сейчас делала, не укладывалось ни в какие рамки. Вопиющее нарушение этикета. И огромный позор — о да, именно что позор для Такухати. Женщина не должна отказывать мужчине. Гейша не должна отказывать самураю. Не должна отказывать вот так — громко, на глазах у всех, категорично, с отвращением и отчаянием.

Если бы этого можно было избежать, если бы он сначала спросил ее желания наедине...

Он не спросил. И теперь Мия сражалась за свою свободу и свою жизнь.

Генерал вскочил. На мгновение Мие показалось, что он сейчас ее ударит, и она съежилась, но он только выругался — коротко и страшно.

— Подождите, господин Такухати. Я уверена, девочка просто не понимает...

Акио стиснул зубы так, что под кожей заходили желваки.

— Все она понимает, — полным ярости свистящим шепотом произнес он. Перевел горящие синим пламенем глаза на Мию и сказал, словно плюнул:

— Что ж, оставайся гейшей. Наверное, ты и правда рождена быть шлюхой, Мия.

Когда дверь стукнула за его спиной, Мия поняла, что не дышала все это время.

Госпожа Хасу снова покачала головой. Лицо у нее было кислым, словно кто-то заставил главу гильдии съесть горсть незрелых слив.

— Ты совсем дура, деточка? — спросила она, глядя на Мию с сочувствием, как на слабоумную.

Асука отошла от окна, довольно жмурясь. По ее округлому личику блуждала довольная лисья улыбка.

Майко, право первой ночи с которой генерал купил за бешеные деньги, на следующий день не побоялась скандала, лишь бы не стать его наложницей. Этого Такухати не забудет. После такого прилюдного унижения он даже не посмотрит на наглую выскочку.

Несправедливо! Разве это не ее, Асуку, должен был выкупить даймё Такухати, чтобы сделать своей?

Ничего, теперь-то он увидит, как мало ценит его эта мерзкая девка. Мужчины не прощают подобного. Особенно такие, как Акио — сильные, гордые.

Поделом дурочке. Не будет развешивать уши.

Пресветлая Аматаэрасу одарила Асуку не только красотой и женской хитростью, но и неженским умом и честолюбием. Искусство управления мужчинами она постигла еще в свой первый год работы гейшей. Мужчины часто после секса с красивой и покорной женщиной становятся теплым воском. Бери и лепи, что хочешь. Главное, не забывай улыбаться почаще и восхищаться, восхищаться...

При желании Асука давно могла бы покинуть чайный домик, но помилуйте — стать наложницей или даже женой третьесортного самурая? А не дай боги, придется уехать с ним в какую-нибудь глушь, дуреть там от скуки и дурнеть от родов.

Нет, она достойна большего.

Сопоставив откровения клиентов с бездетностью сёгуна, гейша мудро вывела небольшой список наиболее вероятных кандидатов на верховную власть в Оясимае. И возглавлял этот список будущий даймё Эссо.

Привлечь его внимание не составило труда. Улыбнуться пару раз завлекательно и призывно, вставить несколько остроумных реплик в общую застольную беседу, и Акио Такухати уже пожелал купить ее ночь.

Но дальше начались сложности.

Ни один мужчина раньше не сопротивлялся так долго ее чарам. Хуже того, Асука начала ловить себя на глупых и опасных мыслях и желаниях. Прикоснуться к нему. Утонуть в синем пламени глаз, отдаться власти сильных рук и хриплого голоса.

И ночи в его объятиях были лучшими ночами в ее жизни.

Асука долго приручала Ледяного Беркута с Эссо. Была нежна, покорна и изобретательна в постели. Развлекала его музыкой, веселой беседой и танцами. Осторожно, подспудно заводила разговоры о своей готовности рожать и воспитывать детей, дарить уют и заботу. Казалось, дело медленно, но шло на лад...

А потом была война, после которой сёгун отправил генерала в ссылку. Улыбаясь другим мужчинам и проводя с ними ночи, Асука снова и снова вспоминала... нет, даже не свои честолюбивые планы. Просто вспоминала его. Вспоминала и ждала.

От клиентов она узнала, что он был в столице после смерти отца. Принял регалии даймё из рук правителя и почти сразу же улетел на Эссо, так и не заглянув в чайный домик, чтобы навестить Асуку. Она металась, страдала, дулась и представляла, что скажет при встрече.

А он вернулся в ночь аукциона. Пролетел полстраны, чтобы заплатить за какую-то девку невиданную для мидзуагэ сумму.

Наутро, когда Асука проходила под окном кабинета госпожи Хасу, она услышала знакомый

чуть хрипловатый голос и остановилась, готовая скорее умереть, чем сойти с места.

То, что она услышала, было похоже на удар плетью наотмашь. Наместник Асано любил развлекаться с гейшами подобным образом.

Это сравнение и натолкнуло ее на мысль, что сказать наглой выскочке, осмелившейся посягнуть на мужчину Асуки.

Глава 4

СЛУЖИТЬ СВОЕЙ СТРАНЕ

— Ты хочешь уехать в Оясиму сейчас? Когда отец при смерти? — Брови Тхана взмыли вверх, отчего лицо наследника приняло обиженное и немного детское выражение.

«При смерти по твоей вине», — не прозвучало, но подразумевалось.

— Бао утверждает, что состояние императора стабильно, — ответил Джин, тщательно подбирая каждое слово. — В ближайшее время жизни отца ничего не угрожает.

— И есть надежда, что известие о свадьбе Джина поспособствует выздоровлению его величества, — сладким, как патока, голосом добавила Сунан.

Джин перевел взгляд на мачеху и прищурился. Что она задумала? На чьей сейчас стороне и почему?

Сунан улыбнулась в ответ. Ее маленький темно-вишневый ротик походил на сомкнутые лепестки плотоядного кувшинника. Редкий и опасный цветок, что раскрывается в сумерках, источая тревожный, привлекающий насекомых запах. Горе тому мотыльку, который решится отведать ядовитого нектара.

В свои сорок три года императрица-консорт все еще была удивительно красива. Лицо ее, пусть и лишенное девичьей свежести, поражало царственностью черт, вся фигура дышала спокойной властью. «Лунолика» — лествико именовали императрицу придворные, восхищаясь совершенным овалом лица и безупречно гладкой кожей. Лишь несколько еле заметных морщинок у края глаз цвета маренго намекали на возраст женщины.

Она посмотрела на Джина так ласково, что сторонний наблюдатель мог бы подумать, что Сунан очень расположена к пасынку.

— Никто не говорит о немедленной свадьбе. Но мое присутствие на островах необходимо.

Тхан нахмурился:

— В прошлый раз твое присутствие там закончилось демоном. Я не смогу вызвать тебя, если это повторится, ты же знаешь.

— Не повторится.

— Уверена, что ты справишься с империей и без Джина, дорогой, — все таким же сладким голосом добавила Сунан. — А мы с Мином тебе поможем.

На кислом лице Тхана читалось, что он не в восторге от предложенной помощи.

— Не будем обсуждать дела за завтраком, матушка, — примирительно ответил он.

Императрица бросила короткий злой взгляд в сторону пасынка, словно это он был виновен в недоверии сына к матери.

— Свадьба, — промурлыкала она. — Ах, вам, мужчинам, не понять, какую магическую власть над женскими сердцами имеет это слово. Жду не дождусь, когда познакомлюсь со своей невесткой. Надеюсь, Тэруко сумеет стать мне дочерью, как Джин стал сыном.

Ее пасынок только улыбнулся. Он уже забыл, когда последний раз у Сунан получалось задеть его за живое, но она не оставляла попыток.

— Уверен, так оно и будет, Сунан-хальмони, — легко согласился он.

Мачеха дернулась, словно ей отвесили пощечину. Вежливое обращение, которое обычно использовалось при разговоре с пожилыми женщинами, прозвучало для нее — упорно и успешно сражающейся со старостью — прямым оскорблением. При этом даже самый строгий наблюдатель не смог бы обвинить принца в непочтительности, раз уж императрица сама минутой раньше назвала себя матерью Джина.

Джин вертел в руках чашку с уже остывшим чаем и смотрел, как она стискивает побелевшими пальцами палочки в руках. Он не чувствовал злорадства. Только уже привычное удивление — почему она продолжает эту войну? Он десятки раз предлагал ей мир — ради отца, ради Тхана и просто потому, что не видел смысла тратить силы на такое бесполезное занятие.

Должно быть, эта вражда приносила остроту и смысл в сонное существование императрицы. Кроме Джина, никто не осмеливался бросить Сунан вызов.

Сунан. Красивая и ядовитая, словно змея. В детстве Джин боялся ее, а когда вернулся из монастыря, понял, что теперь уже мачеха опасается его. Опасается и ненавидит.

— Я тоже люблю свадьбы, матушка, — прозвучал над столом угодливый голос Мина. — Всю эту роскошь, фейерверки, прекрасные костюмы. Как можно не любить праздники?

Начальник дворцовой стражи, который на каждое торжество становился от недосыпа похожим на панду, мог бы многое рассказать о своей любви к праздникам, но по этикету ему не полагалось присутствовать за завтраком императорской семьи. Джин, для которого пышные приемы тоже были скорее нелегкой работой, разделял точку зрения старого вояки, однако вслух только дипломатично заметил:

— Праздники бывают довольно утомительными.

Мин зевнул, аккуратно прикрыв нижнюю часть лица расписным веером.

— Портной расширяет мне жилет из шелка, пламенно-алого, как кровь. Если свадьбу объявят к осени, он как раз успеет закончить.

— Алого? — хмуро, с нажимом, переспросил Тхан. — Как пламя? С золотым муаром?

Над столом повисло напряженное молчание. Пламенно-алый с золотым муаром — цвет императора, только он имеет право надевать одежды этого оттенка на празднества. Их шьют из редчайшего шелка муга, который дают шелкопряды особой породы. На солнце он отблескивает

золотом. Под страхом смерти прочим жителям Самхана запрещено носить одежды из этой ткани.

Глупость? Намеренная дерзость? Или намек придворным... вот только на что?

Джин взгляделся внимательнее в младшего из принцев Аль Самхан. Длинноволосый и изящный, словно девица, чересчур уж женоподобный. Мамин любимчик. В детстве он отличался трусостью и подлостью, а повзрослев, стал до невозможности слащав и улыбчив. Но отчего-то в полных лести речах младшего брата Джин всякий раз ощущал неистребимый привкус лицемерия.

Наследник отложил в сторону палочки и продолжал сверлить Мина злым взглядом. Тот залился смехом, сложил веер и вскинул руки в жесте примирения.

— Там будет много бирюзы в вышивке, братец! Да и оттенок совсем другой. Хочешь, покажу после завтрака?

— Ах, дорогие мои, я надеюсь, вы не станете спорить из-за одежды, как придворные дамы, — вмешалась Сунан, укоризненно покачивая головой.

— Не станем, матушка, — заверил ее Мин. — Конечно же не станем, все это просто милая шутка.

Его смех никто не поддержал.

Тхан послал Джину вопросительный взгляд. Тот коротко мотнул головой: «Не сейчас». Случайная это была оговорка или намеренная провокация, ссориться на глазах у слуг — последнее дело.

Любимый брат. Тоже рыжий и зеленоглазый — фамильная масть Аль Самхан. Всего на два года младше Джина, а кажется — на все пять. Свалившееся бремя правления словно ободрало с наследника налет мужественности, оставив растерянного юнца.

Вечный соперник и лучший друг. Маг и воин — уже три года, как Тхан возглавляет войска империи. Блистательная победа Самхана в огненной долине — его заслуга. Умеет подбирать верных и толковых людей, чувствует ложь, прямолинеен, но не глуп. Он будет хорошим императором, если успеет научиться править. Отец слишком берег его... или слишком боялся доверить контроль над империей хоть кому-то.

Он перевел взгляд на место во главе стола. Сегодня оно пустовало, и в этой пустоте было что-то вызывающее, неуютное.

Самханский двор лихорадило. Джин ловил на лицах приближенных отблески терзавших их страхов, надежд и сомнений, связанных с внезапной болезнью императора. Потому готовился к отъезду с болью в сердце. Оставлять неопытного брата наедине с этим гадючником ужасно не хотелось.

— Тебе правда так необходимо ехать? — спросил Тхан, когда они остались одни после завтрака.

— Да. Служба безопасности Оясимы накрыла нашу резидентуру. Тюрьмы избежали всего несколько агентов, и не из тех, кому я бы доверил серьезную работу. Придется восстанавливать все с нуля. Два года псу под хвост. — Он в упор посмотрел на брата. — Сам понимаешь, Благословенные острова не тот сосед, которого можно оставить без внимания. Кроме того,

меня ждут как посла и жениха Тэруко. Мы не можем это отложить.

— Понятно — разведка, невеста. — Тхан скривился. — И одна хорошенькая девица, ведь так?

Джин вздрогнул.

— Откуда ты знаешь? — Вгляделся в лицо брата. — Отец?

— Кто же еще?

— Она здесь ни при чем.

— Кому другому будешь рассказывать. Ты поспорил с отцом из-за нее!

«И чуть не убил его этим», — повисло в воздухе невысказанное окончание фразы.

Болезненно кольнуло чувство вины, в душе беспокойно шевельнулся демон. Джин глубоко вдохнул, очищая разум от лишних эмоций.

— Причина моего отъезда не в девушке. Я действительно должен быть в Оясиме как можно скорее, и тебе это известно лучше, чем кому-либо другому. К тому же, — с тайной горечью добавил он, — я все равно опоздал избавить ее от мидзуагэ.

Глаза Тхана сверкнули:

— Она гейша? Ты совсем свихнулся? Променять магию и власть на смазливую шлюху!

Ему показалось, что порыв ураганного ветра приподнял и швырнул его об стену. Стальные пальцы сомкнулись на горле, не давая вдохнуть.

— Еще раз назовешь ее шлюхой, и я тебя ударю, — очень спокойно и ровно предупредил Джин, глядя брату прямо в глаза. Медленно разжал руку. — Прости, но у меня дела.

Тхан выругался ему в спину, растирая шею.

Вот ведь придурок упрямый! Все в точности, как сказал отец: брат свихнулся на какой-то девчонке.

«Клянись, что не дашь Джину сделать глупость, — зазвучал в ушах чуть дребезжащий, требовательный голос отца, — и, если понадобится, избавишь его от этой девки!»

Отец прав, брата нужно спасать. Иначе, зная Джина, можно не сомневаться: ради своей ненаглядной гейши он вышвырнет в помойную яму и брак с Тэруко Ясуката, и блистательное будущее правителя Оясимы.

Плохо сидеть в тюрьме. Грязно, темно и воняет нечистотами. Кормят один раз в день недоваренным рисом, а то и вовсе помоями, какие не всякая свинья жрать станет. И совершенно нет женщин.

Но хуже всего то, что в тюрьме невыносимо скучно.

Первые недели его хотя бы водили на допросы. Дайхиро славно развлекся, мотая нервы следователю. Поначалу тот никак не желал верить в рассказанную тануки версию событий и

даже грозил пытками, но так и не привел угрозу в действие. Вместо этого после очередного допроса Дайхиро бросили в яму и забыли.

Пожалуй, это худшее, что могли с ним сделать. Одиночество и вынужденное безделье было для общительного и энергичного оборотня испытанием пострашнее пытки. Он развлекал себя, как умел: горланил песни, намеренно громко и фальшиво, прыгал по камере, разыгрывал в лицах смешные сценки, перевоплощаясь то в одного, то в другого участника действия. О предпринятых тануки попытках побега можно было написать трактат на пяти свитках. Дайхиро даже придумал название для будущего шедевра: «Сто один неудачный способ выбраться из одиночной камеры».

В темнице сёгуна всегда царила ночь. Стены глубокой — в три человеческих роста — ямы были укреплены стеблями бамбука. По скользкому полированному дереву не вскарабкалась бы и обезьяна. Сверху камеру, словно котелок на огне, прикрывала крышка, сплетенная из тростника, оттого на дне ямы было темно. Редкие солнечные лучи пробивались сквозь неплотное плетение, но почти не доходили до дна — сумрак сжирал их раньше.

Раз в день крышку приоткрывали, чтобы спустить пленнику воды и еды. Не будь этих визитов, Дайхиро решил бы, что о нем и вовсе забыли.

Скрип дерева над головой заставил оборотня проснуться. Он недоуменно заморгал, пытаясь приноровиться к сменившему тьму полумраку.

В прошлый раз еду приносили совсем недавно. Дайхиро готов был поспорить на свой хвост, что время следующей кормежки еще не пришло.

Вместо скудного пайка узника в яму спустился человек. Пока он слезал по деревянной лестнице, тануки щурил отвыкшие от света глаза, пытаясь рассмотреть гостя, но лица снизу было не разобрать. Только перед глазами покачивались полы темно-зеленого кимоно из неброской, но недешевой ткани. За пояс у незнакомца были заткнуты ножны, выдавая принадлежность к аристократии.

Самурай не успел спуститься с последней ступеньки на бамбуковый настил камеры, как Дайхиро принялся фиглярничать.

— Здравствуй, добрый господин! Ай как я рад — наконец-то у меня гости! Давай, проходи, садись. На пол, у меня тут все по-простому. Только не в тот угол. — Тануки ткнул пальцем за спину. — Туда я гажу, — с обезоруживающей откровенностью признался он.

— Хочешь выбраться из ямы, ёкай? — спросил незнакомец вместо приветствия.

Дайхиро разве что не запрыгал от восторга, но виду не подал. Уселся на пол, лениво почесал живот.

— Даже не зна-а-аю, — протянул он. — Мне здесь нравится. Тепло, уютно и кормят бесплатно.

Незнакомец рассмеялся — коротко и сухо, словно собака пару раз тьякнула. И опустился на корточки рядом.

Дайхиро разглядывал его, стараясь не выдать своего интереса. Не молод, но и не стар — на вид около тридцати лет. Некрасивое, но волевое лицо. Грубые черты, словно резчик по дереву сделал заготовку маски, да дорабатывать не стал, так оставил.

А глаза не светятся магическим пламенем. Совсем. Впрочем, такое бывало среди неродовитых самураев. Магия пробуждалась в них редкими вспышками, чаще в минуты сильных душевных волнений.

— Хочешь, — произнес он уверенно.

— Да я и так тут не задержусь. Какой интерес сёгуну кормить дармоеда?

— Верно, — согласился незнакомец. — Завтра тебя казнят за пособничество врагам и измену.

Оборотень почувствовал, как шерсть по всему телу становится дыбом. Да, он ожидал чего-то подобного. Тюрьмы Оясимы никогда не могли похвастаться избытком заключенных отнюдь не из-за законопослушности граждан. Преступников или казнили, или отправляли на каторжные работы. Дайхиро втайне надеялся, что и его сошлют на один из унылых северных островов, где в каменоломнях вчерашние воры и убийцы отработывали свой долг перед обществом. А уж сбежать по дороге или на месте он точно сумеет.

— Это же что такое? — возмутился тануки. — Меня нельзя казнить! Во-первых, я — ёкай и не подпадаю под законы человек. Во-вторых, я невиновен и чист, аки цветок лотоса. В-третьих, я — монах, и Будда будет очень недоволен, если вы сотворите подобное с его верным учеником. А на что способен недовольный Будда, даже я боюсь представить! Ну и в-четвертых, без меня мир никогда не будет таким же замечательным и веселым местом, как со мной. Можешь спросить у любой вдовушки в окрестностях Синих гор. Ты даже не представляешь, сколько женщин сделаешь несчастными одним взмахом меча, изверг!

— Пинком ноги, — подсказал человек, слушавший эту речь с улыбкой.

— Что? Почему пинком?

— Тебя повесят. — Он жестом показал, как выбивает чурбан из-под ног висельника. — Смерть от меча только для благородных.

— Ну вот, дожили! — Дайхиро аж задохнулся от возмущения. — Чем это я тебе не благородный? Да я знаю имя своей прапрапра и еще десять раз «пра» бабки. Можешь сказать о себе то же самое? Да я...

Гость слушал поток его излияний, не перебивая. По лицу его гуляла все та же странная улыбка, а прищуренные глаза изучали оборотня.

— ...и поэтому требую благородной казни! Так и передай сёгуну! — Тануки завершил свою пламенную речь, распушил усы и победоносно посмотрел на посетителя.

— Тебя повесят, — повторил человек. — Я знаю, что тебе просто не повезло польститься на обещанную шпионом горсть монет, но в глазах закона ты — изменник. И сёгуну плевать на твои требования. А теперь молчи и слушай, если хочешь выйти живым из этой ямы.

Он заговорил — коротко, по-деловому, рублеными фразами. Тануки слушал, и на лице его расцветала довольная улыбка.

— Звучит неплохо, — заявил он, когда человек закончил свою речь. — Но у меня есть ряд условий.

— У тебя не может быть никаких условий.

Дайхиро склонил голову набок и лукаво подмигнул:

— Еще как может, господин хороший. Это ты ко мне пришел — запугивать, убеждать. Видать, я тебе сильно нужен, а? Ладно уж, я принесу клятву, буду служить. Но и ты, будь другом, послушай, чего я хочу. Кстати, как тебя звать-то?

— Такеши Кудо.

— У-у-у... никогда раньше о тебе не слышал. Я-то думал, ты — какая-то известная шишка. Так вот: я хочу оклад в три золотых рё в месяц, собственный дом в центре, два свободных дня в неделю, новое кимоно...

Список желаемых ёкаем благ все рос и рос, но человек не торопился прерывать оборотня или возмущаться его наглостью.

— И право обедать на дворцовой кухне, — наконец добавил Дайхиро и замолчал.

— Жизнь. — С этими словами Кудо встал. — Комната в трактире для ночлега и пятьдесят серебряных момме в месяц, чтобы ты не тратил время, воруя еду. Или я уйду.

— Я согласен, — быстро ответил тануки. — Где нужно расписаться кровью? Кстати, я писать не умею. Могу просто крестик поставить? Ну или енотика нарисовать. Подойдет?

— Подойдет, — с обманчивой лаской в голосе согласился мужчина. — А писать мы тебя научим. Прямо сегодня и начнем.

Глава 5

ЧУЖОЕ ТОРЖЕСТВО

— А потом он лег и смотрит на меня. А я стою рядом голая, чувствую себя — дура душой. И смотрю на него. А он на меня. Потом говорит: «Ты что, малышка, сюда смотреть пришла?» — Оки скривилась при воспоминании.

— А ты?

— А я говорю: «Нет, господин».

— А он?

— А он: «Тогда прыгай сверху и работай». — И на жезл страсти свой показывает. — Оки снова скривилась. — Учили, говорит, тебя или не учили? Ну я и... Только как-то это...

Новоявленные гейши хором вздохнули.

Нет, обмен опытом получился вовсе не таким уж печальным. Рассказ Кумико, например, о ее бесплодных попытках пробудить «спящего воина» изрядно повеселил сплетниц. А Ичиги даже осталась довольна — купивший ее самурай был с ней ласков.

А вот Оки не повезло...

Никто из мужчин не проявил особой жестокости или грубости с майко на мидзуагэ. И все же обряд резко избавил от остатков иллюзий по поводу будущей профессии.

От прошедшей ночи осталось ощущение какой-то нечистоты. И сейчас, поливая друг друга горячей водой в купальне, девочки говорили и говорили, выплескивая свой страх, надежды и разочарования.

Совместное купание на следующий день после мидзуагэ — традиция. Как и последующая неделя воздержания. Мудрая традиция — вынесенные на суд подруг воспоминания теряют свою власть, перестают тревожить и мучить. И даже если во время мидзуагэ мужчина был неосторожен, недели хватит, чтобы гейша успела восстановиться.

— А ты почему не рассказываешь? — Кумико повернулась к Мие. На лице дочери самурая застыло искреннее сочувствие и беспокойство за подругу. — Все было настолько ужасно, да?

Мия сглотнула и отвела взгляд.

Она не чувствовала ни малейшего желания рассказывать подробности ночи с Акио Такухати. Даже запачканное откровением Асуки и отвратительной сценой в комнате госпожи Хасу воспоминание казалось Мие чем-то интимным, что предназначено только для двоих. Такими вещами не делятся даже с ближайшими подругами или матерью. Тем более их не отдают на поругание ровесницам.

Ее первая ночь с мужчиной была похожа на сладкую грезу, тогда как рассказы подруг больше напоминали липкий тягостный кошмар.

Нет, другие мужчины вовсе не были жестоки. Они просто отнеслись к майко как к товару. Думали о себе и своем удовольствии. Тот, который купил Оки, например, раздевая девушку, оценивал вслух ее тело, комментируя размер груди и форму ягодиц. Словно обсуждал удачно приобретенную вещь. Словно Оки не стояла рядом, дрожа от смущения и страха.

— Нет, — выдавила Мия, — не ужасно.

Мысленно она взмолилась, чтобы подруга перестала задавать вопросы. Но если боги и слышали ее молитву, они не вняли. Теперь на Мию смотрели уже все майко.

Кумико сморщила носик:

— Но ты отказалась стать наложницей господина Такухати. Значит, что-то было не так?

— Все было... нормально, — выдавила Мия.

«Нормально». Какое нелепое и неправильное слово для ночи, наполненной блаженством.

— Ага, «нормально». Поэтому на следующий день ты кричала, что скорее умрешь, чем пойдешь с ним.

— Я... что? — Мия растерялась. — Я не кричала!

Ичиго потянулась и хихикнула:

— Не думала, что даймё Такухати такой ужасный любовник. Или он заставлял тебя делать что-то противоестественное?

Теперь на Мию смотрели сразу семь пар глаз, полыхающих неумным любопытством. На лицах ровесниц застыло предвкушение скандальных откровений, за которым пряталась ревнивая обида — почему ее выбрал красавец-генерал? Почему не меня?

Обида и желание убедиться, что правильно не выбрал — повезло, пронесло.

Одно слово, один намек со стороны Мии — и побежит, полетит сплетня, обрастая по дороге немислимыми и жуткими подробностями.

— Да нет же! — с отчаянием воскликнула девушка. — Все было очень хорошо, правда!

— Тогда почему ты отказалась стать его наложницей? — резонно спросила Сизука.

Мия отвернулась.

— Я... просто не хочу быть наложницей, — с трудом выговорила она.

Кумико присвистнула, Оки покрутила пальцем у виска.

— Ну ты ду-у-ура, — протянула она, и Мие не захотелось спорить.

Походивший издалека на дыню предмет на поверку оказался человеческой головой. Акио поднял ее за хвост на затылке, взгляделся и яростно выругался.

Шедший за ним Нобу с испуганным возгласом шарахнулся в сторону.

— Чего прыгаешь? — сквозь зубы спросил даймё, поворачиваясь к младшему брату. Подвешенная за волосы голова в его руке закачалась. Отсветы фонарей скользнули по искаженным смертью чертам, создавая иллюзию, что покойник корчит гримасы.

— Нукекуби, — суеверно пробормотал юноша, чем вызвал презрительную ухмылку на лице старшего брата.

На чудовищного нукекуби, умеющего отделять свою голову от тела и отправлять в полет в поисках человеческого мяса, находка никак не тянула.

— Ты дурак? Это — Сабуро.

Нобу приблизился, опасливо принял из рук брата его страшный груз и издал горестный стон.

Лицо покойного кривилось в гримасе боли, свидетельствующей лучше любых сопроводительных записок, что конец его не был легким.

— Значит, сёгун все знает, — потрясенно пробормотал Нобу и поежился.

Акио отобрал голову у брата, закрыл покойнику глаза. На лице генерала застыла хорошо знакомая его подчиненным бесстрастная маска. Пожалуй, только несколько человек из ближайшего окружения, знавшие Такухати годами, смогли бы заметить скрытую за ней ярость и скорбь.

— Не здесь. Пошли в дом.

Дверь открыл слуга и замер в глубоком ритуальном поклоне.

— Управляющего ко мне, — велел генерал с порога и прошел по коридору, даже не пытаясь скрыть или завернуть в ткань свою страшную ношу.

С управляющим столичной резиденцией клана Такухати они столкнулись на пороге кабинета. Упреждая любые расспросы, генерал сунул ему голову.

— Оставили на пороге дома, — пояснил он в ответ на вопросительный взгляд вассала. — Выясни, как она здесь оказалась. Когда и кто из слуг покидал дом в последний раз? Кого из посторонних пускали во двор? К ночи я должен знать, кто принес ее.

Кровожадная ухмылка лучше любых слов говорила, что сделает генерал с курьером, доставившим жуткую посылку.

Нобу робко тронул брата за рукав:

— Но сёгун... — начал он.

Такухати отмахнулся.

— И позаботься, чтобы нашли тело. Сабуро был хорошим вассалом, я хочу, чтобы у него было достойное погребение, — закончил он.

Управляющий исчез так же стремительно, как появился. Нобу попытался исчезнуть вслед за ним, но был остановлен окриком брата: «А ты куда?»

— Я думал, теперь уже все... — начал он. И замолчал, предлагая брату самому додумать, что именно «все» — раз уж они собирались обсудить план похищения младшей сестры из дворца сёгуна. А какое теперь обсуждение, когда свой человек, внедренный во дворец, вернулся в таком усеченном виде?

Акио щелчком пальцев зажег фонарь на столе, прошелся по кабинету, напоминая повадками запертого в клетке, но несломленного хищника.

— Третий раз, Нобу! Это не может быть случайностью.

— Думаешь... — Нобу тревожно покосился на дверь, словно опасался чужих ушей.

— Кто-то из наших людей берет золото сёгуна.

— Но зачем они подкинули голову? Мы бы не хватились Сабуро еще пару недель.

Старший Такухати криво ухмыльнулся:

— Запугивает. И предупреждает.

— Послушай, — нерешительно начал Нобу, — я сейчас скажу то, что тебе не понравится. Но, может, все так и оставить? — Увидев выражение лица старшего брата, он вскинул руки и заговорил быстрее: — Пойми, сёгун просто хочет быть уверенным в нашей лояльности. Я видел Хитоми во дворце. Ей нравится быть фрейлиной. Скоро прибывает самханское посольство. Возможно, она сумеет найти мужа среди самханцев. Ты хочешь спрятать ее на Эссо, чтобы она так и состарилась там, не увидев мира? Пойми, ей уже тринадцать! Еще два года и...

— Хватит! — обрубил эту тираду резкий окрик генерала. — Молчи!

В комнате повисла тяжелая пауза. Акио встал у приоткрытого окна, вглядываясь в густые сумерки за окном. Порыв ветра донес обрывок пения кукушки и запах цветущей сакуры. Генерал поморщился и резко опустил створку, отсекая внешний мир. С недавнего времени

сакура вызвала у него почти неконтролируемый приступ ярости.

Сакура, запах трав в офуро, вид тяжелого узла волос над беззащитной девичьей шеей и еще десяток мелочей, вольно или невольно напоминавших о волшебной ночи и полном позоре утре...

— Значит, это правда. — Тихий голос брата разрушил наваждение. — Ты думаешь сам стать сёгуном, как и требовал отец. Сёгун не просто так взял Хитоми в заложницы.

— Думаешь, только Хитоми? — Акио резко повернулся, чтобы смерить младшего брата насмешливым взглядом. — Веришь, что получил должность тайи за особые заслуги?

Нобу побледнел и ничего не ответил.

— Пока вы здесь, он держит меня за... — Генерал сжал ладонь в кулак и сделал неприличный жест. — Если не найду предателя, не смогу верить своим людям.

О задании Сабуро знали всего человек десять. Самые близких, проверенных вассалов. Кто-то из них согласился продать своего даймё и свою честь в обмен на золото? Или предатель чуть дальше — среди домочадцев и слуг вассала, а тот просто сболтнул лишнего там, где следовало промолчать?

— И что делать?

Акио откинулся на стену и скрестил руки на груди. Мысленно он рассмотрел и отбросил уже с десяток вариантов. Конечно, он найдет предателя, и тот еще поймет, что, выбрав золото сёгуна, выбрал не только бесчестье, но и смерть. Но на это нужно время. Время и свобода маневра, которой у него нет, пока сестра в заложниках.

Своим доверять нельзя. А чужакам — наемникам или главам других кланов — нельзя втройне. Стоит дать им понять, насколько важна для даймё Эссо младшая сестра, и у Хитоми уже никогда не будет счастливой и спокойной жизни.

— Мне все равно нужен союзник, а у главы клана Асано нет сыновей, — наконец медленно выговорил генерал. — Зато целых три дочери. Старшей как раз семнадцать, самый брачный возраст. И у него тридцать тысяч вассалов, которые отлично знают, с какой стороны нужно браться за катану.

— Он даже не даймё. Наместник...

— Это можно поправить. Я слышал, наместник давно считает северо-западную префектуру своей вотчиной. Мы будем друг другу полезны.

— Но при чем здесь Хитоми?

Такухати усмехнулся:

— Попрошу его, как будущего родственника, о маленькой услуге.

Мия бездумно гладила струны цитры, краем глаза поглядывая в зал. Вечер только начался, в чайном домике находилось всего двое гостей. Лица незнакомые, на аукционе Мия их не видела. Совсем молодые — на вид лет по двадцать. Один — с тонкой полоской ухоженных усиков — настоящий красавчик, не зря же гейши вокруг него так и вьются, стремясь завладеть

вниманием гостя.

Второй самурай, впрочем, тоже не скучал в одиночестве. Мужчины развалились в углу и как раз допивали второй кувшинчик саке, отпуская сальные шуточки по поводу окружавших их жриц любви.

Девушка отвернулась и уставилась на струны. Как хорошо, что госпожа Хасу наказала ее за ту сцену в кабинете. Теперь весь месяц Мия будет играть на цитре, вместо того чтобы обслуживать гостей и флиртовать с ними.

Среди гейш эта работа не была популярной; перебирая струны, трудно привлечь внимание гостя, а долг чайному домику — за проживание, еду, красивую одежду, притирания и другие женские штучки — рос ежедневно.

Девушка подавила тоскливый вздох. Неделя, выделенная «матушкой» новоявленным гейшам на восстановление после мидзуагэ, миновала. И сегодня выпускниц школы ожидал первый обычный рабочий день. Вернее, ночь.

Мия закусила губу и страстно пожелала, чтобы ее никто не купил этой ночью. Когда-нибудь это все равно случится, но пусть не сегодня. Пожалуйста! После рассказа сверстниц даже думать было противно, что к ней притронется один из обычных клиентов «Медового лотоса».

Она снова вспомнила Джина. Сильные объятия, жесткие рыжие волосы под пальцами, поцелуи, от которых кожа горит огнем, а голова становится легкой и бездумной.

Но образ самханца в мыслях побледнел и растаял, вытесненный иным. Полыхающие синим огнем глаза, стальные пальцы, до синяков стискивающие бедра, хриплое рычание «Ми-и-ия»...

В животе сладко заныло, как всегда, когда Мия вспоминала о той ночи и о том, каким властным, но нежным был с ней ее первый мужчина.

Неужели, если бы она согласилась на выкуп, Акио стал бы иным? Жестоким садистом, получающим удовольствие от страданий беззащитного? Она перебрала мысленно все свои столкновения с Такухати. С того самого первого раза, когда он выделил ее среди толпы майко и приказал ублажать себя, а она не подчинилась.

Акио был настойчив, временами резок и груб. Все в его манере держаться и поведении требовало беспрекословного повиновения, иной раз девушке казалось, что он хочет ее полностью поработить, присвоить себе, контролировать каждый ее вдох.

Но он никогда не был жесток с ней.

Мия моргнула. На полированное тело цитры упала капля. И еще одна рядом с первой. А струны все так же звенели — негромко и печально.

Практичный и циничный обряд продажи невинности кроме вполне понятной финансовой выгоды таил в себе немалую пользу, приучая майко к специфике будущей профессии во всей ее неприглядности. Акио Такухати, превратив ночь мидзуагэ в ночь любви, оказал девушке сомнительную услугу.

Мия так и не узнала, был ли рассказ Асуки правдой. Новость о гейше, отказавшейся стать наложницей даймё Такухати, мгновенно облетела весь «квартал ив и цветов», на Мию бегали

поглазеть из дальних чайных домиков, разве что пальцами не тыкали. Незаметно расспросить кого-то в таких условиях было немыслимо. А спрашивать не таясь — выставлять себя полной дурой.

Впрочем, девушка и так чувствовала себя дурой. Чем дальше, тем больше. Казалось, весь чайный домик над ней смеется. Асука пыталась поговорить с ней после скандала, но в ее вроде бы сочувственном голосе Мие почудилась неприкрытая издевка.

По рядам гейш пробежал взволнованный шепот. Мия подняла голову, наткнулась взглядом на того, кто занимал сейчас все ее мысли, и от неожиданности слишком резко дернула струну. Та оборвалась, больно хлестнув по пальцам.

Тишина рухнула на комнату, словно обвал в горах на головы неудачливым путникам. Смяла, погребла под собой звуки. Даже юнец в углу замолчал, подавившись очередной сальной остротой. Гейши, вытянув шеи, смотрели то на Мию, то на Акио, стараясь не пропустить ни одного жеста или взгляда, чтобы было потом что обсудить. Когда еще встретится такое развлечение?

Большинство опытных работниц «Медового лотоса» всю неделю авторитетно повторяли, что в ближайший год Акио Такухати в чайном домике не покажется. Он и раньше нечасто заходил, а уж после такого унижения...

И вот он здесь. Всего неделю спустя. Ровно в первый день работы оскорбившей его девицы.

Что сделает генерал?

Мия почувствовала, как краска стыда заливает ее лицо. Смотреть на Акио было неловко. За прошедшую неделю она успела прочувствовать и осознать все последствия своего отказа. Подобное пренебрежение было позорным для любого мужчины. Но для даймё и главы одного из старейших родов Оясимы это было настоящим унижением.

«Простите меня, — прошептала Мия одними губами. — Пожалуйста!»

Он отвернулся. Прошел мимо нее, как мимо пустого места, дернул за рукав первую подвернувшуюся гейшу — ею оказалась радостно вспорхнувшая навстречу Такухати Асука — и бросил в пространство:

— Домик на ночь!

На лисьем личике Асуки расцвела довольная улыбка. Уже в дверях гейша обернулась. И Мие почудились в изгибе ее губ насмешка и злое торжество.

Глава 6

РЕВНОСТЬ

— Вы сегодня чем-то озабочены, мой господин?

Акио промолчал, сдерживая раздражение. Он уже жалел, что взял именно Асуку. Да, она лучше других гейш знала, как доставить ему удовольствие. Но ее болтовня в постели после секса всегда утомляла генерала.

Он лежал на спине, закинув руки за голову, и ощущал смесь злости, презрения к себе и

неудовлетворенности. Злость сопровождала его всю последнюю неделю, а презрение поселилось в душе в тот миг, когда даймё обнаружил, что ноги сами привели его к воротам «Медового лотоса».

Он уже собирался развернуться и уйти, как делал это три предыдущих вечера, но потом вспомнил, что сегодня должен быть первый день работы новоявленных гейш, выругался, сплюнул и вошел внутрь.

Мия сидела у стены с цитрой на коленях. Отчего-то при взгляде на нее Такухати почувствовал облегчение, тотчас сменившееся бешенством. Ее полный ужаса взгляд и шепотки со стороны прочих шлюх — все это мгновенно напомнило о давешнем унижении. С трудом сдерживая ярость, он выхватил из толпы женщин первую попавшуюся и удалился в надежде, что ласки опытной гейши помогут утолить снедающие душу тоску и голод.

Не помогли.

— Господин желает чего-нибудь еще?

Ладони с длинными ухоженными ноготками погладили его по груди. Асука потерлась щекой о плечо, целуя и ласкаясь, спустилась ниже, коснулась губами члена...

Акио вспомнил испуганный взгляд Мии. Чего она боялась? Ждала, что он будет мстить? Дурочка. Да он и не подойдет к ней больше! Пусть маленькая шлюшка отдается любому, кто заплатит, если даймё Эссо недостаточно хорош для нее!

В памяти всплыло обещание Горо Асано купить Мию позже. Будущий тесть — большой ценитель свежего мясца — особенно любил таких вот нежных, совсем юных девочек, похожих на не до конца раскрывшийся бутон. Конечно, он не пропустит Мию.

От воспоминания о ее обнаженном теле — округлых бедрах, маленькой груди с бледно-розовыми сосками, о том, как сладко и жалобно она вскрикивала, когда Акио входил в нее, мгновенно пришло возбуждение. Асука довольно замычала и задвигалась быстрее.

Мия... почему он вообще продолжает о ней думать? Почему не может выкинуть из головы девку, которая унизила его?

Маленькая стерва, обманчиво-невинная, лживо-покорная, но себе на уме. Она ведь прекрасно понимала, что делает, когда оскорбила его прилюдным отказом! Он прочел это в ее полных ужаса глазах.

Зачем? Ради чего? Неужели Акио был ей настолько противен?

...быть может, как раз сейчас, в этот момент, Мию покупает какой-нибудь похотливый старик или один из тех двух юнцов, которых Акио мельком заметил в комнате...

Он отпихнул усердно двигающую головой Асуку, вскочил и начал одеваться.

— Господин... куда вы, господин?

— Не твое дело.

Чтобы смягчить грубость своих слов, он оставил ей на столике горсть серебряных монет, но Асука словно и не заметила подачки. Закусив губу, она со странной гримасой следила за тем,

как генерал оправляет одежду и уходит, не удостоив на прощанье женщину, с которой только что был близок, даже взглядом.

Лишь когда за ним хлопнула дверь, гейша позволила себе упасть на постель, уткнуться лицом в подушку и завывать.

Вечер был в самом разгаре. В зале стоял легкий гул, слышался призывный женский смех и хвастливые мужские разговоры. Сквозь аромат курений пробивались куда более прозаические запахи саке, пота и горячих закусок.

Струны на новой цитре чуть дребезжали — еле слышно, но этот дребезг отдавался в пальцах, царапал уши. А душу царапало воспоминание о прощальном взгляде Асуки.

Если Акио Такухати так жесток, как рассказала гейша, отчего она выглядела такой счастливой?

Мия представила, как Акио будет целовать Асуку, как медленно разденет и возьмет на шелковых простынях, и ей захотелось разрыдаться от странной острой боли внутри.

«Я ревную?!» Это открытие так поразило девушку, что она чуть не выронила инструмент.

Но почему? Ведь Мия не любит Акио Такухати. Она никогда не пыталась привлечь его внимание, никогда не навязывалась. Это он ее выбрал и с первой встречи не оставлял домогательств, не считаясь с волей и желаниями девушки.

Отчего же так больно и обидно?

Сквозь пение струн и разговоры она услышала:

— Эта, которая с цитрой...

— Отличный выбор. — Когда госпожа Хасу разговаривала с клиентами, ее голос сочился медом, как свежие соты. — У вас хороший вкус, господин. Мия из новеньких девочек, и в школе она была лучшей. Мия, подойди!

Мужчина, разговаривавший с владелицей чайного домика, был не стар. Обычная, ничем не примечательная внешность: коренастый, широколицый, темные волосы чуть ниже плеч собраны в маленький хвостик. Одежда вроде и непростая, но вышивка небогатая.

Мия подошла и робко улыбнулась мужчине. Тот в ответ одарил девушку злым взглядом и выплюнул короткое:

— Пойдем, гейша!

Она задрожала, кожей ощущая его гнев и презрение.

— Господин желает уйти прямо сейчас? Скоро будут танцы и развлечения.

Гости редко приходили в «Медовый лотос» только ради секса. Музыка, изысканная беседа, игры с эротическим подтекстом и другие развлечения являлись желанной прелюдией перед ночью наслаждения. А стоимость выпитого и съеденного, оплата слугам и танцовщицам вместе с чаевыми для гейш составляли немалую часть дохода чайного домика.

Мужчина скривился, словно она поднесла ему тухлятину, убеждая попробовать.

— Желаю. Пойдем.

Отчего этот незнакомец пришел покупать себе женщину, если видно, насколько ему противны и веселье, и сама Мия?

У гейши есть право отказаться от нежелательного клиента. Но негласные правила чайного домика позволяли пользоваться этим правом только девушкам, которые проработали не меньше года. Чем старше и опытнее становилась гейша, тем большую разборчивость она могла себе позволить.

Сердце сжалось от тоскливого предчувствия, но спорить Мия не осмелилась.

Госпожа Хасу, видимо почуяв неладное, сама предупредила гостя:

— Обижать или бить девушек можно только с их согласия и за отдельную плату.

Тот дернул Мию за рукав и ничего не ответил.

По-прежнему звенели струны цитры, но теперь на месте Мии сидела незнакомая пухленькая гейша с густо набеленным лицом. Акио замер в дверях, оглядываясь. Свет от напольных фонарей, затянутых рисовой бумагой, ложился пятнами на циновки и стены. В зале сильно пахло теплым sake и едва уловимо сексом. На татами в центре танцевала Кумико. Пояс на ее кимоно был развязан и валялся на полу. Вдруг музыка резко прекратилась. Девушка замерла, успев остановиться вместе с музыкой, и следившие за ее танцем мужчины разразились недовольными криками.

Генерал отвернулся. Когда-то он любил эту игру. Особенно, если на татами выпускали сразу несколько девушек. Та, что не успевала замереть вместе с музыкой, должна была снять с себя один из предметов одежды. Наблюдение за полудобровольным разоблачением возбуждало не на шутку.

Он представил Мию танцующей рядом с Кумико и зарычал.

Где она?

Развалившийся на подушках самурай слушал пошлый и веселый рассказ какой-то гейши. История закончилась, и мужчина захохотал, хлопая себя по ляжкам. Из темноты возникла молчаливая служанка, с поклоном поставила на столик еще кувшинчик sake и исчезла.

Из угла донеслось хихиканье, а после чуть картинный возбужденный стон. Гейши «Медового лотоса» знали, как польстить клиенту. В их распоряжении был целый арсенал всевозможных охов и вздохов, которыми они отзывались на любое действие мужчины. Фальшивых, как глиняный момме, но много ли надо опьяненным sake клиентам?

Ложь была основой всего в «Медовом лотосе». И она же была причиной, по которой Ледяной Беркут глубоко в душе презирал и продажных женщин, и те нехитрые радости, которые способен был предложить «квартал ив и цветов» любому мужчине за его деньги. Безошибочно различавший фальшь в повадках жриц любви генерал ощущал вместе с удовлетворением легкую брезгливость всякий раз, когда покидал стены чайного домика.

Где Мия?

Сквозь вздохи прорезался жалобный девичий вскрик. Акио одним прыжком преодолел расстояние, разделявшее его и серую массу тел в углу, и дернул навалившегося на девочку мужчину за плечо. Тот обернулся в крайнем раздражении:

— Чего тебе?

Магическое пламя в ладони вспыхнуло, освещая смутно знакомое лицо. Пищавшая под мужчиной на татами девочка — это оказалась Оки — приподнялась и взглянула на генерала снизу вверх. Ее глаза округлились:

— Господин Такухати...

Еще двое самураев, сидевших рядом, оторвались от своих подруг и уставились на Акио.

— Ничего, — буркнул он, ощущая себя идиотом, и погасил пламя. — Обознался.

Генерал отвернулся и, игнорируя дружелюбно-пьяное предложение присоединиться, шагнул к выходу.

Надо уходить. Пока он снова не превратился во всеобщее посмешище.

Легкое прикосновение к плечу заставило обернуться.

— Вы кого-то ищете, господин Такухати?

Владелица «Медового лотоса» стояла у него за спиной и сладко улыбалась накрашенными губами.

Акио помедлил.

— Принеси счет. Я ухожу.

Он не станет снова позориться из-за нее. Пусть Мия остается здесь, с той жизнью, которую сама выбрала.

Глава 7

ПОДАРОК

На пороге домика Мия помедлила. Страшно было войти внутрь и остаться наедине с незнакомцем. В мужчине не ощущалось ни вожделения, ни похоти. Одна лишь злость окутывала его невидимой, но ощутимой издалека кисеей, и от этого становилось по-настоящему жутко.

Зачем он пришел в чайный домик и купил ночь с гейшей?

— Входи уже! — раздраженно буркнул клиент. Втянул за руку девушку внутрь и захлопнул створку.

— Вас раздеть, господин? — выдавила Мия, пряча глаза. От мысли, что ей сейчас придется ласкать и ублажать этого незнакомо-го и неприятного человека, она почувствовала дурноту.

— Обойдешься, шлюха!

— Что?

— Я должен тебя выкупить. — Он выговорил это с таким отвращением, словно признавался в необходимости съесть живого слизняка. — Завтра пойду к вашей «матушке» и скажу, что ты мне так понравилась — прямо жить без тебя не могу, хочу сделать своей наложницей. А вот о том, чтобы тебя трогать, речи не было.

Мгновение Мия, оторопев, рассматривала странного клиента. Его слова показались настолько нелепыми, что она даже не почувствовала обиды, только недоумение.

— Но зачем выкупать меня, если я вам неприятна?

— Какая тебе разница? — Мужчина показательно сплюнул. — Радуйся, тварь.

— Почему вы так со мной разговариваете? Что я вам сделала?

Он шагнул ближе и замахнулся. Мия отшатнулась и сжалась.

— Заткнись! — произнес мужчина свистящим шепотом. — Знаю, что все вы мечтаете найти себе дурака побогаче, чтобы сесть ему на шею. Ненавижу! Всех вас ненавижу! Подлые шлюхи...

Он произносил эти слова и медленно наступал. Мия тоже медленно отступала, пока не уперлась спиной в стенку. Мужчина странно скривил лицо и вытер ладонь об одежду.

— Не трону. Тебя даже трогать противно.

О пресветлая Аматаэрасу, да он безумец! От страха Мию прошиб ледяной пот. Она отползла в дальний угол и оттуда следила за мужчиной расширенными глазами.

Он больше не пытался приблизиться. Вместо этого зачем-то принялся развязывать пояс своего кимоно. Мия впилась зубами в ладонь, дрожа от ужаса. Если он подойдет, она закричит. И не важно, что потом скажет госпожа Хасу.

Мужчина разделся, лег на фудон и моментально захрапел. А Мия до утра просидела в углу, не осмеливаясь пошевелиться.

Задремать у Мии получилось лишь под утро, когда рассвело и в кустах запели птицы. А всего час спустя солнечные лучи легли на рисовую бумагу на окнах золотисто-сиреневыми пятнами, и гость резко перестал храпеть. Воцарившаяся в домике тишина заставила девушку очнуться от короткого и тревожного забытья.

Мышцы задеревенели от неудобной позы. Мия потянулась, бросила беспокойный взгляд на фудон и чуть не вскрикнула. Мужчина уже проснулся и сейчас разглядывал ее с каким-то неприятным и пристальным вниманием.

— Готова? — ухмыльнулся он.

— К чему? — Все, что Мия знала о сумасшедших, это что им лучше не перечить.

— К выкупу, разумеется. — Он выбрался из-под одеяла и тоже потянулся — с наслаждением, нисколько не стесняясь своей наготы. В иной ситуации сильное тренированное тело, лишенное жира, и рельефные узлы мышц произвели бы на девушку впечатление. Но сейчас ее мутило от усталости, бессонной ночи и страха, который внушал этот человек.

Она молча смотрела, как он подходит к бочке, как умывается, отфыркиваясь. Единственной надетой на мужчине вещью был амулет на шее — плоский камушек с дырочкой. Такие крестьяне подбирают у берега моря и носят от сглаза. У Мии тоже был такой в детстве. Только она носила его не на медной цепочке, а просто на шнурке.

Странное украшение для самурая.

— Я не хочу становиться вашей наложницей, господин, — наконец сказала Мия самым мягким и вежливым тоном, на какой только была способна.

— Врешь, шлюха. Все хотят, а ты не хочешь? Так не бывает.

— Зачем я вам?

— Ты еще и тупая? Зачем вообще покупают таких, как ты?

— Но я же вам отвратительна!

— Ну и что?

Закончив с умыванием и утерев лицо, он начал медленно одеваться. Мия стиснула кулаки так, что ногти впились в кожу, и предприняла еще одну попытку:

— Если вы попробуете меня купить, я откажусь. Вы не сможете сделать этого без моего согласия.

— Врешь! — Он хихикнул. — Цену себе набиваешь, да, потаскушка?

О боги, да он действительно сумасшедший! Презирает гейш, считает их шлюхами, не желает их ласк, но при этом непременно жаждет выкупить Мию в наложницы! Зачем? Что он будет делать с женщиной, к которой не испытывает ничего, кроме отвращения?

Неужели снова придется пройти через это? Прилюдный отказ самурая, шепотки, взгляды, расспросы других гейш и насмешливо-сочувственное «ты совсем дурочка?» от госпожи Хасу...

— Ну, чего расселась? Вставай, пошли.

Перед выходом девушка плеснула sake на маленький алтарь в нише и попросила kami образумить безумца и тем самым избавить его от позора, а Мию от скандала.

Но боги решили не вмешиваться.

Куросу вгляделся в лицо молоденькой гейши и улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка выглядела как можно более безумной. Судя по ужасу, промелькнувшему в глазах девушки, ему это вполне удалось.

Он слегка сочувствовал ей, но лишь слегка. Лучше быть напуганной, но живой гейшей, чем совершенно безмятежной и мертвой наложницей.

— Ну надо же, и правда отказалась, — протянул он. — И что, надеешься, я теперь от тебя отстану? А если я сегодня тебя снова куплю?

Мия вздрогнула:

— Это ваше право, господин Ёшимитсу.

На мгновение Куросу ощутил себя настоящим мерзавцем. В этой девушке, вопреки грязной профессии, к которой ее готовили не один год, ощущалось что-то чистое, светлое и наивное. О ней хотелось позаботиться, сохранить этот свет. Поцеловать, утешить, развеселить...

Вместо этого он рассмеялся, подпустив в смех истеричные нотки:

— Ладно, ладно, не куплю! Если примешь от меня подарочек на память.

Глаза девушки изумленно расширились:

— Подарок?

— На память о прекрасной ночи. — Он стянул с шеи виим. Несмотря на маскировку, тот был горячим, словно не один час пролежал под жарким летним солнцем. — Дай руку!

Мия чуть отступила и на всякий случай убрала руки за спину, но Куросу эта попытка бунта скорее позабавила.

— Будешь упираться, куплю тебя этой ночью, заставлю голой ползать на четвереньках и лаять. Ну! Руку!

Девушка неохотно повиновалась.

— Ай!

— Чего пицишь? — с угрозой в голосе спросил Куросу и прижал окровавленный пальчик к гладкой каменной поверхности. Девушка трепыхнулась, и он сжал руку, оставляя синяки на нежной коже.

На мгновение амулет стал почти нестерпимо горячим — виим признал владельца.

— Тише, тише... — Куросу сгреб девушку в охапку и успокаивающе погладил по голове. — Всего-то капля крови. Видишь, уже все зажило.

Магия амулета и впрямь исцелила царапину, которую Куросу нанес минутой раньше.

Мия замерла от ужаса в его руках, как крольчонок перед удавом. Кажется, запугивая девушку, он немного перестарался.

— Возьми. — Он вложил камушек ей в руку и заставил сжать пальцы. — Теперь он твой. Узнаю, что выкинула его или потеряла — убью. Надень.

Чтобы позволить ей это сделать, пришлось ослабить хватку, и девушка тут же рванула в сторону. Куросу мог бы схватить ее, но не стал удерживать.

— Надень! — повторил он негромко, но с такой явной угрозой, что Мия остановилась и оглянулась.

— Что это? — Губы девушки дрожали, и опытный лазутчик, которому не раз случалось пытаться и убивать, снова почувствовал себя последней сволочью.

— Это подарок, — мягко сказал он. — Защитный амулет. Надень его. Я хочу, чтобы ты носила его всегда. Если наденешь, я не подойду к тебе больше.

На лице девушки появилось обреченное — «сумасшедший», что вполне устраивало Куросу. С сумасшедшими не спорят. Под его требовательным взглядом Мия надела бронзовую цепочку с висящим на ней неприметным серым камушком. От внимания мужчины не укрылось, как она почти бездумно погладила отполированную до блеска поверхность, и он не сдержал улыбки. Магия амулета начала действовать.

На этом Куросу не успокоился и потребовал, чтобы она спрятала подарок под одежду. Ни к чему привлекать внимание других гейш.

— Это все, господин? — с опаской спросила Мия. — Можно, я пойду?

— Погоди. Вот, держи.

Девушка непонимающе уставилась на золотой рё в его руках.

— Да возьми ты его! — Он почти насильно вручил ей монету. — Прощай, Мия. Надеюсь, я никогда тебя больше не увижу.

Куросу Ёшимитсу шагнул за порог чайного домика, полной грудью вдохнул аромат цветущей вишни и поздравил себя с удачным окончанием скользкого дела.

Такая хорошая, чистая девочка, хоть и гейша... Неудивительно, что принц Аль Самхан потерял от нее голову.

Очень неприятно было бы ее убивать. И не только потому, что это неминуемо навлекло бы на голову Куросу месть Джина. В конце концов, у лазутчиков тоже есть совесть.

Последние месяцы, с тех пор, как старший принц пропал неведомо куда, а служба безопасности Оясимы накрыла резидентуру Самхана, Куросу и без того жил с ощущением неизбежного, но скорого конца.

Операцию оясимцы провели безукоризненно. В одну ночь повязали почти два десятка агентов и их многочисленных помощников из местного населения. Еще нескольких шпионов, бродивших по стране под личинами сказителей или монахов, взяли чуть позже в явочном трактире.

Суд сёгуна был скор. Всего пару недель спустя виселицы Тейдо украсили трупы шпионов и предателей.

А вот Куросу отчего-то пропустили.

Каждое утро он ждал, что в окно влетит бумажный журавлик, предписывающий агенту Ёшимитсу явиться на встречу в один из неприметных трактиров или дешевых публичных домов. А там его оглушат, наденут блокаторы, и человек с неприметным лицом, вооружившись раскаленными иглами и щипцами, начнет играть для Куросу симфонию страха и боли.

До того как судьба сделала его агентом разведки, Куросу всерьез подумывал о должности

судьи. Он даже успел сдать экзамен на должность судейского чиновника пятого ранга, и не все, прочитанное в «Уложении о пытках», успело стереться из памяти. Он хорошо, слишком хорошо представлял, что ждет шпиона, обвиненного в предательстве империи.

Порой это даже снилось. Кипящее масло на коже, иглы под ногтями и вкрадчивый голос: «Как получилось, что вы, агент Куросу Ёшимитсу, живы и на свободе? И не знаете ли случайно, где искать старшего принца Аль Самхан? Ах, не знаете. А если подумать?»

Он просыпался в холодном поту от собственного крика и долго таращился в темноту, страшась заснуть.

Одно время Куросу всерьез думал бежать. Сменить имя, внешность и скрыться, плюнув на почти пятнадцать лет безупречной службы. Останавливала мысль о семье, оставшейся в Самхане. Потому агент Ёшимитсу продолжал жить, словно ничего не происходит, и ждать вестей с родины.

Вести пришли два месяца спустя. Два приказа, полученные с разницей в час.

Письмо от вдруг объявившегося старшего принца содержало подробное описание девушки, ее имя, род занятий.

«Выкупи ее за любые деньги, — гласило послание. — Посели в своем доме и проследи, чтобы Мия ни в чем не нуждалась».

В клюве вестник держал виим.

Не какую-нибудь дешевую имитацию, самый настоящий виим — золото, замешанное на крови Аль Самхан. Куросу прошиб холодный пот, когда он понял, что за безделушку прислал принц Джин своей возлюбленной. Агент Ёшимитсу должен был передать императорский подарок все той же гейше. Сперва замаскировав, чтобы не слишком бросался в глаза.

Едва Куросу успел дочитать первое послание, как в окно влетел второй журавлик.

«Скоро в столицу прибудет свадебный кортеж. У нас есть все основания полагать, что наш брат околдован гейшей одного из столичных борделей. Проследи за ним и, если он выкупит какую-нибудь девушку, избавься от нее, — писал наследник самханского престола. — Очень важно, чтобы смерть выглядела естественной и не вызвала никаких подозрений».

От второго письма Куросу захотелось постучать головой об стенку. Желательно не своей, а того умника, который убедил принца Тхана отдать подобный приказ. Какая невозможная глупость — убивать девушку. Ведь известно, что самый верный способ охладеть к женщине — это получить ее целиком и безраздельно. А зная Джина Хо-Ланг-И Аль Самхан, можно не сомневаться, что тот не успокоится, пока не выведает всю правду о смерти возлюбленной.

В том, что старший принц сделает с убийцей, агент Ёшимитсу тоже не сомневался.

Два приказа. Один требует выкупить девушку для старшего принца, второй — убить девушку, которую выкупит старший принц.

Два приказа, и ни один нельзя нарушить. Но что будет, если девушку, по независящим ни от кого обстоятельствам, выкупить не получится?

Куросу Ёшимитсу не зря в свое время получил должность судейского чиновника пятого ранга.

Глава 8

ОДЕРЖИМОСТЬ

Этот самурай был бритым налысо, худым, с резкими и не очень приятными чертами лица. Но при виде Мии он улыбнулся так весело и задорно, что та не смогла не улыбнуться в ответ.

— Вот эту красавицу, — велел он и для верности ткнул в сторону Мии пальцем. — Ах, какие женщины живут в твоём райском цветнике, «матушка» Хасу, какие прелестницы! Если бы я мог провести ночь сразу со всеми! — Он мечтательно закатил глаза и сложил губы уточкой, словно подставлял для поцелуя.

Мия прыснула. В исполнении любого другого мужчины этот жест показался бы ей неприятным и вульгарным, но нынешний гость проделал нехитрую пантомиму с таким искренним и веселым задором, что вызвал у девушки симпатию. Даже госпожа Хасу сменила дежурную сладкую улыбку на куда более искреннюю.

А гость, вроде бы уже выбравший Мию, не торопился уединиться с ней или устроиться на подушках и потребовать саке. Деловитой походкой он обошел комнаты для приема гостей, умудрившись облапить, ущипнуть за попку или сказать пару комплиментов каждой встречной женщине. Даже пожилой служанке, спешившей на кухню с горой грязных тарелок, достался поцелуй в морщинистую щеку.

Мия широко распахнутыми глазами следила за его перемещениями. Она грезит? Откуда ему взяться здесь, в столице?

Осмотрев комнаты, мужчина вернулся — все такой же жизнерадостный, оживленно размахивая руками.

— Ай, какая жалость, какая, я бы даже сказал, невообразимая печаль, но я не могу задержаться здесь подольше, матушка Хасу. Увы, увы, капиталы мои так малы, а зов плоти столь силен, что я вынужден лишиться себя твоего чудесного общества. — Он приложил пальчики гейши к губам и подмигнул. — Но я навсегда запомню тебя, красавица.

И жесткая, давно привычная к любым комплиентам глава гильдии гейш вдруг зарделась, как девчонка, и ласково улыбнулась некрасивому и небогато одетому самураю.

— ...А еще я люблю закаты. Самый прекрасный закат в своей жизни я наблюдал у западных скал Кумаэ. Такое невероятное спокойствие снизошло там на мою душу. Я бы многое отдал, чтобы иметь возможность иногда приходить вечерами к белым скалам и провожать Амагэрасу оо-ми-ками в ее пути за горизонт.

— Кумаэ не относится к префектуре Наканосабу, — хмуро ответил Акио.

Замаскированные под дружескую беседу торги длились третий час, и Акио все больше раздражался. Генерал не любил долгие переговоры. И вдвойне не любил, когда переговоры проводились вот так — намеками, обиняками.

Первый этап прошел обманчиво просто. Горо с радостью поддержал идею сближения кланов Такухати и Асано и первым намекнул, что брачный союз может стать союзом военным. Но вот

стоило перейти к деталям, и начались сложности.

Толстяк оказался жестким и фантастически жадным. Его не устраивала просто северо-западная префектура или статус тестя сёгуна. Акио пришлось выдержать яростную битву за налоговые и торговые льготы, земли всех окрестных соседей — ссориться с их владельцами для нового сёгуна было бы безумием. Он сделал уступку на квотах по вылову рыбы и отдал Асано вольные острова искателей жемчуга — немалая потеря для бюджета, налоги с них исправно пополняли государственную казну.

— Пока не относится. Но это всегда можно исправить. — Горо разудало подмигнул, пухлые губы расплылись в улыбке.

— Не думаю.

Сейчас напряженные торги шли за стоящий особняком небольшой, но исключительно удачно расположенный на стыке северо-западной и центральной провинций остров. Кумаэ находился в ведении относительно слабого в политическом плане одноименного клана. Можно было бы пойти навстречу желаниям Асано, если бы не огромное влияние, которое имела семья Кумаэ на религиозную верхушку страны. Акио Такухати совсем не желал прослыть извергом, свежующим на обед детей.

Пусть дураки недооценивают влияние жрецов на умы.

— Уверен, — тяжело произнес Акио, чувствуя, как его терпение медленно уступает под натиском раздражения, которое вызывал Горо, — что у тебя не будет много времени, чтобы любоваться закатами, если сборщики жемчуга и вправду попросят покровительства клана Асано. Забота о новых людях — это всегда так хлопотно. — Последние слова он почти прорычал.

Политика. Или хуже того — торговля, налоги, экономика. Искусство держать баланс, управляя сворой жадных князьков, каждый из которых думает о своей выгоде. Стараниями отца Ледяной Беркут изучал это с детства и знал совсем неплохо.

Но не любил.

Толстяк внял прозвучавшему в голосе Такухати предупреждению, расхохотался и похлопал будущего зятя по плечу.

— Я вижу, что утомил тебя своей болтовней, мой друг. Продолжим завтра?

— Завтра я не смогу.

Продолжать не имело смысла. Акио уже пошел на все возможные уступки, дальнейшие торги были напрасной тратой времени, но Горо явно надеялся выклянчить еще каких-то поблажек.

— Тогда на следующей неделе?

Генерал покачал головой:

— Улетаю на север. Отец запустил дела, Эссо требует моего присутствия.

— Да, у тебя же фэнхун. — Толстяк завистливо вздохнул. — Не продашь птичку, нет? Понимаю, жаль... Я вот тоже собирался возвращаться, не люблю надолго оставлять провинцию без

присмотра. — Он щелкнул пальцами, словно в голову ему пришла какая-то удачная мысль. — О, тогда будь моим гостем на Кобу!

— Не уверен, что найду время.

— Время? Мой друг, от Кобу до Эссо всего день пути по морю. Твоя птичка долетит за пару часов. — Наместник заискивающе заглянул в глаза гостя. — А я покажу свои владения и познакомлю с вассалами.

Акио усмехнулся. Горо явно надеялся, что сумеет продавить неуступчивого зятя на своей территории.

Но предложение было соблазнительным. Оценить воочию ресурсы и возможности будущего союзника, познакомиться с вассалами. Если Нанами Асано родит ему сына, после смерти Горо можно будет поспорить с племянником наместника за верность этих людей.

— Хорошо, — согласился генерал.

— Отлично! Это надо отпраздновать. Как насчет sake? — И, не дожидаясь согласия, ударил в маленький медный гонг на краю стола. — Пусть Нанами подаст sake, — велел он пожилой служанке.

Уже собиравшийся остановить его Акио осекся и кивнул.

Около десяти минут прошло в ожидании под раздражающую болтовню толстяка. С самоуверенностью никогда не воевавшего дилетанта будущий тесть рассуждал о причинах поражения в последней войне. Акио отделялся глубокомысленным мычанием. Он бы уже ушел, но держало любопытство. За всей этой беготней он так и не нашел времени поглядеть на будущую мать своих детей.

По-хорошему, внешность и характер девушки не играли никакой роли. Она была просто залогом заключенной сделки. И все же генерал испытывал вполне простительное и понятное любопытство.

Она зашла в комнату с поклоном, неся в руках кувшинчик с подогретым sake. Дорогое, богато вышитое кимоно, сложная прическа, сдержанные движения. И даже личико ее — хорошенькое и свежее — было очень милым, но Акио мысленно невольно сравнил свою невесту с Мией и почувствовал разочарование. Рядом с хрупкой изящной гейшей аристократка Нанами смотрелась как грубая глиняная поделка рядом с резной статуэткой из кости.

Ладно. Не уродлива, и на том спасибо.

Она подлила ему sake, бросив долгий и восторженный взгляд из-под длинных ресниц. В раскосых глазах сверкнули оранжевые искорки, и Акио снова вспомнил другие глаза — огромные, черные и блестящие, как отражение звездного неба в водах озера.

Черные. Без единого всплеска магического пламени.

Благодарно кивнув девушке, он мгновенно потерял к ней интерес. Она помялась рядом еще с полминуты и исчезла — так же неслышно, как и появилась.

Послушна и не болтлива. Уже хорошо.

Горо отхлебнул теплой жидкости, закатил глаза и причмокнул.

— Попробуй саке, мой друг. Не хуже, чем у матушки Хасу. — В его заплывших жиром глазках на мгновение вспыхнуло и погасло оранжевое пламя. — Кстати, ты слышал эту изумительную историю о новенькой гейше? Той самой красотке, которую ты перекупил у меня неделю назад?

Генерал медленно повернул к Горо закаменевшее лицо.

— Какую историю? — очень холодно спросил он.

Толстяк захихикал:

— На прошлой неделе она отказалась стать твоей наложницей, на этой разочаровала другого самурая. Он тоже вроде тебя — захотел выкупить девчонку после того, как кувыркнулся с ней всю ночь. А она — ни в какую. Малышке мало одного нефритового жезла, она хочет каждый вечер иметь новый. Надо будет наведаться в «Медовый лотос», распробовать, чем же девочка так хороша. Но выкупать я ее точно не стану. — Он засмеялся утробным булькающим смехом.

Акио оттолкнул чашу с саке так резко, что напиток пролился на стол, и вскочил.

— Куда ты, мой друг?

— Дела, — сквозь зубы выговорил генерал, с трудом удерживаясь, чтобы не заехать по круглой, как рисовая лепешка, физиономии. — Поговорим на Кобу.

Только у порога «Медового лотоса» он пришел в себя и сумел хоть немного обуздать владевшее им бешенство. Акио сам не сумел бы сказать, что вызвало его ярость — напоминание о давешнем позоре, обещание Горо купить Мию...

Или тот факт, что кто-то другой обладал ею вчера.

Другой мужчина видел ее наготу, прикасался к нежной коже, ласкал и слышал в ответ благодарные вздохи и вскрики. Искренние — девочка словно не умела лгать телом. Перед другим она, краснея, раздвигала бедра, принимала в себя...

И она отказалась наутро стать наложницей этого другого. Так же, как до этого отказала Акио.

Значит, дело не в нем. Горо прав — Мия просто хочет быть шлюхой. Подстилкой для любого, кто купит ее.

Ненавидя себя за то, что делает, генерал шагнул в ворота «Медового лотоса».

Едва стукнула створка двери, отсекая их от внешнего мира, Мия бросилась самураю на шею.

— Ты... ты... — бормотала она, всхлипывая и тиская гостя. — Куда ты ушел? Я боялась, что больше никогда тебя не увижу.

— Тише, тише, девочка, — растроганно пробормотал тануки. — Мне тоже тебя не хватало. Ну что ты плачешь, Мия-чан? Подумаешь, загулял. В первый раз, что ли? Не надо так рыдать, не то ваша «матушка» решит, будто я над тобой издевался, потребует компенсации, а я гол и нищ, как положено любому уважающему себя монаху. И стражники бросят меня в яму, а я только что оттуда и обратно совсем не тянет...

— Ой! — Мия испуганно отпрянула и посмотрела с испугом. Потерять друга теперь, когда она только-только встретила его, было невыносимо. — Тебе нужны деньги? У меня есть...

Она плохо представляла, что делать с деньгами, тем более такими огромными, поэтому закопала золотой рё, подаренный сумасшедшим самураем, на заднем дворе.

Дайхиро фыркнул и разгладил усы:

— Чтобы я не достал денег?! Тем паче в столице. К твоему сведению, Мия-чан, тут по улицам гуляет столько золота, что я мог бы купить весь чайный домик и пару окрестных, будь у меня такое намерение.

От этого хвастливого утверждения Мие стало жутко. Сёгун не отличался терпимостью к преступникам — пойманным карманникам рубили руки. А самурай, схвативший «щипача» на горячем, мог и вовсе рассечь неудачливого воришку надвое, и никто бы не сказал и слова против.

— Ты украл деньги? — шепотом спросила она.

— Позаимствовал, — поправил тануки. — Всего-то семьдесят момме, чтобы повидаться с Мией-чан — кто бы иначе пустил меня сюда? Ну, не надо смотреть с таким ужасом. Уверен, тот купец был счастлив одолжить их для такого благого дела. Это ведь почти то же самое, что пожертвовать на храм.

Мия вцепилась в Дайхиро.

— Поклянись, что больше не будешь воровать! — потребовала она.

— Кто говорит о воровстве, Мия-чан? Я всего лишь занял немного серебра... Ай, не надо так меня сжимать, не то мои бедные ребра треснут под натиском силы твоей любви.

Девушка ослабила хватку, засмеялась, потом снова заплакала, ни в какую не желая выпускать друга из объятий. Дайхиро продолжал балагурить над ухом — такой живой, такой настоящий и родной. И впервые за прошедшие месяцы Мия поверила, что все будет хорошо.

Потом они сидели у низкого столика, ели фрукты, пили — тануки sake, Мия чай, потому что «рано тебе sake, Мия-чан, ты еще маленькая», — и болтали. Мия, затаив дыхание, слушала рассказ оборотня о выпавших на его долю злоключениях.

— И вот теперь я должен найти какую-то женщину, которая пропала шестнадцать лет назад. — Тануки развел руками, словно рыбак, демонстрирующий размер небывалого улова. — Ничего не зная, кроме происхождения и имени, которое она, скорее всего, сменила. Уже неделю прыгаю по столице. Задача...

— Слушай... а зачем им эта женщина?

Оборотень хитро улыбнулся и демонстративно закрыл рот сразу двумя ладонями, изображая одну из трех обезьян сандзару. Ту самую, которая не говорит о зле.

— Не шкажу, — промычал он сквозь пальцы. Потом все же убрал руки и пояснил: — От знаний морщины появляются, Мия-чан. Оно тебе надо?

Мия засмеялась, признавая право Дайхиро на свои тайны.

— Как ты вообще попал в яму? Украл что-нибудь?

— Пфф, вот еще! Я, к твоему сведению, не ворую, а беру в долг. И еще ни один заимодавец на меня не жаловался.

Девушка тяжело вздохнула:

— Пожалуйста, Дайхиро, пообещай, что не будешь больше брать чужого. Это не только плохо, но и опасно. Вспомни Кумико...

— Я у самураев не ворую. Что я — враг себе? Ой, ну вот не надо смотреть на меня такими глазами! Да не буду я больше рисковать без нужды! Полтора месяца в яме, смотрю на себя в зеркало и не узнаю.

Оборотень и вправду здорово отощал на тюремных харчах.

— А попался я по вине самханского прихвостня, чтоб его собака покусала. Вот говорил я тебе, Мия-чан, нечего подбирать всякую гадость. Кстати, где он и почему не увез тебя, как собирался?

Запинаясь и краснея — говорить об этом было неловко даже с Дайхиро, — Мия рассказала о подсмотренном соитии.

— ...А потом он просто исчез. — Ее голос дрогнул. — Наверное, понял, что я с ним не поеду. Он же видел меня в дверях.

— Не нравится мне это. — По мере ее рассказа оборотень хмурился все сильнее. — Джин не похож на пустобреха.

— Он меня обманул!

— Или ты не так все поняла.

— А как еще это понимать? — сердито спросила Мия. — Я сама видела, как он с ней...

— Что-то здесь нечисто. Откуда в горах взялась женщине? Говоришь, она была молода и красива? Ха! Мне вот даже за вдовушками в возрасте приходилось спускаться в деревню.

Мия вскинула руки, словно защищаясь от слов тануки. Она уже привыкла винить во всем Джина. Считать его никчемным и ненадежным обманщиком, а себя доверчивой дурочкой было обидно, но не так больно. Если самханец ничего не стоил, то нет и смысла плакать о нем.

— Из-за него тебя кинули в яму!

— Не верю, что он знал про засаду и подставил меня специально. Слишком много усилий, чтобы поймать одного маленького тануки.

— Но он сбежал!

— Или с ним что-то случилось.

Она вскочила и с возмущением уставилась на оборотня.

— Почему ты его защищаешь?

Дайхиро покачал головой:

— Я всегда на твоей стороне, Мия-чан. Но если Джин жив, он найдет тебя и захочет поговорить. Хорошо бы тебе выслушать его прежде, чем прогонять.

— Я не стану с ним разговаривать! — В голосе зазвенели слезы. Мия думала, что рана, оставленная предательством Джина, уже зажила, но нет. Стоило оборотню напомнить о нем, как в груди снова начало что-то болеть. Почти так же сильно, как тогда, сразу после измены.

— Как хочешь. — Дайхиро словно почувствовал, что перегнул палку. — Довольно грусти! Как насчет...

В этот момент рукав одеяния тануки задел кувшинчик с саке. Посудина опрокинулась, остатки напитка выплеснулись на столик. Оборотень издал горестный стон и, призывая в свидетели своих страданий богов и духов, наклонил столик, пытаясь собрать разлитую жидкость в чашу. Мия едва успела подхватить чайник, а вот блюду с фруктами повезло меньше. На полу образовался живописный орнамент из слив, нарезанных дольками яблок и груш.

— Ах, какая утрата, — вздохнул Дайхиро и залпом допил все, что было в чаше. Потом отобрал у Мии чайник, отхлебнул прямо из носика и покачал головой: — Нет, чай не в силах ее восполнить.

Взгляд тануки уперся в ванну офуро, и меланхолия моментально покинула страдальца.

— Офуро! — возопил он, потрясая от избытка чувств зажатым в руке чайником. Бледно-зеленые струйки вылетели из носика и окропили орнамент из фруктов на полу. — Ты даже не представляешь, как я мечтал об офуро все эти месяцы!

С этими словами оборотень сорвал с себя кимоно и погрузился в бочку почти по уши, блаженно прищурился глазами.

— К сожалению, этой ночью Мию уже купили, господин Такухати. — Глава гильдии развела руками. За ее сочувственным голосом и взглядом Акио почудилась насмешка. Словно старая сука отлично понимала, что с ним происходит, и изрядно потешалась над потерявшим разум самураем.

Он до хруста стиснул челюсти, глуша рычание. Хотелось вскочить, вломиться в домик, стащить с Мии ублюдка, осмелившегося посягнуть на женщину Акио, и убить на месте. А потом перекинуть девчонку через плечо и унести, не слушая ее воплей.

Безумие. Самоубийство.

Маленькая дрянь, в кого он превратился из-за нее?!

Надо остановиться, пока не поздно. Навсегда забыть дорогу в «квартал ив и цветов». Совсем скоро он женится, да и задуманный переворот требует всех сил и времени. Он не может позволить себе тратить его на шлюх.

Генерал закрыл глаза, медленно выдохнул, досчитал до десяти и понял, что не уснет сегодня. Будет думать — с кем она, что с ней...

Он мысленно вздохнул и признал, что проиграл эту битву с самим собой.

— Что?! — В голосе госпожи Хасу послышалась растерянность. — Я правильно вас поняла, господин Такухати? Вы хотите выкупить завтрашнюю ночь Мии?

— Все ночи, — тяжело сказал генерал. — На месяц вперед. Даже если я не смогу прийти, ты не отдашь ее другому.

Губы главы гильдии гейш округлились в безмолвном удивлении.

— Но так никто... — Женщина осеклась. Казалось, стоит взглянуть получше в ее глаза, и можно заметить мелькание счетных палочек. — Конечно, как вам будет угодно, господин Такухати.

Она назвала какую-то совсем несусветную сумму. Акио заплатил, не торгуясь.

Глава 9

СЛАДКИЕ ГРЕЗЫ НОЧИ

Внизу плескалось море.

Тяжело ходили волны — темно-синие, в дрожащих пенных гребнях вдоль хребта. Поднимались, опускались в такт дыханию океана, и всюду, куда хватало взгляда, было только море и небо.

Мия вздрогнула. Среди вздымающихся внизу волн ей на миг почудилась гигантская голова. Узкая, хищно вытянутая, словно у рыбы. Раззявленный рот в хлопьях пены, острые клыки, бледно-зеленая борода из водорослей тянется шлейфом. Голова переходила в туловище — длинное змеиное тело под цвет воды, оно бесконечными кольцами огибало скалу, на которой стояла девушка, сжимало камень в объятиях, норвило сокрушить, смять, но лишь сминалось само, раздавленное о каменную твердь.

«Все море — его тело», — поняла Мия.

Стало жутко. Что, если обитатель морских глубин, само воплощение стихии воды, решит восстать, чтобы смыть со скалы одинокую человеческую фигурку?

Она попятилась, потом оглянулась и застыла в ужасе. За спиной начинался ад.

Всего пара шагов отделяла Мию от начала выжженной земли — черной и страшной, в коросте разломов. В провалах наливалось малиновое и алое пламя, прорывалось вверх короткими всполохами. Сквозь дым проступали очертания спекшейся земли и лавы. Они создавали фантасмагорические и уродливые силуэты, похожие то на диковинные замки, то на неведомых чудовищ.

С одной стороны — Дракон Океан, безбрежный и чуждый. С другой — огненная земля, на которой нет места человеку.

И Мия между ними. Одна.

За вспышками пламени и дымной кисеей проявилась тень. Слишком огромная и страшная, чтобы принадлежать человеку, она приближалась скачками. Мия вздрогнула и чуть отступила. Шаг. Другой. Третий.

Дальше отступить было некуда. В полушаге начиналась пропасть, на дне которой свивал свои кольца гигантский дракон.

Особенно ярко полыхнуло пламя, высветив силуэт гигантского тигра. Толстые лапы, мощный загривок, широкая грудь. Мышцы ходят и перекачиваются под огненно-полосатым мехом, глаза сияют зеленым пламенем.

На мгновение забыв об опасности, Мия залюбовалась совершенным телом хищника. Идеальный убийца — быстрый, ловкий, неумолимый...

А тигр вдруг замедлил бег, перешел на шаг. Рыжими хлопьями облетела шкура, уменьшилась грудная клетка, подушечки лап превратились в пальцы. Тигр сделал еще пару шагов и встал на задние лапы, превратившись в мускулистого молодого мужчину, совершенно обнаженного. Словно нанесенный фиолетовой тушью, под бронзовой кожей ветвился узор вен и артерий. Это смотрелось непривычно и странно, но не уродливо. В сияющей сети, охватывающей мышцы, ощущалась гармония и даже какая-то чуждая красота.

Мужчина подошел к границе выжженной земли и замер.

— Ой, — тихо сказала Мия. — Это ты?

— Мия... — ответил Джин. И замолчал.

— Где мы?

Он оглянулся, потом снова повернулся к ней.

— Во сне.

— Ты мне снишься? — недоверчиво уточнила девушка.

Джин снился ей и раньше. В бестолковых сумбурных снах. В них он то ласкал другую женщину, то уходил прочь, не оглядываясь. Мия просыпалась и тихонько, чтобы не услышали соседки, плакала в подушку, злясь на свою неспособность забыть самханца.

В последние дни эти сны поблекли и не тревожили ночной покой девушки. Слишком много перемен принесла весна. И никогда они не были такими живыми, настоящими и странными.

— Или ты мне.

Джин шагнул ей навстречу за пределы царства огня и пепла. Рисунок вен на его теле на мгновение вспыхнул почти нестерпимо ярким пурпурным светом и медленно погас.

— Мия... — Он протянул руку. Осторожно, словно пытался подружиться с диким зверьком. — У тебя глаза светятся.

— Правда?

Все было неправильно. Не так представляла себе Мия встречу с мужчиной, предавшим ее. Но как же нелепо дуться и обижаться, находясь на скале между огненным адом и бескрайней морской пучиной, когда вы одни в целом мире.

Особенно если все это — всего лишь сон.

— Правда. Как два аметиста.

Она не стала отшатываться. Позволила ему прикоснуться к своей щеке.

Рука была горячей и жесткой, как нагретое на солнце дерево.

— Цвет вод и дома Риндзин. — Он сделал еще шаг и теперь стоял рядом, почти вплотную. Сквозь тонкую ткань ночной сорочки Мия ощутила жар его тела. Он был такой горячий, словно вынес в себе частицу пламени из огненной преисподней. — Сны лгут. Подсовывают нам то, о чем мы мечтаем. Как бы я хотел видеть этот огонь в твоих глазах!

Сколько раз Мия представляла себе, как встретит Джина и гордо отвернется. Пройдет мимо и даже не посмотрит, слезинки не уронит, ничем не даст ему понять, что думала и плакала о нем. И вот он рядом, пусть даже и во сне. Такой, каким она его запомнила, — сильный, опасный, завораживающе красивый. Так почему она, вместо того чтобы отвернуться, сама обнимает его? Почему не отталкивает, когда губы касаются ее губ — нежно, совсем легко, словно спрашивая разрешения...

За спиной Джина что-то грохнуло, пыхнуло. Порыв ветра донес клубы вонючего дыма. Мия вздрогнула, прервала поцелуй и испуганно прижалась к самханцу.

— Не лучшее место для встречи, — улыбнулся тот, прижимая к себе девушку. — Держись крепче, Мия.

Зачем нужно держаться крепче, она спросить не успела. Последовало мгновение то ли падения, то ли полета — слишком короткое, чтобы Мия успела испугаться.

— Ой...

Цвела сакура. Поднимался пар над горячими источниками, искроцветы переливались сиреневыми искорками в темной воде. И огромное беззвездное небо нависало над маленькой природной купелью — тихим убежищем для двоих.

Мия вспомнила все, что было между ними в этом месте, и от возбуждения перехватило дыхание. Одновременно она ощутила какую-то смутную досаду.

Почему Джин привел ее именно сюда — это намек? И отчего он так уверен, что Мия согласится забыть об измене, случившейся на ее глазах, и отдаться ему?

Но... это ведь всего лишь сон. Сны лгут. Рассказывают человеку его тайные желания и страхи. А если так, получается...

Додумать эту мысль Мия не успела, потому что был он реальным или придуманным, но Джин ее поцеловал.

Желание вспыхнуло в крови, отдалось жаркой дрожью в теле. Уже не помня обид, она прильнула к мужчине и поцеловала его в ответ. Куда-то пропала одежда, Мия закрыла глаза, и пропал весь мир. Остались только прикосновения жестких ладоней, нежные губы, гладкая горячая кожа и голодное возбуждение внизу живота.

— Хочу, — всхлипнула Мия в полуоткрытые губы.

— В воде будет удобнее.

Она бездумно опустила за ним в горячую воду. Потерлась о ногу, втиснутую между ее ног, застонала, когда сильные руки погладили грудь и чуть сжали соски. Джин притиснул ее к стенке купели, заставляя раздвинуть бедра, подхватил за ягодицы, чуть приподнял. Девушка вскрикнула и обвила его руками за плечи. Единственной точкой опоры осталась вылизанная до зеркальной гладкости скала за спиной, и Мия ощущала себя ужасно неуверенно. Игрушка в чужих руках.

— Не бойся, не уроню, — прошептал Джин, лаская губами ее шею. — Ты совсем легкая, как котенок.

Он чуть двинул бедрами навстречу, и Мия почувствовала, как напряженная плоть трется о нежные складочки. Она оплела Джина ногами, прижалась еще теснее, всем телом выпрашивая большей близости. И ощутив, как он входит, не сдержала восторженный вскрик.

— Ми-и-я, — простонал Джин и резко толкнулся навстречу, врываясь в ее тело.

Все, что она могла дальше, — это стонать, вскрикивать и теснее прижиматься к любовнику, ощущая вожделение, легкий страх и сладостное чувство беспомощности в мужских руках. Руки соскальзывали с влажной кожи, но Джин, как и обещал, крепко держал ее в объятиях. А каждое его движение возносило Мию навстречу невообразимому наслаждению.

Разрядка заставила тело выгнуться и вцепиться ногтями ему в плечи, оставляя кровавые царапины. Она вскрикнула и обмякла в руках Джина. Мгновением позже он тоже содрогнулся, застонал и замер.

Несколько мгновений они не двигались. Обнаженный мужчина и девушка, бессильно повисшая в его руках. Мия все еще ощущала его в себе, и это было удивительно сладко.

— Хорошо-о-о, — выдохнул он, выходя из ее тела и медленно опуская Мию. — Осторожней!

Ноги девушки подогнулись, и она непременно упала бы, не подхвати Джин ее в последний момент.

Поймал. Поднял и усадил к себе на колени на ту самую каменную ступеньку, памятную по прошлому разу.

— Спасибо, — Мия виновато улыбнулась, — ноги не держат.

— Я тебя не напугал своим напором?

— Нет. Я же сама хотела. — Она подняла к нему сияющее лицо и несмело поцеловала в уголок губ. — Ты хороший сон. Снись мне почаще, ладно?

Он помрачнел и тихо сказал, словно давая обещание:

— Однажды я наяву назову тебя своей, и никто не посмеет это оспорить.

— Мия! Мия, вставай! Да вставай ты уже, или я решу, что тебя околдовали.

— А? Что? — Она разлепила глаза, неохотно расставаясь со сновидением.

— Подъем! — объявил Дайхиро. Тануки уже встал, оделся и теперь приплясывал на месте от переполнявшей его энергии. — Ну и здорова же ты спать, Мия-чан! Прямо как подменили.

Лившееся в распахнутое окно солнце намекало, что утро давно миновало.

Она чуть покраснела, вспомнив чувственное ночное видение. Сон был на удивление ярким и запомнился во всех непристойных и притягательных подробностях. Стоило подумать об этом, как Мия почти почувствовала горячую воду, тяжелое тело, прижимающее ее к гладкому камню, и яростные толчки, от которых так невероятно хорошо...

Воспоминание отозвалось в теле приятной истомой и какой-то очень взрослой удовлетворенностью.

Как странно, что во сне это был Джин. Мужчина, который ее предал. Неужели Мия все еще любит его? Наверное, вчерашний спор с тануки разбередил воспоминания. Недаром видение перенесло ее на горячие источники, где она была близка с Джином в прошлый раз.

Такой реальный сон. Как будто и не сон вовсе.

Она покосилась на зеркало в тайной надежде увидеть на шее засос, который Джин оставил во сне, и разочарованно вздохнула. Засоса не было. Только камень с дыркой на бронзовой цепочке — странный подарок сумасшедшего самурая.

Поначалу Мия собиралась избавиться от него. Но камушек оказался таким приятным на ощупь, горячим и гладким, что рука не поднялась его выкинуть.

Пусть неказистый. Пусть гейше не полагается носить такие дешевые крестьянские украшения. Мие он нравится.

— Ну что сидишь, Мия-чан?! Давай, обними меня на прощанье, и я побежал!

— Уже? А сколько времени?

— Почти полдень — самое время для подвига! — Оборотень приосанился. — Оясима ждет своего героя. Умного, бесстрашного и красивого. Прямо как я.

— Но ты же еще придешь? — растерянно спросила Мия.

Расставаться с тануки не хотелось до слез.

— А то! Все мои ночи будут твоими, Мия-чан. И это после двух месяцев воистину монашеского воздержания! — Дайхиро покачал головой, словно сам изумлялся жертве, которую готов был принести во имя дружбы. — Главное, вели, чтобы в следующий раз приготовили побольше sake. Где это видано — угощать гостя всего одним кувшином?

— погоди! У тебя же нет денег!

Она вскочила. Жаль, что сейчас день и придется выкапывать монету на глазах у всего чайного домика. Но допустить, чтобы Дайхиро воровал деньги ради встречи с ней, Мия не могла.

— Пфф! Спрячь свое золото, женщина! — возопил оборотень, в возмущении потрясая шляпой, которую крутил в руках и уже собирался надеть. — Тануки денег не берут!

И прежде чем Мия успела остановить его или сделать хоть что-то, выскочил за порог.

Джин открыл глаза и понял, что безнадежно проспал.

Это было странно. Шесть лет в монастыре навсегда вбили в него привычку подниматься на рассвете для утренней медитации и последующей тренировки. Сейчас же вовсю светило солнце, намекая, что время идет к полудню. Во дворе постоялого двора ржали лошади, и что-то оживленно обсуждали воины из охраны императорского свадебного кортежа.

Почему никто не разбудил его? Капитан стражи заслужил выволочку — сколько можно повторять, что Джин не Сунан и не Мин. Будить его по делу не только можно, но и нужно.

И вот теперь потеряно полдня пути, не меньше. Пока запрягут лошадей, пока соберут всех придворных...

Джин вскочил и начал одеваться, радуясь, что навязанный отцом личный слуга куда-то запропастился. После жизни в монастыре старший принц Аль Самхан так и не сумел привыкнуть к некоторым традициям императорской фамилии. Например, одеваться с помощью посторонних людей, когда сам ты молод, подвижен и дееспособен.

Ладно бы доспехи, но обычный дорожный наряд...

Как же долго все это тянется! Организация посольства и свадебного кортежа, сборы, продвижение по стране к ближайшему портовому городу. В одиночку Джин достиг бы его за два-три дня. Но приходилось равняться на скорость движения самой медленной повозки в кортеже.

А потом будет плавание по морю. Три недели при самом лучшем раскладе и попутном ветре. И до полутора месяцев, если случится шторм.

Хорошо еще, что Мия в безопасности. Но плохо, что нельзя получить вестей о ней. Остатки агентурной сети состояли из людей в большинстве своем некомпетентных или подозрительных. А единственный достойный доверия лазутчик, который остался жив и на свободе, был очень слабеньким магом. Его сил просто не хватало, чтобы создать духа-сикигами и отправить на такое расстояние.

Ладно, Куросу умен и предан. Он сумеет выкупить Мию и защитит ее.

А капитан все-таки заслуживает выволочки. Он должен раз и навсегда уяснить, что в этом путешествии важен не комфорт, а скорость. И если давно прокричали третьи петухи, а принц все еще спит, значит, самое время пойти и разбудить его.

Что ему снилось? Ведь снилось же точно что-то хорошее. В памяти мелькнул горячий источник и прелестная обнаженная девушка в его объятиях, волна наслаждения, полный восторга и благодарности взгляд...

Он задумался, пытаясь уловить ускользающие обрывки сна, но те истончились и растаяли, как тает кисея тумана под солнечными лучами.

Глава 10

ИЗДЕРЖКИ РАБОТЫ

Стоило Мие войти в купальню, как разговоры смолкли, словно маг набросил купол безмолвия. Находившиеся в помещении гейши повернулись, разглядывая ее, словно диковинного зверька. Под этими изучающими и неприязненными взглядами девушка поежилась и даже чуть

отступила.

И наткнулась спиной на какую-то женщину.

— Проходи давай! Чего встала, — буркнула плотно сбитая широкобедрая гейша в возрасте, опасно приближающемся к роковому рубежу, после которого работницы чайного домика теряют привлекательность для мужчин.

Свои слова женщина подтвердила энергичным толчком в спину. Чтобы не упасть, Мие пришлось пробежать несколько шагов.

Она остановилась почти в центре купальни. Стукнула дверь за спиной, отсекая окружающий мир, и это послужило для гейш сигналом.

— Ну на-а-адо же, кто к нам пожаловал, — лилейным голосочком начала Асука. — Принцесска.

— Это от нее, что ли, наши мужчины с ума сходят? — процедила сидевшая рядом с Асукой красотка. — И что только нашли? Немочь бледная.

Словно утверждая правоту своих слов, она выпятила вперед пышный бюст с крупными темно-кофейными сосками.

— Самураи для нее нехороши, какая цаца!

— Ей сёгуна подавай.

— Императора самханского.

Слова летели справа, слева. Презрительные, уничижающие, полные злости и желания оскорбить, уязвить. За ними стояла жгучая обида. Каждая гейша словно спрашивала в возмущении: «Почему ее, эту худосочную малолетку, раз за разом выбирают клиенты? Почему не меня?»

Мия куталась в полотенце и озиралась, не зная, куда деться от неприязненных взглядов и похожих на плевки высказываний. Без одежды, на чужой территории, в окружении незнакомых взрослых женщин она чувствовала себя особенно слабой и уязвимой.

— Фу, что это у тебя? — Одна из гейш встала, чтобы дернуть подаренный сумасшедшим клиентом амулет на бронзовой цепочке, и Мия пожалела, что не сняла его перед купанием, как собиралась. — Какая гадость!

— Защитный камушек, — хихикнул кто-то. — Такие крестьяне носят от сглаза.

— Вот ведь деревенщина неумытая!

— Дай поглядеть!

— Н-не надо... — Она отступила, закрывая камушек рукой, и это послужило для недоброжелательниц сигналом. Сидевшие на полу у бочек с горячей водой женщины вскочили.

Мия попыталась прошмыгнуть к выходу, но стоявшая на пути к свободе гейша успела ее перехватить. Девушка вскрикнула и забилась, как пойманная в силки птичка, в мощных руках.

После короткой, изначально обреченной борьбы работницы чайного домика повалили жертву

на пол. Одна сидела на ней сверху, две держали за руки, а еще одна тянула за волосы, вынуждая поднять голову.

Сверху склонилась Асука.

— Красавица, значит? — Улыбка на ее лице превратилась в оскал. — Сейчас мы тебя еще краше сделаем.

На Асуре, как и на всех прочих женщинах в купальне, было только полотенце, небрежно повязанное на бедрах. Мия так и не поняла, откуда гейша извлекла нож.

А потом это стало неважным. Все на свете стало неважным, кроме лезвия, которое стремительно приближалось к ее лицу.

— Говорят, шрамы украшают, — хихикнула Асука.

— Ты с ума сошла? Что вы делаете?!

Взгляд девушки в панике метался меж женщин, но ни на одном лице Мия не видела и тени сочувствия. Злорадство, равнодушие, предвкушение.

И ослепительная, обжигающая ненависть в глазах Асуки.

Пресветлая Аматаэрасу, что Мия ей сделала? Что она всем им сделала? За что эти женщины так ненавидят ее?

«За Куросу Ёшимитсу и Акио Такухати», — пришло леденящее душу понимание. За то, что два самурая готовы были выкупить ее, не считая денег, а она отказалась.

Значит, получается, что Асука солгала тогда...

Луч солнца из оконца под потолком блеснул на лезвии — красиво и страшно. Мия закричала и рванулась в бесполезной попытке избежать встречи со сталью...

По телу словно прокатилась опаляющая волна. Прокатилась и выплеснулась наружу, разметав обидчиц по углам. Асуре и тем, кто держал Мию, особенно досталось. Их приложило — кого об стенку, кого о бочку с горячей водой. Со всех сторон слышались всхлипы, стоны и жалобы.

Мия встала, озираясь. Подобрала слетевшее в пылу борьбы полотенце и снова завернулась в него. Потом подумала и подобрала нож. При мысли о том, чтобы порезать кого-то, делалось дурно, однако становиться безответной жертвой она тоже не собиралась.

Но никто не спешил на нее нападать. Гейши охали, потирали ушибленные бока и колени и опасливо косились на девушку. У стены, с ужасом глядя на неестественно вывернутую кисть руки, подвывала Асука. Купальня походила на поле боя, всюду поверженные тела, и Мия застыла единственным победителем с ножом в побелевших пальцах.

В этот момент дверь отъехала в сторону, и через порог лег косой прямоугольник солнечного света.

— Чем вы тут занимаетесь, деточки? — очень холодно спросила госпожа Хасу.

Мия, набычившись, сидела в углу. Отобранный у Асуки нож лежал рядом, девушка сумела

выпустить его из рук, но расстаться с оружием совсем так и не решилась.

Благо вернуть нож никто не требовал.

Со слов Асуки, которые подтвердили все остальные гейши, получалось, что Мия сошла с ума. Зачем-то притащила в купальню нож, вынула его и угрожала прочим работницам. Жалобно всхлипывающая зачинщица продемонстрировала стремительно распухающее колено, кровоподтек на плече и сломанное запястье — неведомая сила, защитившая Мию от опасности, особенно сурово обошлась с Асукой. На фоне ее травм синяки остальных участниц драки казались сущей мелочью.

Губы «матушки» скривились:

— Значит, она тебя избила? Так, деточка?

— Да-а-а, — прорыдала Асука.

— А что же твои подружки тебя не защитили? — Владелица «Медового лотоса» сощурила глаза и оглядела остальных участниц инцидента.

— Мы боялись, — пробасила гейша, которая перехватила Мию у выхода. — У нее нож.

Все покосились на Мию и лежащее рядом с ней оружие.

— Да, нож — это страшно, милые. — Госпожа Хасу, напротив, на Мию упорно не глядела. — Идите-ка приводите себя в порядок. Скоро вечер, придут гости.

— Но синяки... — осмелилась подать голос одна из женщин.

— Синячки замазать... А ты, — взгляд госпожи Хасу остановился на жалобно плачущей Асуке, — сходи к доктору, деточка. Пусть подлечит тебя, что ли. И в зал сегодня не ходи.

— А деньги?

— Деньги? — Брови госпожи Хасу взмыли вверх в немного картинном удивлении. — Какие деньги?

— На доктора.

— У тебя же есть денежки, деточка. Вот их и возьми. — В ласковом голосе владелицы чайного домика прорезалась сталь.

Хорошо знавшие хозяйку женщины поспешили собраться и исчезнуть. Теперь только пара перевернутых кадок и лежащий рядом с Мией нож напоминали о случившемся в купальне.

Госпожа Хасу пересекла помещение и встала, нависая над девушкой.

— Покажи! — потребовала она.

— Что? — Мия вздрогнула. Ей очень хотелось отползти как можно дальше. А еще лучше сбежать, спрятаться, скрыться в заброшенном храме или у горячих источников. От всего случившегося было горько и тошно, в душе ощущалась тяжелая опустошенность. — Госпожа Хасу, я не угрожала им! Правда! Это не мой нож...

Она произносила слова — такие правдивые и такие бесполезные, и понимала, что надежды нет. Ей не поверят. Она одна, а гейш шестеро. И каждая подтвердит слова Асуки.

— Тише, тише, деточка. Я знаю, что ты ни в чем не виновата.

— А... — Мия осеклась на полуслове. — Откуда?

Женщина вздохнула.

— Я не первый год живу на свете, милая. Давай покажи, что у тебя есть! — Взгляд главы гильдии зацепился за бронзовую цепочку на шее девушки. — Что это? Украшение?

Мия неохотно сняла амулет и протянула его госпоже Хасу, но та не взяла, предпочитая разглядывать камушек из рук девушки.

— Откуда он у тебя?

— Господин Ёшимитсу подарил. — Она поежилась при воспоминании о сумасшедшем самурае. — Сказал, на память. Для защиты.

— Ясно. — Женщина кивнула. — Надень.

— Вы знаете, что это? — спросила Мия, с неясным облегчением надевая обратно подарок.

Женщина покачала головой:

— Нет, деточка. Но это не важно. Ты хотела помыться перед вечером, правильно? Так мойся, приведи себя в подарок. А нож я заберу. Не надо нежной деточке носить с собой такие опасные вещи. Ты и пользоваться им, наверное, не умеешь.

Мия кивнула, признавая ее правоту, и безропотно отдала нож.

— Это Асуки, — на всякий случай сказала она.

Госпожа Хасу осуждающе покачала головой.

— Я давно держу чайный домик и вижу, кто чего стоит, — сказала она грустно. — Из тебя никогда не выйдет хорошей гейши, деточка. Не важно, насколько умело ты составляешь икебану или красиво танцуешь. Зря ты отказала господину Такухати.

— Я... — Мия вспомнила полный обжигающей ненависти взгляд Асуки и не нашлась, что возразить. Она и раньше подозревала, что свалила дурака, слепо доверившись оговору, а сегодняшнее происшествие окончательно расставило все по своим местам.

— И чего тебе не хватало? — продолжала увещевать ее женщина. — Богатый мужчина, молодой, красивый, щедрый. Девочки разве что из кимоно не выпрыгивают, чтобы привлечь его внимание. А ты носом крутишь.

— Но я...

— Они же тебе никогда не простят. И камушек не спасет. В прошлом году в соседнем чайном домике две гейши не поделили мужчину. Одна другой глаз выколола.

— Ой...

— Вот именно, что «ой». В следующий раз порчу наведут. Или змею ядовитую в кимоно подложат. — Хозяйка вздохнула. — Так что послушай моего совета: уходи. Пока господин Такухати тебя хочет.

— Он меня не хочет, — горько сказала Мия.

Госпожа Хасу покровительственно улыбнулась:

— Ой, деточка! Ты даже не представляешь, как сильно ты ошибаешься.

Развязно и чувственно звенели цитры, сладкий запах сандала щекотал ноздри. В полумраке на татами танцевала девушка.

Вот музыка резко оборвалась, и девушка, не успев остановиться, сделала еще шаг. Самураи рядом разразились одобрительными выкриками.

Такеши Кудо отхлебнул sake, безучастно наблюдая, как девушка медленно развязывает пояс. Она поймала его взгляд и облизнула алые губки.

Снова зазвенели струны, призывая продолжить игру.

Она ведь хорошенькая. Как раз тот тип женщин, который всегда нравился Такеши — высокая полная грудь, стройная талия, крутые бедра. А он смотрит на нее и не может выкинуть из головы утренний разговор с сёгуном.

Можно подумать, это так просто — обвинить одного из самых влиятельных людей в стране в измене!

— Я недоволен, — сказал Шин Ясуката, выслушав доклад. — Что значит — нет оснований? Я должен тебя учить? Нет оснований, так найди. Сфабрикуй, нарисуй, придумай.

Как обвинить в измене того, кто не имеет в Самхане ни друзей, ни родственников и известен своей непримиримой позицией в адрес чужеземцев? Поражение в войне не спишешь на сговор. Слишком много очевидцев, которые помнят, что в действительности случилось в огненном аду...

Сёгун не стал слушать разумные доводы.

— Я хочу избавиться от него! Так что ищи лучше. У тебя же есть свой человек в его окружении.

— Он не станет свидетельствовать. Тем более лжесвидетельствовать, — ответил господин Кудо, глуша раздражение. — Мы могли бы обвинить даймё в попытке переворота...

Одобрительные хлопки и крики оторвали начальника службы безопасности от невеселых мыслей. Гейша на татами уже стояла в одной нижней рубаше. Фонарь за ее спиной подсвечивал тонкую ткань, обрисовывая соблазнительные контуры тела. Вот она, словно догадываясь об этом эффекте, повернулась в профиль, вскинула руки и чуть прогнулась. Возбуждающий и развратный силуэт, черная тень на фоне огня...

Взять ее, что ли, сегодня? Он слишком много работает в последнее время.

— Никаких переворотов! Только измена! И мне нужно серьезное доказательство. Такое, чтобы

ни один шакал не посмел визжать, будто Такухати оболгали. Ты меня понял?

Конечно, кто бы сомневался!

Сёгун — не божественный император. Как бы ни пыжился Ясуката, пытаюсь причислить себя к дому Риндзин, доля крови повелителей драконов в его жилах слишком мала.

А если речь идет лишь о должности верховного военачальника страны, то неизвестно, на чью сторону встанут главы кланов. Недовольных много, последние годы лишь политика «разделяй и властвуй» позволяла Ясукате удерживать бразды правления...

Да сколько можно! Неужели он даже в чайном домике не может расслабиться?

Господин Кудо залпом допил содержимое чаши, швырнул в пустую посудину несколько серебряных монет и кивнул почти обнаженной красотке.

По дороге к одному из домиков любви мысли начальника службы безопасности снова свернули на проторенную дорожку.

Даймё и сёгун делят власть, а страдает Оясима.

Хороший военачальник — клыки и когти страны. Такухати любят солдаты, признает знать. Опять же не стоит забывать, что у сёгуна нет наследника. И если Такеши не найдет принцессу Миако, амбиции генерала придутся очень кстати.

Акио Такухати будет хорошим правителем. Эссо процветает — на дорогах нет разбойников, рынки полнятся товарами, крестьяне исправно платят налоги.

А сёгун требует, чтобы господин Кудо собственными руками уничтожил надежду на мир в стране!

Они вошли в домик, и гейша заворковала низким чувственным голосом, вопрошая, чего желает господин.

— Разденься. — Такеши опустил на футон. — Ты красивая, хочу посмотреть на тебя.

Она медленно развязала наспех завязанный после танцев пояс. Повела плечами, позволяя кимоно стечь на пол у ног шелковой лужицей. Медленно, дразнясь, потянула вверх подол нижней рубахи.

И правда хороша! Даже синяк на коленке ее не портит.

Синяк был тщательно запудрен, но господин Кудо привык обращать внимание на мелочи.

Девушка сняла рубаху и жестом притворной скромности прикрыла грудь. Изображая смущение, которое скорее пристало бы невинной девице, она отступила к стене и замерла вполоборота, томно глядя поверх плеча.

Взгляд Такеши невольно скользнул по миниатюре на стене рядом с гейшей. На миниатюре скалился тигр, похожий на фамильный знак Аль Самхан.

А ведь скоро прибудет самханское посольство во главе с принцем Джином. Это значит, что наступят горячие деньки. Можно ставить сотню золотых рё против дырявой ветоши, что принц

Джин сделает все, чтобы восстановить резидентуру, которую господин Кудо так ловко накрыл всего несколько месяцев назад.

Да-да! Пусть дураки говорят о свадьбе, Такеши Кудо точно знает, с какой целью один очень ловкий и умный принц плывет на Благословенные острова.

И все-таки зачем самханцам потребовалась выдавать Тэруко Ясуката именно за Джина? Единственного из принцев Аль Самхан, который не мог претендовать на титул правителя.

Самурай без магии — урод, неполноценный калека. Калека не сможет стать правителем, какими бы исключительными личными качествами он ни обладал.

Почему же Самхан так отчаянно настаивал на браке, пожертвовав ради него аннексиями?

Когда господин Кудо задумывался об этом, его не оставляло неприятное чувство, что он что-то упустил из виду.

— Господин! — Обиженный женский голос вырвал его из раздумий. Такеши взглянул на гейшу — она так и стояла у стены, но теперь ее взгляд из призывного превратился в недоуменный. Кажется, девушка была уверена, что он подойдет к ней.

— Я вам не нравлюсь?

Когда мужчина в присутствии красивой обнаженной женщины думает об агентурной сети чужого государства — это плохой сигнал.

— Нравишься, — устало сказал Такеши. — Ты очень красива. Иди сюда, милая, сыграй мне на флейте.

— А еще в тот год... ик... сёгун поднял пошлины на самханский шелк. Бедные наши красавицы, они так плакали без новых нарядов... — Хидео сам всплакнул от полноты чувств. Потом понял, что потерял нить повествования и посмотрел в чашу, в надежде найти ее там, но обнаружил только пару прозрачных капель на доньшке. — Как, уже все? — пьяно изумился он. — Мне нужно еще sake... ик! Ну и здоров же ты пить!

— Благочестивому и праведному Будда помогает во всех начинаниях, — важно ответил кругленький монах. И залпом выдул чарку размером с добрый кувшин. На его лоснящейся ряхе (назвать этикие щеки лицом казалось Хидео как-то неправильно) было написано такое довольство собой и умиротворенность, какое может быть только у совершенно не отягощенного мирскими заботами и проблемами человека, да к тому же с безупречно чистой совестью.

А пил-то как! Хидео, прозванный среди контрабандистов портовой Идогамы за свои способности к распитию спиртного «Бездонной глоткой», с изумлением понял, что проигрывает спор. Впрочем, sake настраивало бывшего капитана на миролюбивый лад, и вместо обиды на такое положение вещей он проникся к более удачливому сопернику искренним уважением.

Это ж надо столько пить и чтобы ни в одном глазу!

— Что-то с тобой не так! — Он погрозил раздвоившемуся монаху пальцем и вдруг обнаружил, что палец тоже раздвоился. — Куда в тебя столько лезет?

— Тренировка, мой друг! Годы тренировки. — Усы у подозрительного монаха победно раздулись. С ними, с усами то бишь, тоже было что-то сильно не так, но Хидео никак не мог ухватить мысль, она вдруг стала скользкой и верткой, как угорь. Сновала рядом, а в руки не давалась.

— Ик... О чем я говорил?

— О гребне, — с готовностью подсказал монах. — Золотом гребне с сапфирами, который ты продал год назад, чтобы купить своему сыну корабль.

— А-а-а... его дала та дама... ик!

— Какая дама?

Саке в чаше появилось будто само собой. Хидео подумал и отхлебнул. Немного, только для обозначения, что не сдался и все еще пьет наравне с гостем.

— Бедняжка бежала... ик! — Он понизил голос. — Я не говорил тебе этого, но она была не из простых.

— Купчиха? — небрежно спросил монах, вливая еще порцию саке себе в глотку.

— Если бы! Особа, приближенная к императору. — Хидео выразительно ткнул пальцем в небо. То ли намекая на божественную природу почившего императора, то ли просто потому, что так получалось внушительнее. — С самураем была, не одна. Сказала, от мужа ейного бегут. Ик... От мужа! Как же! Я человек, может, и простой, но сложить пару палочек умею. Зачем бы благородной даме бежать от мужа с простым самураем? Да еще с дитем! Да как раз через две недели после Кровавой ночи!

Собутыльник мгновенно уловил намек и оживился:

— Думаешь, они от сёгуна бежали?

— У-ве-рен! Вот я гребень и попридержал, чтобы не всплыл. Мне неприятностей от сёгуна не натъ... Не, Хидео Симидзу, может, и не благородных кровей, но не дурак! — Палец упорно раздваивался, а то и расстраивался. Мелькнула где-то на периферии сознания мысль, что стоило бы попридержать язык, как когда-то попридержал гребень. Разве дело — хранить столько лет тайну, чтобы выболтать ее случайному собутыльнику во время попойки?

А с другой стороны, монах определенно был своим парнем. Все понимал, имел удивительно верные суждения о жизни, и рушить создавшуюся душевную атмосферу как-то не хотелось.

Да и протухли уже все старые тайны, как позапрошлогодний засол рыбы.

— Ик... Люди сёгуна тогда обшаривали все порты. Искали как раз бабу с дитем. Говорили, мол, заговорщица. Убийца. Только нешто я дурак? Какая баба полезет в заговор, особенно если у нее дите? Совсем ма-а-ахонькая девочка. — Хидео свел пальцы вместе, показывая размер девочки, и умилился. Получалось, что «дите» размером чуть превышало сливу.

— Мы собирались в Самхан за шелком, — бывший контрабандист пьяно захихикал, — и подбросили их до Рю-Госо. У самурая там была родня. Ма-а-аменька.

Глаза неумолимо слипались, и голова вдруг стала неподъемно тяжелой. Хидео опустил голову

на руки. Сон заливал его, укрывал с головой. Темный, как воды великого океана...

— Эй, — кто-то потряс его за плечо, вырывая из сладкой дремы. — А фамилия у самурая была?

— Не помню, — пробормотал он сквозь толщу сна.

— Ну хоть деревня-то как называлась? Где маменька евойная проживала?

— Бакоромоно... ик... запомнил, смешно...

— Эй!

Монах еще раз потряс престарелого контрабандиста за плечо. Тот отозвался руладами храпа. Смачные раскаты заполнили помещение, от них задрожали окна, затряслись глиняные чаши на низеньком столике.

— М-да... Кажется, я перестарался. — Толстяк расстроено поскреб себя между лопатками. Выбившийся из-под одеяния хвост огорченно поник, но тут же встрепенулся и устремился вверх, а сам монах повеселел с видом человека, который не в состоянии хранить печальное выражение лица дольше пары минут. — Ай, ладно! Дорога моя все равно домой, на Рю-Госо. Только повидею на прощанье девочку!

Глава 11

СМЯТЫЕ ЦВЕТЫ

Цветы в волосах. Кимоно — бледно-голубое, как небеса, расписанное облаками и парящими журавлями. На лице косметики совсем чуть-чуть, Акио Такухати не любит сильно намазанных девиц.

Горячая вода в офуро. Фрукты, закуски и саке на столе.

Футон, застеленный шелковым бельем.

Все ждало гостя. А тот все не шел. Уже второй час.

Не в силах сдержать нетерпение, Мия то вскакивала и принималась кружить по крохотной комнатке, то снова опускалась на пол. В голове стоял какой-то сумбур. Она одновременно и содрогалась, вспоминая все, что случилось в купальне парой часов раньше, и радовалась, что «матушка» не пустила ее в общий зал, и переживала, что Дайхиро придет, а Мии нет. И понятно, что он не пропадет, тануки нигде не пропадет, уж тем более в окружении женщин. Но ведь волноваться будет!

Но над всеми этими чувствами властвовало щекочущее нетерпение. Возбуждение, в котором девушка пребывала после слов госпожи Хасу, только усиливалось от окружающей обстановки. И Мия снова вскакивала, прижимала ледяные ладони к пылающим щекам и вспоминала ту ночь. Их ночь.

Как хорошо, что Акио больше не сердится на нее! Она извинится перед ним так, как только может. Попросит прощения, объяснит все! Он поймет...

А потом... может, потом он захочет Мию. И все будет так же упоительно-сладко, как было в первый раз.

Она вспоминала его тело, низкий рычащий голос, синее пламя в глазах и ощущала, как ноги становятся ватными, а низ живота наливается тяжестью.

«Я хочу его! — Осознав это, девушка остановилась резко, будто налетела на стенку. — Хочу принадлежать ему!»

Почему нет?

Было бы ложью сказать, что Акио Такухати никогда не привлекал ее. Привлекал, и еще как.

Но его властность и жесткость отпугивали куда сильнее. Акио словно требовал полного подчинения, бездумного растворения. Подавлял, навязывал свои желания...

Но если его желания и желания Мии совпадают, то отчего не покориться?

Она уже познала это. Легкость и радость покорности, удовольствие от следования за его желаниями. Разве это плохо — довериться кому-то целиком?

И снова ее сумбурные размышления прерывались воспоминаниями, от которых по телу шла чувственная дрожь.

Госпожа Хасу сказала, что он может и не прийти. Но пусть бы пришел! Как будет хорошо, если придет!

Дверь с грохотом отъехала в сторону. Мия с тайным трепетом повернулась к возникшему на пороге самураю.

— Господин Такухати! Я так рада вас видеть...

— Заткнись, — перебил ее Акио, задвигая за собой дверь.

Он говорил тяжело и отрывисто, сквозь зубы, а синее пламя в его глазах показалось ей колючим и холодным, как свет далеких звезд.

— Господин, я...

— Я сказал — заткнись!

Он одним рывком пересек комнату, навис над девушкой, притискивая ее к стенке. Широкая ладонь шлепнула по губам, загоня обратно все несказанные Мией слова оправданий и извинений.

— Хорошая шлюха должна молчать, слушаться и делать то, что ей велят. Ты будешь сегодня хорошей шлюхой, Ми-я?

Мия застыла от страха и обиды, глядя на него снизу вверх расширенными зрачками. Таким она Акио еще не видела. Таким он пугал ее.

Казалось, от генерала исходили волны арктического холода. Но это было не завораживающее спокойствие заснеженной пустыни, а дикая ярость северного шторма. Покрасневшие словно от недосыпа глаза, искаженное лицо, сведенные судорогой мышцы...

— Ну? — Он потрянул ее, как тряпичную куклу. — Будешь?

Она кивнула. Спорить сейчас с Акио Такухати осмелился бы только полный безумец.

Он наклонился ниже, вдыхая ее запах. Мия стояла, не осмеливалась шевельнуться или пискнуть.

Акио рванул кимоно, и ткань жалобно затрещала.

— Не надо! Пожалуйста!

О пресветлая Аматаэрасу, оно же стоит безумных денег! Год работы гейшей, а то и больше!

— Господин! Пожалуйста, не надо! Я сама разденусь.

Трясущимися пальцами она развязала пояс и почувствовала, как мужские руки задрали нижнюю сорочку и зашарили по ее телу. Ногой Акио раздвинул ее колени. Стиснул до синяков ягодицы, вдавливая девушку в свое тело. Болезненный укус чуть выше ключицы заставил ее вскрикнуть.

«Если мужчина зол, никогда не пытайтесь спорить с ним, — зазвучал в голове голос наставницы Оикавы. — Подчинитесь, покажите, что принимаете его таким. Сила женщины в умении быть покорной».

Она постаралась расслабиться, сама потянулась навстречу, ища его губы, и почувствовала, как пальцы бесцеремонно вторгаются в ее тело.

— Ты мокрая, Ми-я. Нравится, когда с тобой не церемонятся?

Мия покраснела от злости и унижения. Она действительно была возбуждена из-за длительного ожидания и воспоминаний о ночи мидзуагэ.

— Я не такая! — простонала она, позабыв о своем намерении не спорить и быть покорной.

— Такая. — В его голосе послышалась горечь. — Почему ты такая шлюха, Ми-я?

— Я не...

— Молчи, — приказал он и закрыл ей рот злым поцелуем, пока его пальцы продолжали двигаться, рождая в девушке жалобные стоны.

Она почувствовала, как тело отзывается на грубоватые ласки, и чуть не заплакала от обиды. Пресветлая Аматаэрасу, неужели она действительно шлюха, которая способна возбудиться даже от такого?!

Если бы он был грубее, сделал больно! Или просто взял ее сразу.

— Скажи, что хочешь меня!

Мия не хотела его. И хотела. В этот момент она боялась и почти ненавидела Акио. Но хуже всего, что она чувствовала, как от его резких движений по телу расходятся жаркие волны. От мускусного мужского запаха кружилась голова, подгибались ноги. Но признаться в этом было слишком унижительным.

Он потянул ее за волосы, заставив запрокинуть голову. Смял цветы в прическе, растрепал тщательно уложенные пряди. И снова впился в губы болезненным поцелуем.

Акио оторвался от нее со стоном и несколько мгновений стоял, тяжело дыша, покачиваясь, как пьяный. Словно переживал приступ.

И потребовал еще раз, не прекращая двигаться в ее теле:

— Скажи!

Девушка с вызовом взглянула в колкий лед его глаз и ответила, поражаясь собственной дерзости:

— Не хочу!

Желание гуляло по коже, отдавалось ноющим возбуждением в затвердевших сосках. Но возмущение от оскорблений было сильнее.

Гейша — не шлюха! Мия не позволит так с собой обращаться!

Пальцы снова вонзились в ее тело, выдавая очевидную обоим ложь. Она слишком мокрая, слишком возбужденная. Боги, как же стыдно...

— Не хочешь? — Его голос походил на шипение змеи. Синие глаза заволокла мутная пленка, и Мия пожалела, что решила бросить Такухати вызов. Он же не в себе. Спорить с ним сейчас...

Она не успела додумать эту мысль, потому что Акио улыбнулся — криво и безумно.

— Не хочешь, и плевать! Кто спрашивает шлюху, чего она хочет!

Он толкнул девушку на futon, перевернул на живот, закинул подол так и не снятой сорочки на спину и ворвался в ее тело резким болезненным толчком.

Мия тихо всхлипывала, уткнувшись лицом в futon. Сладостные разряды, которыми отдавалось каждое его движение, заставили ее действительно почувствовать себя шлюхой. Ведь только шлюха может получить удовольствие, когда ее берут вот так — грубо, нисколько не считаясь с ее желаниями.

Он наклонился к ней, обдал тяжелым жарким дыханием ухо. Прижался со спины, опираясь на руки, чтобы не налегать всем весом на девушку. Мия почувствовала, как зубы прикусывают мочку ее уха.

— Мия, — выдохнул он, погружаясь в нее на всю длину. — Ведьма!

Мия впилась зубами в подушку, глуша крики. Когда он входил так глубоко, одновременно целуя ее шею сзади, ей хотелось забыть о гордости и достоинстве, превратиться в стонущую самку.

Еще несколько размеренных толчков. Мия выгнулась и забилась в мужских руках. Удовольствие было совсем иным, не таким, как в их первую ночь, — темным, порочным, засасывающим, как морская пучина. Но не менее острым.

Он резко двинулся вперед, ворвался в нее до конца и стиснул девушку, прижимая еще плотнее к себе. Мия услышала тяжелый шумный выдох, словно Акио сдерживал стон, и поняла, что все закончилось.

Еще несколько мгновений он сжимал ее в объятиях, лаская губами шею. Потом снова тяжело

выдохнул, и девушка почувствовала, как чужая плоть покидает ее тело.

Он встал, одернул подол ее сорочки, прикрывая ягодицы, но Мия никак не отреагировала. Лежала ничком, уткнувшись лицом в подушку, и глушила подступающие слезы. Она сама бы не решилась утверждать, что показалось ей более гадким — мужская грубость или предательская реакция собственного тела.

Девушка вспомнила, как ждала Акио всего несколько часов назад, и все-таки зарыдала.

Хлопнула дверь за спиной.

Снаружи шел дождь.

Акио спустился по ступенькам, поднял лицо к темным небесам и поймал языком несколько безвкусных капель.

Холодные струи намочили волосы, потекли за шиворот. В воздухе пахло рыхлой землей и цветами.

Сакура... когда она уже отцветет, будь она проклята! Обычно неделя, и все, а в этом году ханами все тянется и тянется. Запах цветущих вишен и слив, казалось, преследовал его, куда бы он ни пошел.

Вместо того чтобы поспешить под крышу, Акио замер, вглядываясь в затянутое тучами ночное небо. На душе было удивительно погано. Слово только что сотворил подлость и ушел.

И что-то внутри рвалось, тянуло обратно. Вернуться к плачущей девушке. Обнять ее, прижать к себе, утешить. Пообещать, что больше это никогда не повторится. Попросить прощения.

Попросить прощения? У кого? У шлюхи? За что? Он был в своем праве! Он купил ее!

Ха, можно подумать, другие клиенты спрашивали, чего она хочет или думали о ее удовольствии!

Отчего же на душе так паскудно? Так безнадежно паршиво, что хочется завывать? Слово унижая Мию, он унизил самого себя, уничтожил и растоптал что-то драгоценное, важное.

Саке. Нужно выпить саке. Много-много саке, чтобы смыть воспоминание об ее испуганном взгляде. О дерзком «не хочу» и отчаянных слезах после.

Пусть завтра рано утром лететь на Эссо. Сегодня ему нужно саке.

Генерал сгорбился под дождем и побрел в сторону дома.

Она плакала долго, пока слезы окончательно не иссякли, а потом лежала, бездумно уставившись перед собой. Огонек внутри напольного фонаря тщетно старался развеять поселившийся в домике сумрак.

Так же сумрачно было на душе Мии.

Акио Такухати указал ей ее место. Шлюха, подстилка, инструмент для получения удовольствия

— и только.

Какой страшной и безрадостной оказалась жизнь гейши. На Рю-Госо все виделось совсем иначе.

Завтра ей придется выйти из домика. Встретить полные ненависти взгляды других работниц «Медового лотоса». Вытерпеть насмешки и подколки, рожденные завистью. Пусть женщины больше не посмеют тронуть Мию, словом тоже можно ранить. И никакой амулет не помешает им пролить тушь на кимоно или подсыпать в пудру толченое стекло.

А вечером придет Акио Такухати. И все повторится...

При мысли об этом захотелось снова разрыдаться, но слезы кончились.

Так будет продолжаться день за днем. Потом она надоест Акио, и за ним придут другие. Те, кого Мия видела на мидзуагэ. Они тоже не станут церемониться.

Зачем все это? Зачем терпеть ежедневное унижение?

Жены и дочери самураев, когда хотят избежать бесчестия, перерезают горло кинжалом, предварительно связав лодыжки, чтобы и в смерти выглядеть достойно.

На мгновение она представила себя лежащей на полу. Как по голубому шелку кимоно расплзается алое пятно, как толпятся у домика гейши, с восторгом обсуждая подробности чужой смерти. Как неодобрительно поджимает губы «матушка».

Кумико, наверное, всплакнет. Госпожа Оикава при известии осуждающе покачает головой. Акио Такухати пожмет плечами и возьмет себе другую гейшу. Джин даже не узнает. А вот Дайхиро...

Мысль о друге-оборотне была как бадья ледяной воды на голову. Мия вскочила и нервно заходила по комнате. Щеки горели от стыда. Как она могла даже подумать, чтобы оставить тануки одного?! Вот он ее никогда не оставлял. Как только освободился, сразу нашел, украл деньги, выкупил на ночь.

Он ведь теперь не сможет больше прийти к Мие! Все ночи на месяц вперед принадлежат Акио Такухати.

При мысли о генерале Мия почувствовала себя грязной. С удивившим ее саму остервенением сорвала сорочку и залезла в офуро. Мочалка до красноты, почти до крови царапала нежную кожу, но ощущение нечистоты не проходило.

«Бежать! — Эта простая мысль так поразила ее, что девушка выпустила из рук мочалку. — Я должна бежать!»

Глава 12

ПТИЦА В КЛЕТКЕ

Стражник, позевывавший у входа в «квартал ив и цветов», был молод. Привлекательное смуглое лицо, по-девичьи гладкая кожа и редкие черные волоски над губой — свидетельство тщетных попыток отпустить усы.

Мия сглотнула. Сердце заколотилось в груди с утроенной силой, страх заставил увлажниться

ладони. Только бы караульный ничего не заподозрил! Только бы пропустил!

Она улыбнулась молодому самураю в надежде, что под густо набеленным лицом не будет видно, насколько неестественная и испуганная у нее улыбка.

— Я из «Медового лотоса», от госпожи Хасу. В квартал аптекарей. У нас много гостей. Вторые сутки гуляют, вот и кончилась возбуждающая настойка. — В доказательство своих слов Мия показала корзинку.

На дне корзины пряталось сменное кимоно — самое простое, из дешевой конопляной ткани. Единственная вещь, которую Мия рискнула захватить с собой, покидая чайный домик.

Самурай оживился:

— Конечно, малышка. А разрешение от «матушки» у тебя с собой?

Девушка ждала этого вопроса, но сердце все равно упало в пятки. Пресветлая Аматаэрасу, как же неприятно притворяться и врать человеку в лицо! Неприятно, а еще страшно и стыдно. Вдруг он поймет, что Мия его обманывает? Какого он тогда мнения будет о ней? А если расскажет госпоже Хасу о попытке покинуть квартал без дозволения? Тогда сбежать станет много сложнее.

Все эти мысли табуном диких коней пронеслись в ее голове, но не отразились на лице. Мия демонстративно потянулась к поясу, нахмурилась, «не обнаружив» никогда не существовавшего разрешения. Потом полезла в корзинку и, наконец, развела руками с жалобной улыбкой.

— Простите... кажется, я забыла его.

Самурай подмигнул:

— Может, ты его куда засунула, малышка? Я поискать могу.

— Пожалуйста, пустите меня! Гости ждут! — В ее голосе зазвучало неподдельное отчаяние. Девушка умоляюще посмотрела на стражника и, повинувшись какому-то наитию, добавила: — А потом я вернусь, и вы сможете его поискать.

Стражник задумался. По его лицу было видно, что он почти готов согласиться. Да, конечно, это против правил — гейшам запрещено покидать «квартал ив и цветов» без специального разрешения от владелиц чайных домиков. Но ради всех богов, кому станет хуже, если девочка по-быстрому сбежит в соседний квартал и вернется? Он же не оружейный склад охраняет!

Самурай был молод и тяготился назначенной службой. Он стоял на страже всю ночь, которая оказалась на редкость бестолковой и скучной. Не было даже запоздавших гуляк, жаждущих женского тела после закрытия ворот. А тут хоть какое-то развлечение на рассвете.

Через полчаса ему сменяться с караула. Глядишь, и правда гейша даст себя «обыскать». Юноша всего месяц как охранял «квартал ив и цветов», но уже успел усвоить, что местные женщины сговорчивы и, вопреки гуляющим о них слухам, частенько готовы приласкать красивого самурая бесплатно.

Он покосился на девушку. Совсем молоденькая и такая хорошенькая. Снять бы с нее кимоно, да и...

Мия стиснула ручку корзинки вспотевшими ладонями. Утреннее солнце больно жгло красные от недосыпа глаза. Прошлую ночь она так и не уснула. Сначала продумывала план побега, а потом просто не смогла сомкнуть глаз в ожидании рассвета. Чем раньше она покинет квартал, тем больше времени будет до того, как «матушка» хватится беглянки.

Сомнение на лице молодого стражника сменилось широкой улыбкой. Он кивнул и даже сделал шаг в сторону, готовясь пропустить девушку, когда из-за его спины раздалось раскатистое: «Смирррно!»

Узнав голос лейтенанта, стражник вытянулся по струнке.

Начальник караульной части прохромал через открытые ворота, смерил вьедливым взглядом сначала гейшу, а потом самого стражника.

«Начинается», — с тоской подумал самурай.

И точно. Началось.

— И это — воин сёгуна? — противным голосом спросил лейтенант. — Надежда и опора Оясимы? Живот втяни! Выпрямись, чего ты ворота подпираешь? Думаешь, они рухнут, если ты от них отлипнешь, бестолочь тупорылая!

Лейтенанту не нравилось все. Как стоит караульный, как смотрит. Как висит катана и как завязан пояс на кимоно. По мнению лейтенанта, молодой самурай годился в лучшем случае убирать навоз за свиньями, и то неизвестно, по силам ли ему будет такая сложная работа. А пускать такого похотливого дурака охранять проход в квартал развлечений равносильно тому, чтобы оставить ворота вовсе без охраны. И даже хуже.

«Чтоб ты сдох, старик», — в сердцах пожелал юноша, стоически пропуская мимо ушей уже знакомый и поднадоевший набор придинок.

Произнести это вслух мешала субординация и вбитое родителями уважение к старшим.

Мия слушала, как лейтенант распекает караульного, и обмирала от ужаса. Ворота хорошо просматриваются с другого конца улицы. Да, час ранний, «Медовый лотос» еще спит. Но стоит кому из гейш выглянуть на улицу, например провожая гостя, как она непременно увидит и самураев и Мию рядом.

Распахнутые ворота рядом манили обещанием свободы — близкой и недоступной.

Лейтенант так увлечен руганью. Он и не заметит...

— А ну стоять! — гаркнул над ухом сиплый голос.

Девушка подскочила на месте. Сдержала самоубийственный порыв бросить все и бежать — догонят ведь, непременно догонят! — и медленно обернулась.

— Я в квартал аптекарей. Господин, — она кивнула на стражника, — дозволил.

— Дозво-о-лил, — с подозрением протянул лейтенант. По его лицу было видно, что он заранее и категорически не одобряет любые исходящие от «бестолочи деревенской» дозволения. — А ну, покажи разрешение от «матушки»!

— Оно осталось в чайном домике, — обреченно призналась Мия. Что-то подсказывало: не стоит и пытаться разжалобить хромоногого лейтенанта — бесполезно.

За эти слова она получила неприязненный взгляд со стороны молодого самурая и тычок от начальника караульной службы вместе с напутствием: «Иди давай! Придумала тоже — без разрешения бегать».

Повернувшись спиной к воротам, девушка побрела обратно. В спину ей летела возмущенная ругань лейтенанта.

Топот ног и возбужденные разговоры прямо над головой заставили Мию открыть глаза. Она зевнула, потянулась и села.

— А, Мия проснулась! — слышался голос Ичиги.

— Укатал ее господин Такухати, — хихикнула Оки. — Почти весь день спала.

— Мия, ты идешь?

— Что? — Девушка недоуменно заморгала. Она сидела на футоне в общей комнате — здесь ночевали гейши, которым не повезло привлечь гостя на ночь.

Ну да, все правильно. После полученной от лейтенанта выволочки Мия вернулась в чайный домик. Переделась в простое кимоно и прилегла отдохнуть. Неудачная попытка бегства и бессонная ночь совсем вымотали ее, девушка нуждалась хотя бы в паре часов отдыха.

Судя по вечернему солнцу в оконном проеме, парой часов дело не ограничилось.

Мия почувствовала жуткую досаду. На себя в первую очередь. Ну почему она так сглупила? Потратила бездарно драгоценное время и, скорее всего, уже не успеет сбежать сегодня. Значит, придется вытерпеть еще одну ночь с Акио Такухати. Ночь, когда он будет оскорблять Мию и доказывать ей делом, что она — не больше чем грязная шлюха.

Она чуть не заплакала от обиды, что все так нелепо повернулось.

— Ну? Ты идешь? — снова спросила Кумико. Подруга стояла рядом с футоном Мии, разве что не подпрыгивая от нетерпения.

— Куда?

Гейши заговорили разом, перебивая друг друга:

— Вниз! В общий зал.

— Пришла мудрая женщина, которая гадает на бамбуковых палочках!

— Это бесплатно, Мия!

— Пойдем скорее! — Кумико настойчиво потянула Мию за рукав. — Уже все там собрались.

— Может, не надо? — неуверенно пробормотала Мия. Прощлое гадание в купальне навсегда отвратило ее от того, чтобышний раз обращаться к духам.

— Как это — не надо? Ты не хочешь знать будущее?

Мия уже открыла рот, чтобы сказать «нет», но осеклась.

Она хотела знать будущее. Получится ли сбежать — девушка уже решила повторить попытку ночью, перебравшись через ограду. Так даже лучше, чем уходить через ворота. Останется больше времени на бегство из столицы.

Как не посоветоваться с духами, начиная такое важное дело?

Она вскочила:

— Идем!

Женщина была не просто стара. Она казалась древней, как горы на Рю-Госо. Темно-коричневое лицо, похожее на кусок старого пергамента, покрывали глубокие ущелья морщин. Грязно-белые пряди волос реками сбегали по покатым плечам.

И кимоно на гадалке казалось таким же древним, как она сама. Ветхая вылинявшая тряпка, о первоначальном цвете которой можно только догадываться.

Мия посмотрела старухе в лицо и вздрогнула. Вместо глаз на девушку глянули два бельма — гадалка была слепа.

— А ну садитесь, красавицы, в круг, да не толкайтесь, — проскрипела она низким мужским голосом. — На кого духи укажут, той и погадаю. Один день — одной красавице, не больше. Духи не любят, когда их дергают лишний раз.

Девушка огляделась и повеселела. В чайном домике обитало больше пятидесяти гейш, и примерно половина из них решила попытать счастья с гаданием.

Такая толпа! Мыслимое ли дело, чтобы духи изо всех женщин выбрали именно Мию?

Бамбуковые палочки со стуком ударились о стенки глиняного стаканчика и высыпались на татами. Гадалка склонилась над ними, став похожей на жабу, и зашарила пальцами по деревянной поверхности, считывая вырезанные символы.

Гейши наблюдали за ней в напряженной тишине. На лицах женщин читалась неуверенность, словно они уже сами не знали, хотят ли получить откровение от жутковатой старухи.

— Сегодня духи выбирают тебя, дитя, — провила старуха загробным голосом, а жилистый ее палец, увенчанный кривым желтым когтем, ткнул в Мию.

— Меня? — растерялась девушка.

Она не ждала такого «везения» и не успела придумать вопрос.

— Тебя, тебя, красавица! — Лицо гадалки расплылось в щербатой улыбке, похожей на ухмылку голодного духа. — Пойдем-ка в отдельную комнатку. Гадание, знаешь ли, не любит толпы и суеты.

Ради такого дела «матушка» дозволила Мие занять одну из комнат в чайном домике, благо час

был относительно ранний и гостей в «Медовом лотосе» пока не наблюдалось.

Девушка задвинула дверь и обернулась к гадалке с тайным трепетом. Не просто же так духи выбрали ее сегодня! Может, они хотят сказать Мие что-то важное.

— И какой вопрос у тебя к духам, красавица? — пропела гадалка фальшивым дискантом, переходящим в очень знакомый баритон.

— Вопрос? — Мия с подозрением посмотрела на старуху. Та ухмыльнулась в ответ, победно распушив седые усы, отчего подозрения девушки только усилились.

Что-то шевельнулось под подолом старухино кимоно. Мия перевела взгляд на выглянувший из-под ткани кончик полосатого хвоста и почувствовала, как рождается внутри смех облегчения, рождается и рвется наружу, рискуя всполошить весь чайный домик.

Еле сдерживая истерический хохот, девушка заткнула себе рот обеими руками и тихо сползла по стенке на расстеленный фuton.

— Ты ужасен, — простонала она.

— Протестую! Я прекрасен! — гордо возразил тануки, стягивая с головы лист лопуха. — И я пришел попрощаться.

— Вытащить-то тебя не проблема, Мия-чан. Но вот что дальше? Знаешь, что делают с беглыми гейшами?

Мия кивнула. Она знала. Беглая гейша приравнивалась к беглому должнику. А беглый должник в глазах сёгуна — вор.

Яма, скорый суд и отрубленная рука. Если повезет и «матушка» заберет преступницу до того, как ее искалечат, то возвращение в чайный домик с многократно возросшим долгом — все расходы на поиски и возвращение ложились на беглянку.

Даже если удастся сбежать, это означает, что Мие все равно придется всю жизнь прятаться и скрываться. Всю жизнь провести в страхе, что кто-то найдет, узнает, донесет.

И на какой бы из Благословенных островов Мия ни направилась, наивно ожидать, что красивая молодая женщина без мужчины-защитника не привлечет внимания. А у Мии нет ни родни, ни знаний о ремеслах, кроме тех, которым ее обучили в школе.

— Самхан, — сказала она. — Я сбегу в Самхан.

Не сказанное «к Джину» словно повисло в воздухе.

Сны лгут, но как хочется верить в эту сладкую ложь. Где сейчас Джин? Нужна ли ему Мия?

А даже если забыть о Джине, кто станет искать беглую гейшу на материке? В Самхане Мия сможет забыть прошлое и начать новую жизнь.

Против ее ожиданий, оборотень кивнул, словно нашел эту идею вполне реальной и разумной.

— Если договориться с контрабандистами... — Он задумчиво почесал затылок. — Но где ты возьмешь деньги, чтобы заплатить им?

Продемонстрированный Мией золотой рё заставил глаза тануки округлиться. Дайхиро присвистнул, а потом задумался.

— Да, может получиться. Особенно если выдать тебя за мальчика.

— Что? Зачем за мальчика?

— Чтобы не приставали в пути. — Дайхиро подмигнул. — Сама понимаешь — плавание дело долгое, женщин на корабле нет. А я не смогу с тобой плыть, ты уж прости, Мия-чан.

Он оттянул край кимоно и показал некрасивую проплешину в меху. На сероватой коже красовался иероглиф «гири».

— Какой ужас, — прошептала девушка.

Она словно взглянула на друга детства другими глазами. Дайхиро так беспечно рассказывал о неделях в яме, будто провел их, отдыхая на горячих источниках. И об условиях, на которых его выпустили, говорил вскользь, как о чем-то несущественном.

— Господин начальник службы безопасности умеет быть убедительным. Эй, не кисни, Мия-чан. Прорвемся! Но отправиться с тобой в Самхан я не смогу. Поэтому надо выдать тебя за мальчика.

Девушка покачала головой и бросила критический взгляд в бронзовое зеркало. Матово-бледная кожа, тонкие брови, алые губы, огромные глаза в обрамлении густых ресниц. И тяжелые волны волос — предмет тайной гордости Мии. Распущенными они прикрывали ягодицы, а от тяжести прически под вечер иной раз болела шея.

Нет, с мальчиком ее не спутать, даже повстречав в полной темноте.

— Не получится.

— Это проще, чем ты думаешь, — заверил ее тануки. И больно дернул за выбившуюся из прически прядь. — Все дело в деталях, Мия-сан.

Глава 13

НАВСТРЕЧУ НОВОЙ ЖИЗНИ

К полуночи стало ясно, что сегодня Акио Такухати не придет. Мия мысленно поблагодарила пресветлую Аматаэрасу за этот щедрый дар и принялась за дело.

Труднее всего было срезать первую прядь. Клацнули ножницы, волосы черной лентой опустились к ногам Мии. Девушка опустила глаза, рассматривая свое недавнее сокровище. С ностальгической улыбкой она вспомнила, как переживала, когда Кумико остригла ее всего несколько месяцев назад. Разве поверила бы Мия, скажи ей кто тогда, что совсем скоро она будет избавляться от красоты по собственной воле?

Говорят, в волосах живет память, а если так, то долой ее. Долой память о ночи мидзуагэ и буднях жрицы любви. Прощай, «Медовый лотос» и все, что было связано с прежней жизнью. Раньше Мия шла проторенной дорогой, путем гейши, и этот путь чуть было не завел ее в зыбучие пески.

Отныне она сама будет выбирать свою дорогу!

Девушка встряхнула головой, рассмеялась, и ножницы замелькали в ее руках. Остриженные пряди дождем опадали вокруг Мии, покрывая пол вокруг черным ковром.

Наконец остригать стало нечего. Мия остановилась и посмотрела в зеркало. Оттуда на нее уставилось встрепанное большеглазое существо неопределенного пола. Обряди его в мужскую одежду, издалека сойдет за мальчишку.

— Уже лучше, — пробормотала девушка, невольно копируя интонации Дайхиро. — Но недостаточно.

Все портила серьга в ухе. Красивая серебряная сережка в форме цветка лотоса с сияющим магическим светом красным камушком в центре. По-женски изящная, с выгравированными иероглифами «Медовый лотос» на внутренней стороне.

Сразу знак профессии, противозачаточное заклинание и маяк.

Медленно и неуверенно Мия подняла руку. Огладила скругленные лепестки, коснулась камушка.

Страшно.

Пути назад все равно уже нет.

И все равно страшно.

Она зажмурилась и рванула серьгу.

Боль была несильной и короткой. Мия открыла глаза, поглядела на окровавленную сережку в своих руках и, размахнувшись, с неожиданной злостью зашвырнула ее в угол.

— А вот это ты зря, — раздался голос от окна. — Она нам еще пригодится.

Мия вздрогнула, но тут же взяла себя в руки, узнав голос.

— Как ты сюда попал?

— Для тануки не существует запоров, если за дверью его ждет красавица. — Дайхиро спрыгнул с края окна, на котором сидел последние десять минут, наблюдая за действиями девушки, медленно обошел ее по кругу и, наконец, остановился рядом, склонив голову.

— А хорошо, — объявил тануки. — Что я говорил, Мия-чан, из тебя получится отличный мальчик. Когда мы закончим.

— Когда я переоденусь? — уточнила Мия.

Теперь, когда все мосты были сожжены, ею вдруг овладел хмельной веселый кураж. Задуманный побег перестал пугать неизвестностью, превратился в увлекательное приключение. Есть цель, есть мужчина, к которому Мия стремится всей душой, есть верный друг рядом и злые враги за спиной. И дело только за ней: если Мия не струсит, не сдастся, то все преодолеет и получит награду.

Как в сказках.

— И переоденешься тоже. — Тануки упал на четвереньки и зашарил под столиком, куда отлетела сережка. Мгновением позже он вскочил, победно потрясая добычей.

— А ну намыль-ка голову, Мия-чан, — велел он. — Постригу тебя в монахи.

Утром следующего дня «квартал ив и цветов» через ворота покинули двое. Рядом с низеньким толстым монахом шагал юный послушник в скромных серых одеждах. Выскобленный почти до зеркального блеска незагорелый череп юноши намекал, что тот принял постриг совсем недавно. Лицо его было вымазано в саже, словно он чистил переносную жаровню от копоти, а потом так и не удосужился умыться. Тем не менее по-девичьи нежные черты невольно притягивали к себе взгляд даже под слоем грязи.

— Что, монах? — гоготнул стражник на входе в квартал. — Никак наших девок ходили тискать? Так-то ты следуешь учению?

— Вовсе нет! Мы провели здесь ночь с самыми благими намерениями, — жарко возразил толстяк. — Сей юноша плохо представляет, как коварны и опасны могут быть женщины. Я обязан был показать ему соблазн, чтобы при встрече он узнал его в лицо.

Стражник заржал и высказал непристойное предположение, как именно монах знакомил послушника с опасностью, проистекающей от женского рода. Лицо юноши под сажеей заалело, он опустил взгляд и уставился на грязную лужу за стеной.

Монах воздел палец вверх и надулся от важности:

— Сразу видно, как мало знаешь ты об учении Будды, мой друг. Значимо не само действие, но неомраченное состояние ума, в котором его совершаешь. Клянусь своим завтраком, что нынче мой ум не был искажен страстью, когда я касался женщины. А ежели так, то это и не нарушение вовсе.

Мия слушала его и переминалась, внутренне обмирая от ужаса. Ей казалось, что на них все смотрят. Что вот-вот ее узнают, несмотря на обритый череп и мужскую одежду. Как раздастся над ухом крик «держи беглую», и что тогда?

Самураю скучно, хочется поболтать, но отчего медлит Дайхиро? Почему продолжает благодушно препираться с караульным, а не пошлет его десятой дорогой и не уйдет? Боится вызвать подозрение излишней спешкой?

Вот он — выход, такой близкий и недоступный.

Она бросила умоляющий взгляд на тануки, но тот его как будто не заметил.

И тут раздалось уже знакомое «смир-р-рно!» Распинавшийся стражник оборвал свою речь на полуслове и вытянулся.

Сквозь ворота хромал зловредный вчерашний лейтенант.

Мия съежилась, втянула голову в плечи, ощущая себя голой, несмотря на одежду. Вот-вот лейтенант глянет пристально на ранних пташек и заметит под мешковатым кимоно туго забинтованную девичью грудь или еле заметный свежий шрамик на мочке уха.

Лейтенант смерил монаха и послушника осуждающим взглядом.

— Чего встали? Пошли, пошли отсюда! С-служители Будды... — И, утратив интерес, повернулся к караульному: — И это — воин сёгуна? Надежда и опора Оясимы?

Тануки и Мия резво припустили через открытые ворота под вопль хромого лейтенанта: «Ну кто так стоит? Живот втяни!»

Дорога из столицы слилась для Мии в одно сплошное мельтешащее пятно. Запомнился только постоянный двор, где тануки договаривался с владельцем подводы, чем вызвал изрядное недоумение и самого купца, и других путешественников. Дороги Оясимы беспокойны, но кто станет грабить монахов? Денег у них нет, а убийство святого человека серьезно отягощает карму.

Перед тем как покинуть столицу, оборотень сунул сережку Мии в седельную сумку почтового курьера и вслух пожелал стражникам долгих поисков.

Потом были три дня пути. Ветер гнал по дороге лепестки отцветшей сакуры, швырял Мие под ноги. Всего три недели назад девушка проделала этот же путь от Идогамы до Тэйдо вместе с другими майко в скрипучей телеге. Тогда ею владел страх, надежда и смирение перед грядущей участью.

Сейчас Мия шла пешком — место на самой подводе стоило денег. И снова ощущала кипучую смесь надежды и страха, но теперь в ней не было обреченности или смирения. К добру или к злу, но Мия сама выбрала свою судьбу. И какой эта судьба ни окажется, винить будет некого, кроме себя.

Идогама запомнилась запахом моря, соли и свежей рыбы. Они провели в ней двое суток, снимая комнатку в крохотной таверне недалеко от порта. Тануки весь день носился по городу, договариваясь с контрабандистами, а Мия просто жила.

По утрам она ходила смотреть, как рыбацкие лодки возвращаются с уловом — черные силуэты на фоне розового неба, а ночами слушала через тонкую дощатую стенку тяжелые и сонные вздохи океана. Зимние шторма уже отбушевали, дракон дремал, лишь иногда приподнимая голову в клочьях седой пены.

«Я счастлива», — неожиданно призналась себе девушка.

Мир обязанностей, норм и строгих правил, мир определенности, безопасности и покорности остался позади. Впереди ждала неизвестность, а сейчас были краткие мгновения безвременья на границе «вчера» и «сегодня». И в этом безвременье, когда прошлое уже умерло, а будущее еще не родилось, когда рядом верный друг, а перед глазами весенняя Оясима во всем ее живом дышащем многоцветье, Мия была счастлива.

— Я нашел тебе капитана, Мия-чан, — небрежно объявил тануки вечером третьего дня, заталкивая в себя вторую порцию жареного риса.

— Правда?

Она почти расстроилась при этом известии. Было ясно, что безвременье не может продлиться долго. И все же так хотелось, чтобы еще немного...

— Правда. Хитрый, сволочь, но удачливый. Знает все рифы и патрульные корабли. Десять лет

возит контрабанду и ни разу не попался. Его джонку строили под заказ специально для этих делишек, так что в ней полно тайников и ящиков с двойным дном. — Тануки хихикнул. — Я выкупил для тебя один. Дай обещание, что не будешь покидать его без нужды.

— Три недели в ящике?

— Две, если повезет. — Дайхиро взглянул на ее несчастное лицо и смилостивился: — Ладно, иногда можешь выходить. Но ненадолго. Капитан — глазастая скотина и, как поговаривают в кабаках, большой охотник до женщин.

Мия вздохнула и огладила темный пушок на голове. Волосы и брови отрастали с какой-то пугающей скоростью. Приходилось брить их чуть ли не каждый вечер, иначе вся ее маскировка грозила полететь в Дзигоку. И так девичье очарование нет-нет, да и проглядывало сквозь мужскую прическу и одежду, несмотря на синяки, которые она старательно рисовала каждое утро под глазами.

— Обещаю, — покорно произнесла она.

А потом обхватила оборотня, зарылась лицом в пушистую шубку, вкладывая в этот жест всю свою грусть по поводу неизбежного расставания и будущую тоску по другу.

— Не плачь, Мия-чан, — голос Дайхиро дрогнул, — Будда даст, еще увидимся. Передавай привет самханскому прихвостню.

Джонка называлась «Ночная лисица» и в полном соответствии с названием отходила от причала в полночь. В темноте Мия не разглядела лица капитана, но он показался ей огромным и страшным. Она робко поздоровалась в ответ на приветствие, стараясь сделать голос грубее, и ойкнула, когда мозолистая лапища охватила ее пальцы в болезненном рукопожатии.

В слабом свете тайного фонаря девушка спустилась за капитаном в тесный, затхлый трюм. Владелец корабля показал, как раздвигаются доски, освобождая нишу между каютами, темную и пыльную.

Да уж, путь к новой жизни не был усыпан розами.

«Это — плата, — подумала Мия, ввинчиваясь в узкую щель. — За свободу. За отсутствие еженощных унижений».

Не многие вещи в этом мире даются нам даром. За остальные приходится расплачиваться.

Мия согласна платить.

Тесное пространство внутри тайника заставило ее вспомнить, как они с Джином прятались от самураев наместника, и на душе потеплело.

Это будет нелегко — провести здесь две-три недели, но Мия вытерпит.

Заскрипели весла, в борт плеснула вода. «Ночная лисица», не зажигая огней, отходила от берега, унося Мию навстречу новой жизни.